

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
Рыбницкий филиал

АРГУМЕНТАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИУМЕ (постмодернистский подход)

Монография

Одесса-Тирасполь-Рыбница

*Издательство
Приднестровского
Университета*

2016

УДК 316.77 (043.3)

ББК 87.6

A79

Рецензенты:

Н.Н. Рыбка, канд. филос. наук, доц. каф. философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета

Л.Д. Мельничук, канд. социол. наук, доц. каф. менеджмента Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в г. Рыбница

Саввина Л.И.

A79

Аргументативная коммуникация в социуме (постмодернистский подход): Монография / Саввина Л.И., Саввина М.Г., Жарких В.Ю., Павлинов И.А., Скородорова Л.К., Паустовский Д.Ю. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та. 2016. – 184 с. (в обл.)

ISBN 978-9975-3125-4-7

Рассмотрены принципы аргументативной коммуникации как социального дискурса. Особое внимание уделено анализу интенций на будущее в аксиологических и нормативных принципах социальной коммуникации.

Монография будет интересна студентам высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование»; 09.03.03 «Прикладная информатика»; 09.03.04 «Программная инженерия»; 38.03.02. «Менеджмент», а также может быть полезна преподавателям философии, аспирантам, соискателям, интересующимся феноменами социальной коммуникации.

УДК 316.77 (043.3)

ББК 87.6

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

ISBN 978-9975-3125-4-7

© ОНПУ, 2016

© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный этап развития демократического общества выдвигает особые требования к уровню и степени социальной коммуникации. Коммуникация является универсальным достоянием и универсальной реальностью общественного существования. Ни одна социально значимая проблема невозможна без коллективно-коммуникативного, публичного обсуждения-признания, т. е. легитимации. Демократично организованная общность может достигать консенсуса через дискурс, который является практикой коммуникативных отношений для достижения общественного согласования и социального согласия.

Обществу необходим разумный и аргументированный консенсус, поскольку он позволяет в условиях плюрализма мыслей и ценностей создать единую платформу согласия. Социальная коммуникация, которая имеет в своей основе разные типы рациональности, становится условием консолидации в нашем разобщенном, индивидуализированном, прагматическом обществе. Консенсус общества и государства, легитимность власти, готовность обеих сил к дискурсу представляют ту благодатную почву, на которой вырастает демократия и стабильность общества.

Активность человека, мера ее участия в общественной жизни, зрелость человека зависят от степени социализации, т. е. от включения индивидов в социальные нормы и ценности. Это станет возможным на основе разных типов

интерактивности в условиях коммуникации разных слоев и институтов общества.

В философских поисках XX века были найдены новые основания сущности фундаментальных проблем человеческого бытия, предложено новое видение социальных отношений сквозь призму коммуникации, которая реализуется различными типами intersубъективности. Проблема выяснения сущности и значения социальной коммуникации имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Процессы современной демократизации тесно связаны с развитием рациональности, сменой ее типов, что в свою очередь обуславливает смену и возрастание роли общественности в социальных процессах. Для постсоветских стран, которые находятся на стадии радикального преобразования социальных структур и институтов, необходимость в согласованном взаимодействии всех субъектов общества, потребность во взаимопонимании, полилоговом консенсусе является актуальнейшей.

Коммуникативная тенденция современной социальной философии имеет солидное методологическое основание — теорию человеческого общения. В содержательно-терминологическом смысле понятие «коммуникация» находится в одном ряду с близкими по смыслу понятиями «взаимодействие», «человеческие отношения». В связи с этим важной методологической задачей выступает выявление смысла таких категорий, как «общение» и «коммуникация», выяснение смысла понятий «социальная коммуникация» и «коммуникативное общество».

Несмотря на то, что идеалом рациональности европейского общества с эпохи Модерна была научная рациональность, в XXI веке необходимо преодолеть ее монологичность и претензию на монополию истины, которые привели научную рациональность к кризису. Новое понимание рациональности как коммуникативной общности речевого взаимодействия участников общения, учитывает мысль, что актуальные ценностные ориентиры сообщества интерпретаторов задают определенные базовые ценности и определяются в дискурсе.

Коммуникативная рациональность как новый (дискурсивный) тип рациональности социума может обеспечивать консенсус воле субъектов, оформленных как аргументированные истины. Взаимодействие, а также общение остается экзистенциальной сущностью современного общества. Социальная коммуникация, как процесс духовного взаимодействия людей по выработке общезначимой истины, имеет различные средства коммуникации в обществе. Истина в коммуникативной рациональности находится в экспериментально устанавливаемом взаимодействии между разумами. Несомненно, что продвижение современного общества к свободе и согласию есть работающий механизм выбора альтернатив.

Коммуникативная рациональность общественности формируется в обыденной и общественной жизни субъекта в различных типах дискурса (морально-практическом, прагматическом, этическом, политическом). Сущность социальной коммуникации, ее условия и механизмы детерминируются тем значением диалога и полилога в коммуникации субъектов и институтов общественности, когда особая роль отводится речи, как посредника коммуникации, а также содержание, условия и сложности в достижении «идеальной речевой ситуации». Положения теории коммуникации: «контакт вместо контракта», противостоят ситуации разобщенности, в силу чего социальная коммуникация делает возможным участие субъекта в деятельности общественных институтов. Формы участия человека в жизни общества определяются исторически сложившимся опытом развития демократии.

Структура, уровни процесса понимания субъектов обеспечивают механизм коммуникации, где важно учитывать взаимосвязь понятий «смысл», «действие», речевой акт. Таким образом, смысловое и прагматическое различие между понятиями «коммуникативное действие» и «дискурс» позволяет выделять этапы коммуникации. В процессе коммуникации в речевой игре устанавливаются совместные смыслы, которые можно разделить на четыре сферы: сфера истолково-

вания, утверждения, пояснения и оправдания. Коммуникация выражается в двух формах: в рамках коммуникативного действия (интеракции) и общения (дискурса). В рамках коммуникативного действия значения и смыслы принимаются наивно, некритично, с целью обмена информацией. Дискурс направлен на уточнение смыслов и выработку общей позиции, мнения, оценки, нормы, т. е. на достижение взаимного понимания. Необходимо особо отметить, что процесс понимания обусловлен диалогичностью сознания субъекта. Культура диалога предполагает не только познание, но и взаимопонимание как соотнесение понятий, символов, смыслов и норм культуры. Современный жизненный мир характеризуется плюрализмом частных интересов, жизненных проектов, картин мира. Коммуникация способна учесть проблемы, которые возникли, объединив плюрализм и универсализм современного общества.

Коммуникативный дискурс, как речевая форма коммуникации, позволяет демократично обсуждать, принимать коллективное решение, которое является базой нормы права, которую индивид принимает также осмысленно и добровольно. Значения информации связано не только с речевыми аспектами дискурса, а также ставит задачу обоснования коллективно аргументированной общезначимой, рационально обоснованной нормы. В этом смысле «этика диалога» становится «этикой согласия», а, следовательно, и этикою ответственности субъектов и институтов общественности.

Важно отметить, что в ходе дискурса субъекты могут как рационально прогнозировать ситуацию, так и одновременно определять свое отношение к ней. В зависимости от типов вопросов и ответов в дискурсах применения и дискурсах обоснования изменяются понятия воле действующих субъектов. В связи с этим выделяются три типа дискурса и виды обоснования в них: прагматический, этический, морально-практический дискурсы.

Противоречия социальной коммуникации в современном демократическом обществе связаны с эволюцией коммуникативных отношений общественности и власти, каналов

и условий взаимодействия власти и общественности, источников интеграции человека и общества, противоречий в формировании общественности. Трансформация типа общественности основана на эволюции типа рациональности, которая, в свою очередь создает условия для дальнейшего развития демократических процессов в социуме.

Эволюцию коммуникативных способностей общественности, прав и свобод личности, права, типов демократии как социально-политических феноменов общества, исследователи определяют как «априорную коммуникацию». Общественность формируется в обыденном мире и направлена на защиту интересов, ценностей и норм жизненного мира. Эффективность защиты невозможна без коммуникации с государственной властью и управлением. Интегративная сила социальной коммуникации представлена наличием в обществе различных самостоятельных, автономных объединений и организаций.

Следует особо подчеркнуть, что необходимо развитие и постоянное обновление коммуникативных способностей общественности. Общество выступает как коммуникативное там, где преобладает открытость, демократичность, критичность. Способ и форма решения этой проблемы – социальная коммуникация. Взаимодействие общественности с государственной властью происходит на основе разработки позитивных общезначимых ценностей, в основе которых лежит идея общего блага.

Определение ценности и понятия общего блага может осуществляться в модели делиберативной демократии, где важная роль уделяется политической общественности. Она находит способы их осуществления через взаимодействие с органами власти. Демократия должна быть «проникнута человеческим духом». Благодаря ее формированию создается духовная общность людей как основа политической коммуникации и формирования нового типа демократии.

Таким образом, современному обществу важно создавать условия для развития политической культуры людей, которая зарождается в демократической повседневной жизни на

основе уважения человека и терпимости к нему. Несомненно, общественность выступает третьей силой, которая отражает и защищает интересы индивида, и является посредником между властью и индивидом. Новые возможности социальной коммуникации общественности и власти не возникают извне сами по себе, они предполагают эффективное функционирование гражданского общества и правового государства.

Эволюция гражданского общества и правового государства как важнейшие условия построения коммуникативного общества должна быть направлена на взаимодействие общественности и власти в аспекте «коммуникативного принципа априорности», на выявление условий становления общественности. Необходимо указать, что изменение типа рациональности обусловило трансформацию современного западноевропейского общества и появление новых моделей демократии. В делиберативном типе демократии («*deliberative democracy*») общественность способна стать коммуникативной властью. Возрастание роли общественности в разработке и регулировании правовой и других сфер общества может, по нашему мнению, осуществляться через социальную коммуникацию в процессе правового дискурса.

Правовой дискурс, как механизм политической коммуникации, базируется на правилах правового дискурса. Процесс коллективного достижения истины наиболее полно представлен именно в правовом дискурсе. Правовой дискурс, как этику согласия, осуществляют общественные институты, коммуникативная и административная власть, аргументируя ценности, и, прежде всего, правовые нормы. Субъектом реализации этой формы демократии является политическая общественность.

Политическая общественность включает в себя коммуникативную и административную власть. Нормативные установления коммуникативной власти административная власть переводит на собственный код и язык, рассматривая политические акты и законы как факторы, ограничивающие воспроизводство власти. Средством осуществления стано-

вится правовой или политический дискурс. Функции правового дискурса связаны со сдерживанием негативных дезинтеграционных процессов.

Политическая коммуникация исходит из ценностного плюрализма, который подразумевает не отказ от сравнительной оценки ценностей, а выбор между положительными ценностями. Политическая этика является одним из важнейших измерений политической коммуникации, так как она обосновывает систему базовых ценностей общества. Легитимность норм права относится к области поддержания и сохранения социальной интеграции, нормативно определенной идентичности общества, служит тому, чтобы удовлетворить эти притязания. Политическая коммуникация выступает одной из демократических альтернатив обеспечения стабильности и порядка в обществе.

Феномен коммуникации включает в себя все сферы взаимодействия субъектов в социуме. Процесс коммуникации можно противопоставить процессам социальной дезинтеграции, разобщенности социума в контексте социально-исторического опыта, культуры диалога и ценностей классической (научной) и коммуникативной рациональности. Сущность диалога состоит в выработке этических норм с помощью речевого акта и взаимодействия, и соотношении разнообразных позиций и оценок (т. е. в полилоге), в его превращении в коллективную волю.

Смена типа рациональности приводит к трансформации коммуникативных способностей субъектов, общественности, что обуславливает также эволюцию форм демократии. Наиболее эффективным способом коммуникации является правовой и политический дискурс общественности и власти, который обеспечивает согласие и плюрализм в обществе, и, таким образом, выступает основой его дальнейшего развития.

Политическая коммуникация предполагает всемерное развитие коммуникативной власти. Важнейшим принципом коммуникативной этики является принцип ответственности. Коммуникативная рациональность выступает менталь-

ной основой для эволюции демократии в направлении ее совершенствования, а также создания условий для истинного консенсуса общественности и власти на основе легитимности правовых норм.

В демократическом обществе аргументативная коммуникация направлена на разумное формирование коллективной воли и должна включать в себя признание того факта, что необходимо учитывать различные типы и формы разума. Наличие различных видов дискурса (прагматический дискурс, этический дискурс, политический, морально-практический дискурс) позволяет общественности прийти к согласию, которое есть результат обсуждения и убеждения.

Понимание составляющих механизмов социальной стабильности направлено на поиск рекомендаций для расширения процессов демократизации общества, складывания гражданского общества и коммуникативной культуры. Одним из важнейших механизмов, способных решать эту острейшую задачу, является социальная (аргументативная) коммуникация, имеющая в своей основе коммуникативную рациональность.

Монография предназначена для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки – 44.03.05 «Педагогическое образование»; 09.03.03 «Прикладная информатика»; 09.03.04 «Программная инженерия»; 38.03.02. «Менеджмент», а также может быть полезна специалистам, интересующимся феноменами социальной коммуникации и мониторингом социальной сферы.

ГЛАВА I

Изменение типа рациональности как необходимая основа коммуникативного общества

1.1. Виды и типы рациональности.

Кризис классической рациональности эпохи Модерна

1.2. Коммуникативная рациональность – новый тип рациональности

Повинующийся разуму повинуется богам
Пифагор (576–496 гг. до н.э.)

*Мышление – великое достоинство, и мудрость состоит в том,
чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе,
поступать с ней сообразно*
Гераклит (из Эфеса) ок. 535–ок. 475 гг. до н.э.

1.1. Виды и типы рациональности. Кризис классической рациональности эпохи Модерна

Рациональность является основополагающей характеристикой западноевропейской цивилизации. Развитие западной цивилизации было обусловлено изменениями типов рациональности. Итогом становления рациональности стало формирование своеобразного типа европейской культуры и демократии в эпоху Модерна. На основе рациональности возникли и совершенствовались

институты западной демократии. Современная демократия в своей основе имеет рациональность. Но рациональность не оставалась неизменной.

Менялись ее типы и виды. Этот процесс приводил к изменению типов демократии. Какой же тип рациональности господствовал в эпоху Модерна? Как и благодаря чему развивалась рациональность? Каковы истоки и основные признаки рациональности? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует обратиться к истории возникновения и осмысления рациональности.

Рациональность – философское направление, признающее разум основой познания и поведения людей. Понятие рациональности в истории философской мысли формировалось как производное от «рацио» – разума, т. е. определения отношения человека к миру, которое исходит в суждениях о мире и человеке из данных мысли, логических операций, проверяемых, достоверных расчетов. Классический рационализм выдвигал тот или иной принцип как исходный этап развития мысли, первопричину.

Термин «рациональность» используется для обозначения и характеристики философских концепций, начиная с XIX в. Понятие рациональности как логической размерности знания, опыта и деятельности нельзя смешивать с позицией рационализма в теории познания, исходящей из приоритета разума относительно опыта. Рационалисты рассматривали разум как самостоятельный и наиболее достоверный источник знания. Однако признание разума в качестве источника истинного знания еще не может служить бесспорным критерием принадлежности философа к рационалистической школе как таковой.

Многое зависит от трактовки самого разума и его взаимоотношений с чувственностью. В этом плане построения представителей классического эмпиризма XVII–XVIII веков, рассматривавших разум как высшую способность комбинирования и обобщения элементов чувственного опыта, также можно характеризовать как рационалистические в самом широком смысле слова.

В современной ситуации возникла необходимость переосмысления понятия рациональности, введения представления об ее историчности. На каждом этапе человеческой истории разум обнаруживает новые черты, утрачивает былые особенности. Отметим, что в современной философии понятие рациональности рассматривается, как присущее человеку универсальное средство организации деятельности. Эта деятельность предполагает целеполагающий характер. Она дает возможность эффективного использования замыслов, достижений, целей.

Современная трактовка рациональности включает несколько аспектов: 1) расчет адекватных средств для определенной цели [73]; 2) наилучшая адаптированность к обстоятельствам [6]; 3) логическая обоснованность правил деятельности [141]. Понимаемая как целесообразность, действие в соответствии с определенными правилами, нормами, ценностями, рациональность находит выражение в четырех типах социального действия: аффектативном, традиционном, ценностно-рациональном, целерациональном [73]. В этой классификации самым рациональным действием оказывается целерациональное, как критерий рациональности.

Критерии рациональности создала природа. Первый критерий – это отдельные положительные эмоции, порождаемые отдельными рациональными поступками. Второй критерий рациональности – воля и поступки субъекта рациональны, если ведут к достижению цели. Третий критерий рациональности – соответствие действий субъекта объективным законам бытия [142, с. 83]. Правила, по которым осуществлялась деятельность, были осознаны и оформлены в писаных законах и нормах рациональности. Однако самый надежный критерий рациональности порожден опытом человеческой истории: достижение прогресса позволяет заключить, что до сих пор воля и действия в целом были рациональны [46]. Выступая основой бытия, познания и поведения людей, рациональность включает в себя процесс аргументации, предполагающий взаимную критику [27], а также искусство прислушиваться к критике [37; 38, с. 259–264].

Рассмотрев некоторые подходы в понимании рациональности, мы можем выделить типы рациональности: онтологический, гносеологический и этический. Философское учение, согласно которому разум является основой бытия, есть онтологическая рациональность. Разум как основа познания – гносеологическая рациональность (или целерациональность). В качестве основы морали разум можно полагать как этическую рациональность (ценностную). Онтологическая рациональность – это направление в онтологии, согласно которому бытие разумно, т. е. в его основе лежит некоторое разумное начало. Гносеологическая рациональность – направление в гносеологии, согласно которому разум является главной формой познания. Этическая рациональность – направление в этике, согласно которому разум лежит в основе этического действия.

Классификации рациональности может основываться не только на выделении объекта изучения, а и на способе окончательного оформления истины. Учитывая это основание классификации, на наш взгляд, можно выделить: 1) научный (классический, монологичный); 2) коммуникативный (или дискурсивный) тип рациональности [54; 55].

В первом типе рациональности абсолютизировался разум и наука. Истоки монологического типа рациональности зарождаются в античности, когда знание представляется как благо. В античном мире науки как таковой (безличного, теоретического знания о сущности вещей и процессов) еще не было. Культурный и социально-экономический контекст, в котором наука сложилась, возник в Европе лишь в позднее средневековье и начале Нового времени [59; 60]. Именно в то время были сформулированы две основные задачи науки: приумножение знаний и увеличение блага человечества [143]. Окончательно научный тип рациональности сформировался в эпоху Модерна. Доминирующим этот тип рациональности становится в эпоху Просвещения. Философы Просвещения рассматривали истину как научное знание.

Развитие рациональных форм социальной организации и рациональных способов мышления в этот период содер-

жало в себе «обещание» освобождения от иррациональности мифа, религии, предрассудков, произвола власти [32, с. 40–52]. Мир, по мнению просветителей, можно контролировать и рационально упорядочивать, если его правильно познать и осмыслить [128; 135].

Мыслители Просвещения полагали, что утверждение рациональности в духовной сфере приведет не только к господству над природой, но и к усовершенствованию личности, моральному прогрессу, справедливости социальных институтов. В XXI веке оптимизм уступил место разочарованию. Лозунги, характерные для проекта Просвещения, обернулись системой универсального угнетения человека во имя его освобождения [51; 155]. В наши дни проект Просвещения имеет среди исследователей как противников [8; 15; 145], так и сторонников [1; 22].

Со второй половины XIX века начинается разрушение идеи о рациональности как единственном возможном способе познания. «Закрытая» или «некритическая» рациональность Просвещения сменяется иным пониманием ее сущности в постмодернизме [145; 150]. Отрицая всякую формы упорядоченности и определенности, исследователи эпохи постмодернизма утверждают в научной методологии, философии истории и социологии плюральность, интерпретативную поливалентность [151]. Мироззрение постмодернизма характеризуется перенасыщенностью значений и нехваткой оценочных суждений. Его недостатки могут быть устранены в таком типе рациональности, как «открытая или критическая».

Открытый тип рациональности столкнулся с проблемой сопряжения ориентаций науки на истинность [38; 157] и аксиологическим подходом к научному знанию. Аксиологические аспекты «открытой» и «закрытой» рациональности учитывают идею целесообразности, блага и справедливости [63; 64]. «Закрытая» и «открытая» рациональность» [37, с. 259–264] различаются по способности терпимо и уважительно относиться к альтернативным картинам мира [61]. «Закрытая» рациональность представляет собой внутрипарадигмальную деятельность [60, с. 186].

«Открытая» рациональность предполагает способность субъекта выйти за пределы фиксированной системы координат, критический рефлексивный анализ исходных предпосылок. «Открытая» рациональность включает в себя метод проб и заблуждений, одновременно выступая как «критическая рациональность». Она полагается на рациональное обсуждение, на разум в его научном и практическом измерении. Для «критической рациональности» обсуждение связано с открытой и свободной проверочной деятельностью, в которой оппоненты принимают участие не для того, чтобы переубедить другого, а для того, чтобы научиться чему-нибудь.

«Критическая» рациональность основана на открытом, совместном использовании разума и опирается на определенный выбор. Следует подчеркнуть, что этот выбор сам не может быть обоснован с помощью аргументов, базирующихся на критическом использовании разума. Он может быть основан на сенсорном восприятии, которое является общезначимым, так как проверяется intersубъективностью. Такой тип рациональности примечателен тем, что в социальной коммуникации искусство понимания другого индивида выходит на первое место [55].

Критический тип рациональности исходит из факта, что все научные утверждения нами могут быть проверены. Чтобы выявить заблуждения, мы должны участвовать в свободных обсуждениях. Они оказываются связанными с политической теорией. Чтобы участвовать в свободных обсуждениях, мы должны иметь учреждения и традиции, которые делают их возможными, т. е. мы должны иметь общество, сформированное согласно научному этосу [57]. Выделение типов и видов рациональности, их классификация основывается на длительном этапе и истории осмысления разума и рациональности [61, с. 57–65].

Уже в античный период развития европейской цивилизации философская мысль обращалась и разрабатывала проблемы разума и рациональности. Исторически рационалистическая традиция восходит к древнегреческой философии. Она различала «знание по истине», полученное посред-

ством ума, и знание «по мнению», достигнутое в результате чувственного восприятия. Различение в античной философии рассудка и разума, как двух «способностей души», находит свое продолжение в европейской философии XIV–XVIII вв. Разумному познанию противопоставлялось обманчивое эмпирическое мнение.

Разум ориентирован на сущее, он рефлексивен. Понять самого себя можно, только соотнеся с чем-то или кем-то другим [63; 64]. Таким образом, рефлексия предполагает интенциональность и интерсубъективность. Интенциональность есть направленность сознания на какой-либо объект. Интерсубъективность – способность индивида в процессе общения и взаимодействия понять другого человека.

Разум мыслит и разрешает противоречия, он мыслит мир как процесс. Он находится в единстве с бытием, постигая вещи, как они существуют само по себе. В гносеологии Аристотеля действовать рационально означало вырабатывать в каждом сущем возможную достоверность. Достоверность, как принцип рациональности, основывалась на доказательстве [37, с. 262].

Античная философия исходила из различия уровней интеллектуальной деятельности. По способу умственной деятельности мыслящее сознание личности делилось на два основных типа: рассудок и разум. Основная функция рассудка в теории познания состоит в мыслительном упорядочении, систематизации явлений, материала, чувственности. Для современного разума характерна определенная степень предвидения, упорядочение информации по степени важности [146, с. 130]. Разум современного субъекта способен строить алгоритмы решения частых творческих задач, он способен также создавать метапрограммы [115, с. 58], прогнозировать с позиций синергетики содержание и предпосылки социальной модернизации [57].

Европейская философия XVII–XIX вв. рассматривала рассудок и разум как ступени рационального познания, иногда противопоставляя разум рассудку [148, с. 53]. В философии конца XIX–XX вв. суть различия между разумом и рассудком

определяется как «проблема разума». Она концентрируется вокруг проблемы познания, языка и разумных способностей [79]. В рамках этой проблемы исследуется неразумие, иррациональность, бессознательное [152, с. 133–142].

Соответствие мысли действительности в истории философии понималось по-разному. Для Платона истина заключалась в соответствии знаний вечным и неизменным идеям. Знания же о чувственном материальном мире, по его мнению, не могли быть истинами, так как мир изменчив. Материалисты, напротив, считали, что истина есть соответствие полученных знаний объективному материальному миру. Но одно дело считать так, а другое – установить это соответствие. Ощущения не самый лучший свидетель этого соответствия. Да и разум может допускать ошибки. И, тем не менее, только разум имеет необходимые, хотя и недостаточные основания для установления истины, ибо только он обеспечивает принцип совпадения мышления и бытия. Разум воплощает творческую направленную активность субъекта по отношению к объекту.

Поскольку истина есть адекватная информация относительно объекта познания, получаемая при помощи органов чувств и интеллекта, то она существует не как объективная, а как особая реальность. Истина есть свойство знания, а не свойство объекта познания. Она не является и субъективной. Истина есть воплощение взаимодействия субъекта и объекта познания, или мера отражения объекта познающим субъектом. Такое понимание истины, как универсального знания, имелось в эпоху Модерна [155].

Оно кардинально изменилось в эпоху постмодерна, когда философы отрицают возможность получения универсального знания, истины [145]. Постмодернизм интерпретирует знание как эпифеномен воли к власти [40; 151]. Это понимание относится к любым формам знания – техническому, гуманитарному, социальному, естественнонаучному.

В современной философии дискутируется вопрос относительно критерия истины. Им признается принцип «экономии мышления». Другая точка зрения утверждает принцип

полезности как критерий истины. У представителей прагматизма истинна такая теория, которая полезна, выгодна. Конвенционализм определяет истинным то, что соответствует условному соглашению познания. Принцип общезначимости лежит в основе истины в концепции дискурса, когда истинно то, что соответствует мнению большинства [160, с. 48–59].

Полезность предпочтительнее идеи истины, как соответствия специфическому контексту, и носит прагматический характер. Этот контекст в социальной жизни связан с оценкой политической традиции прагматизмом выше философии. «Контекст» общества задает определенные базисные ценности и определяет, что является полезным. Либеральная и демократическая традиции способствуют выработке базисных ценностей общества. Но эти ценности не обосновываются с помощью философских аргументов. Можно говорить лишь о том, что аргументы имеют смысл только внутри специфического контекста.

Бесспорно, что рациональность в античной философии связывалась с этической и политической сферами жизни общества. Разум понимался высшим регулятором общественной жизни и деятельности человека и был направлен на всеобщее благо [36, с. 172]. В этом свете в западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики.

Классическая рациональность, как известно, исходила из безграничной веры в силу разума. Она, как известно, давала традиционный взгляд на мир – «со стороны». Мир – это одно, а человек, его изучающий, другое. Он не полагал себя вписанным в природную реальность, полагал себя стоящим «над» миром. Уже в античности научная рациональность апробировала первый образец научного знания, резко отличавшийся от донаучного и вненаучного. Открыв способность мышления работать с идеальными объектами, античность тем самым открыла рациональность. Наука использовала это открытие, но внесла в него существенные изменения и добавления. Античная рациональность (классическая) – это открытие способности мышления свободно, безо всяких

ограничений уноситься в бесконечные метафизические пространства. Никто и ничто в античной рациональности не контролировало деятельность мышления по созданию идеальных миров.

Наука не могла согласиться на такую свободу мысли, ибо она искала знания, пригодные для практического использования и применения. Отсюда возникала необходимость ограничения свободы мысли. Наука добавляет в античную рациональность идею возможности перевести идеальный объект в сделанную руками человека вещь. Она признает правомерной работу мысли только с такими идеальными конструкциями, которые проверяемы на практике (непосредственно или косвенно). Таким образом, научная рациональность (неклассическая) предполагает технологическую мысль (эксперимент). Эксперимент соединил идеальность (теорию) с технологичностью («делание руками») [79].

Для классической научной рациональности стали характерны систематичность, логическая выводимость одних знаний из других, общеобязательность и объективность открываемых истин, т. е. их независимость от познающего субъекта, изучение только тех явлений, которые повторяются с целью поиска законов их существования. Важным признаком научной рациональности становится осознанный контроль над процедурой получения нового знания, фиксация и предъявление строгих требований к методам познания, описание исследуемых объектов строгим и однозначным языком, где четко фиксируется смысл и значение понятий.

Приципиально, что объектами исследования в научной рациональности выступают не сами предметы и явления реального мира, а их своеобразные аналоги – идеализированные объекты. Основные признаки научной рациональности: демократизм, универсальность, уникальность, персонифицируемость, дисциплинированность, коммуникабельность [154], что позволило поставить ее выше всех других типов рациональности. Научная рациональность выработала следующие принципы познания: 1) универсальность, 2) согласованность или непротиворечивость, 3) простота, 4) объяс-

нительный потенциал, 5) наличие предсказательной силы. Следование этим принципам привело к укреплению позиций монологичности научной рациональности.

Классический тип рациональности разработал научные методы в процедуре получения научного знания, которая позволяла воспроизвести, проверить и передать его другим. Человечество всегда интересуется два вопроса: что есть такая-то реальность и как с ней обращаться. Методы научной рациональности дают ответы на вопросы второго типа.

Бесспорно, что методы научной рациональности выходят за пределы науки и начинают проникать во все сферы бытия людей уже с XVII века. В этот период наука стала развиваться как систематизация проверенных знаний. Научная рациональность стала той силой, которая обеспечивала власть. Она, как известно, являлась опорой политической власти, власти над природными процессами, индивида над самим собой. Поэтому научная рациональность становится высшим типом мировоззрения

Научную рациональность следует рассматривать и как нормативную категорию. Суть ее состоит в соответствии объективных смыслов и обязательных моделей человека, разделяемых господствующей социальной группой. В контексте изложенного очевидно, что монологичность классического типа научной рациональности, разделяя субъект и объект, сталкивалась с ситуацией поликультурности социума, в рамках которого она уже не соответствовала высшему типу рациональности.

В настоящее время, согласно парадигме постклассической рациональности, в науке и других областях жизни общества утверждается взгляд на мир «изнутри». Мы присутствуем в мире, неотделимы от него, как и он от нас. Рациональность при таком понимании является понятием философской антропологии, а теория научной рациональности должна быть осмыслена как раздел философской антропологии, в основу которой следует положить понятие человеческой свободы, сохранение природных условий существования и выживания человечества (концепция коэволюции Н.Н. Моисеева) [161].

Каждый из нас является рациональным существом только в том случае, если исходит из своего индивидуального понимания свободы и на него опирается. Исторически и логически исходной для философии постмодернизма является проблема понимания другого человека [15; 35; 41].

Выявляя логику развития научной рациональности в постклассический период, следует указать на утверждение в ней принципов критичности и коммуникативности, т. е. расположенности выслушивать критические замечания, учиться на их опыте и совместными усилиями в дискурсе постепенно приближаться к истине [34]. Становится очевидным, что принципы «критической» рациональности предлагают нам верить лишь в то, что выдержало критическое испытание рациональными аргументами, и лишь до тех пор, пока невозможно эти аргументы опровергнуть. Фундаментом научного знания в свете этого мировоззрения является не объективная истина, а рационально-критическое решение некоторой научной проблемы [38; 157].

Однако в начале XXI века безграничное доверие общества к науке исчезает, что, несомненно, связано с ее неспособностью решать многие социальные проблемы. К этому добавляется и функциональный кризис науки, обусловленный не только наличием объективных преград в познании и освоении мира, но и абсолютизацией возможностей науки. Причины кризиса научной рациональности кроются в том, что разум стал чисто техническим и формальным. Следует отметить, что философская мысль видит два выхода из кризиса европейского существования как абсолютизации классической рациональности. Первый связан с отказом от рациональности, что неминуемо ведет к деградации европейской цивилизации. Второй путь состоит в сохранении веры в научную рациональность, в опоре на нее [12, с. 115]. Вне всякого сомнения, что при этом обществу предстоит преодолеть монологичность научной рациональности как претензию на универсальную истину и монополию в общественном сознании.

Необходимо отметить, что рост целесообразности в Западной Европе привел к объединению и утере смысла в куль-

турной и социальных сферах общества [109; 150], что было связано с господством только научной рациональности. В настоящее время проблема научной рациональности требует расширенного понимания. В свете сказанного лишь та наука приемлема, которая обеспечит сохранение рода людей, не даст ему исчезнуть. Поэтому сейчас перед научной рациональностью стоят задачи не просто искать объективные истины, а выявлять те из них, которые можно соотнести с бытием рода людей [161].

Когда и как сложилась научная рациональность как новый способ освоения мира? Научная рациональность складывается в XVII–XVIII вв. Это был период Модерна. Рационалистическая тенденция в западноевропейской философии получает особое развитие. В ней большое значение придается знанию. Знание – это не только сила. Знание – это власть. Человеку нужна была власть над природой, над обществом, над другими людьми. Идеалом рациональности Модерна была идея установления тотального порядка. В нем не должно быть процессов и явлений неподвластных и неуправляемых, как в природе, так и в социальной среде. Эту идею наиболее полно представляла западная наука.

Эпохе Модерна присуща вера в абсолютную истинность, достаточность, надысторичность и обязательность науки для всех народов и во все времена. Особый вклад в развенчание монологичности научной рациональности внесли Т. Кун, П.К. Фейерабенд, К.Р. Поппер. Социальный прогресс, как прогнозируемый научной мыслью, ими отрицался [158]. По их мнению, любое правило связано контекстом и поэтому имеет свои пределы, в науке существует плюрализм «методов». Западная наука, согласно их концепции, является только одной традицией среди многих [38, с. 516].

В период Модерна начинает складываться культ и социального знания, в основе которого находилась научная рациональность. Но культурная и социальная сферы европейского общества подвергались влиянию рациональности и других типов: религии, права, политики, искусства [73]. Различные ценностные сферы современного общества строятся на раз-

личных типах притязаний на действительность [51; 52]. Наука строится на притязании на истинность, мораль – на верность нормам, а искусство – на правдивость [22, с. 7–31].

Вне всякого сомнения, идеи Модерна способствовали прогрессу европейской цивилизации. Человек эпохи Модерна стремился активно изменить и усовершенствовать жизнь на основе разума в экономической, социальной и политической сферах. Духовное развитие человека и сфера морали в эту эпоху интересовало исследователей мало [155, с. 25].

Модерн рассматривал общество как суммарное множество индивидов, где принадлежность к определенной культуре не учитывалась. При этом разум подавлял инаковость [62], утверждая универсальность [32]. Желание Модерна очастливить людей любой ценой обернулось глубокими социальными потрясениями, цена которых была невероятно высока. Следование принципам классической рациональности привело в эпоху *постмодерна* к тотальной заорганизованности всех сфер бытия социума [51; 52]. И нам сегодня не безразлично, что такая ситуация вылилась в потерю смысла жизни, всеобщую бесцельность существования, в новые стороны несвободы личности и общества [47]. Приходится констатировать, что человек стал заложником разрушительных сил, вызванных к жизни его научно-технической активностью, что свидетельствует о кризисе идеалов Модерна [128; 135].

Во второй половине XX века в связи с кризисом идеалов научной рациональности постмодернизм предложил свое понимание рациональности (постклассической). На смену «метанарративам», обосновывающим устойчивую целостность реального мира и его единства, в научную методологию был внесен плюрализм. Каждый процесс, предмет материального мира стал рассматриваться постклассическим типом научной рациональности не в качестве целостной самости, а как множество не сводимых друг к другу линий или измерений [53]. Идею научной универсальности этот тип рациональности заменил установкой на принципиальное разнообразие познавательных перспектив [141]. Постмодернисты отвергли в научной методологии и высокие стандарты научного

знания, научные авторитеты, необходимость верификации и доказательности выдвигаемых аргументов.

Радикальные инверсии этот тип рациональности осуществил в подходах к созданию научной картины мира. В ней на первый план вышли микроуровень, центробежные тенденции, локализация, фрагментация, индивидуализация [151]. Наиболее эффективным способом познания постклассический тип рациональности видит в игре [110; 113], она прививает чувствительность человека к различиям, терпимость, размывает грань между естественным и искусственным.

Следует отметить, что и во взглядах на историю постмодернизм выдвинул новую идею – отсутствие единого исторического процесса [8; 11; 16]. В их подходах утверждается полицентричность истории, неопределенность ее развития, негативизм, хаотический плюрализм, релятивизм [158]. Поэтому перед социальной философией встала задача осмысления путей дальнейшего развития общества и создания новых социальных теорий, которые бы учитывали положения постклассической рациональности [91]. Несмотря на тотальное недоверие постклассического типа рациональности к базовым идеям и объяснительным схемам науки, в нем имеются позитивные стороны: 1) признание ценности разнообразия, 2) учет различия [163] особенностей индивидуального развития (право на идентичность) [62; 65], 3) признание множественности и альтернативности в развитии истории [145].

Каковы же перспективы развития рациональности в начале XXI века? Постановка вопроса включает в себя проблему выбора, определения критериев выбора человека, арсенала средств, обеспечивающих его свободу и формирующих человека как личность, способную к рационально обоснованному действию [61], и, прежде всего, в выборе идеала. Ориентация на субъективность и индивидуализацию человека не означает возврата к классическому индивидуализму [59, с. 14]. Перспективы развития рациональности мыслятся нами в свете смены парадигмы в социальной теории как перехода от классической критической теории к теории коммуникативного действия [29].

Таким образом, преодолеть ситуацию противостояния этих типов научной рациональности общество может в процессе формирования коммуникативной культуры [180, с. 32]. Она базируется на принципах приоритета социальных, т. е. социально-значимых интересов, диалогичных, равноправных отношениях, синтезе индивидуальных свобод и общей ответственности. Поэтому культура коммуникаций, по мнению признанных авторитетов в области философских и гуманитарных наук, таких как К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Р. Рорти, превращается в начале XXI века в одну из доминант общественной жизни, всеобщую форму мышления и поведения, в «жизненную этику» [1; 3]. В процессе утверждения коммуникативной рациональности, по нашему мнению, субъект и общество могут сохранить ценности неклассического типа научной рациональности, при этом также исходить из положений постклассического типа рациональности.

В концепции коммуникативной рациональности перед нами по-новому предстает личность. Она видится как носитель социальных ролей, когда субъект осознанно стремится к интересубъективному и ненасильственному волеобразованию [128, Р. 40]. Этот процесс осуществляется в ходе интеракции и коммуникации, которые трактуются исследователями как символ социального действия [20; 21]. В социальном действии некоторые исследователи уделяют большое внимание речи и рассматривают ее как вид метаинститута, от которого зависят все другие социальные институты [13; 14]. Поскольку социальная деятельность совершается в повседневной речевой коммуникации, то ее место и роль в современных условиях возрастают.

В концепции коммуникативной рациональности для нас важным моментом является утверждение о превентивной ответственности коллективного разума за изменяющуюся реальность. Лишь в горизонте постоянной изменчивости явлений мира социального выявляется полнота частных фактов. При этом искусство понимания состоит в том, что: «Соответствие всех частей целому суть критерий правильности понимания» [10, с. 354]. Условием коммуникативной

рациональности является возникающая в идеальной (чисто воображаемой) общности нравственных субъектов «идеальная речевая ситуация» [168], которая процедурна и плюралистична [34, с. 104]. Идеальная речевая ситуация включает в себя следующие моменты:

1) Обсуждение (нормы) ведется только в форме обмена аргументами и признании «силы лучшего аргумента».

2) Обсуждение публично и открыто для всех.

3) Обсуждение свободно, и в нем отсутствуют малейшие признаки «внешнего принуждения».

4) Все участники обладают равными возможностями говорить и быть услышанными.

5) Обсуждение нацелено только на «рационально мотивированное согласие», т. е. на торжество доброй воли как самоцель. Любые частные и «иррациональные» цели недопустимы.

6) Обсуждение не ограничено во времени и может возобновляться в любое время. Граница дискурса – только достижение полного согласия.

7) Обсуждение включает «интерпретацию нужд и желаний» его участников [125, Р. 154–157].

В данной модели дискурса речь идет об использовании концепции «идеальной речевой ситуации» в качестве контрфактуальной модели [174]. По мнению некоторых исследователей, эта концепция «лишь безобидный мысленный эксперимент», в котором нет возможности выявить степень (не)соответствия между моделью и действительностью [175, с. 37].

Коммуникативная рациональность соотносится с определенным социальным контекстом и погружена в него. При таком положении она не только лишается иллюзии получения вечных истин, но и надежды на получение универсальных законов, основанных на внутреннем мире человека. В настоящее время разумность разума заключена не в нем как таковом, а в его способности общаться с другими разумами, в признании их права на автономию, в способности устанавливать формы – «быть вместе и быть врозь». Такая

способность разума ничем не гарантирована. Разум обучается ей и реализуется в конкретной жизненной ситуации и в открытом взаимодействии с другими разумами. Таким образом, в коммуникативном типе рациональности может быть достигнута цель: объединение интерсубъективности и рефлексии.

В социальной философии понятие «рефлексия» означает осознание и осмысление предельных оснований бытия и мышления, человеческой культуры [26] в целом соотношенное с нравственными ценностями [167, с. 35–38]. Ранее исследователи исходили из саморефлексии – веры человека в собственном уме найти универсальные истинные законы и принципы, определявшие, что есть благо и справедливость. Теперь справедливость определяется только через аргументацию, которая включает как саморефлексию, так и рефлексию самих нравственных норм [79]. Это положение теории истины является важнейшим в концепции коммуникативной рациональности и служит определяющим в совместных действиях общества по пути дальнейшего прогресса демократии.

Так как «истина» в дискурсивном разуме представляет собой возможность и действительность совместного разного бытия людей, то она экспериментально устанавливается взаимодействием между свободными разумами. Дискурс мыслится как коллективное выяснение истинного понимания и согласия его участников. Соответственно, должны соблюдаться четыре условия: 1) равенство шансов на применение коммуникативных речевых актов участниками дискурса; 2) равенство шансов на тематизацию мнений и критику; 3) свобода самовыражения; 4) равенство шансов на применение регулятивных речевых актов [24, с. 190]. Если условия дискурса принимаются, мы приходим к консенсусу [22, с. 81].

Проанализировав эволюцию рациональности, мы можем выделить два ее типа: научную (монологическую) и коммуникативную. Современная трактовка научной рациональности, в свою очередь, включает три этапа смены базисных

парадигм: 1) классической, 2) неклассической и 3) постклассической [58–60]. Второй тип рациональности выступает в качестве модели для социальной коммуникации как основы дальнейшего развития общества.

Первая парадигма научной рациональности, как логической достоверности, сформировалась в период античности. Неклассическая парадигма научной рациональности утвердилась в эпоху Модерна. В этот период научная рациональность представлялась как *высший* тип рациональности. Она была монопольной и монологичной. Успехи в развитии наук рассматривались основой прогресса во всех сферах жизни общества.

Технократизм современной науки породил внутренние противоречия и привел к ее функциональному кризису. Но кризис еще не означает гибели науки, научной рациональности. И сегодня научная рациональность полезна и необходима. Но, к сожалению, научная рациональность не всемогуща. Конечно, это не основание, по нашему мнению, чтобы лишить научную рациональность доверия. Переосмысление рациональности не отрицает ее необходимости. Протест у критиков научной рациональности направлен против ее монополии и монологичности.

Третья парадигма научной рациональности – постклассическая – исходит из признания факта, что реальный мир гораздо богаче и сложнее, чем его образ, создаваемый наукой. Поэтому необходимо расширить понятие рациональности. Наряду с научной рациональностью, существуют и другие ее формы: религия, право, политика, искусство. Каждому из этих видов присуща своя собственная «логика» эволюции и каждый может взаимодействовать с другими. Сама наука как вид рациональности неоднородна, поскольку для разных исторических эпох характерны свои типы рациональности. Эволюция науки не означает ее приближения к какому-либо пределу. В техногенной цивилизации третьего тысячелетия научная рациональность обретает особую значимость. Отношение к миру, имеющее в основе научную рациональность, утверждает уверенность человека в возмож-

ности осуществления контролируемых изменений себя и мира, достижения оптимального согласия человека с миром и самим собой. Ее слабые стороны и недостатки могут преодолеваются, по нашему мнению, в коммуникативном типе рациональности.

*Со умом говорящие укрепиться
должны на соуместном (т. е. совместном)*
Гераклит (из Эфеса) ок. 535–ок. 475 гг. до н.э.

1.2. Коммуникативная рациональность – новый тип рациональности

Кризис современной рациональности не ведет к разложению смысла человеческого существования. Основанием такой уверенности служит социальная коммуникация. Социальная коммуникация, т. е. процесс духовного взаимодействия людей по выработке общезначимой истины, имеет различные средства коммуникации в обществе. Сущность коммуникации определена в философской концепции «мы» [19; 159]. В теории социальной коммуникации ответственность личности и общества соединяются в коллективную ответственность в процессе обсуждения и выработки общезначимых норм, ценностей, установок, законов.

Консенсус в обществе – необходимое условие дальнейшего развития всех сфер плюралистического общества. Но общественный консенсус, как итог коллективного действия людей, предполагает их духовную общность и согласие, ее непрерывное развитие. В социальной коммуникации выделяют такие важнейшие ее признаки как интенциональность (направленность сознания на какой-либо объект) и интерсубъективность (взаимодействие субъектов между собой по поводу выяснения смысла, значения и направленности действия). Социальная коммуникация играет огромную роль в демократическом обществе, в создании коммуникативной его модели, так как она формирует коллективное мнение и

новое морально-этическое видение правовых норм, столь необходимых в ситуации разобщенности и конфликтов в современном обществе. Основой социальной коммуникации становится коммуникативный тип рациональности.

Этот тип рациональности понимается как сложное (рефлексивное, возвратное) социальное действие, которое устанавливает границу компромисса и регуляции общественного поведения и деятельности [69]. Социальное действие базируется на рациональном знании. Рациональное должно быть понято как коммуникативная практика, направленная на другого человека [55]. Разум и рациональность на уровне общественного сознания взаимодействуют с общественной психологией. Вопрос о степени рациональности – это в наш век совсем не абстрактный вопрос [45; 65], он связан с единством человечества. Различные языки взаимно переводимы в той степени, в какой они являются рациональными человеческого разума [37, с. 278].

Рациональным некоторые современные исследователи называют такое смысловое действие, которое содержит свое собственное объяснение – конвенциональные нормы условий и порядка их реализации. Тем самым действие становится доступным для воспроизводства и понимания другими. Выделяют два типа социального действия или взаимодействия в обществе: внутреннее (интимное) и внешнее (отчужденное), не затрагивающее взаимопонимания и взаимопереживания людьми бытия [16, с. 266].

Истина при таком взаимодействии являет себя только как намек и знак, что совершенно не устраивает исследователей, стремящихся установить новые реалии социального развития. Такая ситуация означает одновременно и необходимость искать новые критерии истины в социально-философском анализе направлений и перспектив общества.

Переосмысление истины в социальной философии подразумевает освобождение с помощью критической рефлексии (критики идеологии) от социальной иррациональности и движение в направлении более рационального общества. Недостаточные идеологические предпосылки отрицаются в

пользу более адекватных оснований. Адекватные основания опираются на новое понимание истины.

Понятие истины должно пониматься на основе способа действий, с помощью которого мы обосновываем истину. Это обоснование (validation) истины должно базироваться на согласии, к которому пришли бы все компетентные люди в условиях неограниченного временем открытого и свободного исследования. Истину гарантирует не эмпирический факт заключения соглашения, а соглашение, к которому приходят компетентные исследователи из вневременного научного сообщества (эксперты) [22].

Известный немецкий философ И. Кант придал рефлексивному разуму форму юридически – судебной рациональности. Юридически-судебная рациональность основывается на аргументации и критике. Критичность и рациональность в европейском сознании часто совпадают и выступают характерной чертой европейского мышления [61, с. 59].

Истина, как возможность и действительность совместного бытия людей, в коммуникативном типе рациональности находится не в разуме, а в экспериментально устанавливаемом взаимодействии между разумами. Таким образом, продвижение общества к свободе – это не определенная общественная система, а работающий механизм выбора альтернатив. В механизме выбора огромная роль принадлежит активности и рациональности субъекта, его способности к социальной коммуникации, аргументации и правовой ответственности.

Коммуникативная рациональность – это итог коллективных усилий обсуждения, аргументации и консенсуса воли и мнений общественности. Возможность такого консенсуса находится в необходимости жить совместно, так как бесцельность и бессмысленность бытия человека вызывает серьезные опасения за его судьбу [143, с. 5]. Причины трагической ситуации связаны с абсолютизацией техники, науки, производства [161].

В индустриальном обществе «коллективного действия» массовый характер существования человечества и его техни-

ко-бюрократическое обеспечение привели к ситуации, когда «бездомность становится судьбой мира» [72]. Поэтому вновь становится важной проблема рациональности социального действия людей, которые могут противостоять этой трагической ситуации и преодолеть ее.

В коммуникативном типе рациональности социальное действие человека и общества, по нашему мнению, можно рассматривать как соотношение истины и свободы. В таком контексте социальное действие выступает как регулятивный принцип и как ценность. Свобода как регулятивный принцип поведения человека и деятельности общества направлена на поиск компромисса между свободой и необходимостью [92]. Базисом разума является природный мир, базисом самосознания – общество, как искусственное образование, выделившееся из природы и противопоставившее себя ей. Самосознание человека воспользовалось этим искусственным миром как ареной для собственной свободной деятельности [92].

Вне всякого сомнения, что рефлексия порождает свободу. Но эта свобода в коммуникативном типе рациональности должна взаимодействовать со свободой других индивидов в направлении выработки общих ценностных ориентиров и норм жизни. Механизм взаимодействия – процесс обсуждения и выработки общезначимых истин и ценностей совместной жизни в различных типах дискурса и функционирования институтов общественности. Общезначимые истины и ценности вырабатываются в двух сферах жизни общества.

В социальной философии выделяют частную и публичную сферы жизни общества. В публичной сфере важной проблемой является социальное взаимодействие и организация общества, поскольку публичная достаточно отделена от частной сферы [25]. Задача координировать и задействовать обе сферы связываются с политикой постепенных шагов. На практике это означает политику гибкого маневрирования в интересах существующего общественного строя [54]. С помощью постепенной социальной инженерии политика становится научной. Она охватывает все сферы человеческой

духовности – как личностный, так и общественный. Переосмысление частной сферы жизни связано с новым пониманием индивидуализма.

Современное понимание индивидуализма включает в себя утверждение прогрессивного законодательства как основания защиты прав и свобод человека. Свобода слова и свобода самовыражения являются необходимыми для свободных публичных дебатов, открытого обсуждения, в ходе которого выясняется истина. Поэтому разумная деятельность индивида скрывает в себе свободу оспаривать или отрицать свои собственные утверждения. Критической точкой развития разума является самокритика. На ее основе человек способен вступать в публичную сферу.

В публичной сфере индивид и реализует себя как личность. Социальная коммуникация делает возможным его участие в деятельности общественных институтов. Формы участия человека в общественной жизни определяются исторически сложившимся опытом развития демократии. Демократия способна сочетать универсальность социального и идентичность индивида [156, с. 129–130].

Взаимодействие личности с другими людьми строится на принципах гуманизма, существенные черты которого в концепции коммуникативной рациональности получили новое осмысление. Подлинная самость нашего Я необходимо предполагает экспектации (ожидания, реакции, взаимодействия) alter Ego, социализацию, историю, дискурс с другими «Я». Таким образом, реализация нашего «Я» в современном демократическом обществе может осуществляться эффективно только через взаимодействие, морально-этическое и правовое обсуждение и консенсус в процессе речевой коммуникации.

Современное понимание рациональности связано не только с ее критикой, но и верой в нее. Вера в разум в настоящее время в социально-философских учениях связывается не столько с его поддержкой, осознанием, осмыслением, прояснением и просветлением, но и с коллективной аргументацией разума, нормативным поиском истины. Концепция коммуникативной рациональности претендует на охват

фундаментальных нормативных вопросов, которые обязательно требуют морально-этического подхода и взаимодействия с демократическими институтами общества и государства. Эта концепция требует учитывать реальное состояние и исторический опыт социальной коммуникации в направлении развития плюралистического разума. В то же время концепция коммуникативной рациональности осторожна в своих прогнозах.

В ней подчеркивается, что мы имеем дело с подверженным ошибкам процессом, в том числе и демократическим. Поэтому необходимость в коллективном и нормативном дискурсе общественности и власти в настоящий момент значительно возрастает. Концепция коммуникативной рациональности проблематична в плане практической выполнимости. Но трудно отрицать ее теоретическую убедительность и привлекательность.

Специфика социальной коммуникации человека в постиндустриальном обществе вновь возвращает нас к проблемам сознания и познания в обществе [48]. Возвращение к этим проблемам ставит новые задачи перед социальной теорией: строить социологические модели и анализировать их в «терминах индивидов, их установок, ожиданий, отношений» [158, с. 157]. Признание исследователей о невозможности социальных наук получить окончательное решение ставит задачи перед коллективным разумом общественности и политической коммуникацией. Глобальные изменения, происшедшие в обществе, требуют от социальной философии переосмысления и разработки новой социальной теории.

XX век коренным образом изменил характер общественной теории [128, Р. 408]. Теоретическое осмысление проблем современности для исследователей связано, в первую очередь, с трезвым сознанием [202; 203] и критической рефлексией, т. е. переосмыслением фундаментальных предпосылок и предельных оснований бытия, мышления, человеческой культуры [91]. Переосмысление основ бытия строится на нравственных и правовых ценностях современного общества. Коммуникативная рациональность своей основой име-

ет нравственно-ориентированное мышление. Разумно относясь к миру, человеку не может не быть одновременно и глубоко нравственным. Жизнь человека и общества – это не просто существование, но и благо, включающее в себя различные морально-этические ценности [131].

Несомненно, проблемой для общества является сохранение этих ценностей, что означает сохранение условий существования человека и общества. Именно на ступени развития общества как коммуникативного, в процессе дискурса оно окажется способным и готовым определять приоритетные и значимые для данного этапа развития и прошедшие испытание временем и разумом ценности. При этом обязательным условием функционирования коммуникативного общества должна стать его ориентация на коммуникативный тип рациональности. Именно он утверждает неразрывную связь разума и подлинно гуманистической морали.

Как рациональность нового типа, она требует совершенно иного отношения к жизни (как окружающей нас, так и существующей внутри нас и в виде нас самих), которая в основе своей несет спасительную идею к самосохранению. Поэтому мы не можем позволить себе роскошь исключить рациональность и разумность из бытия человека и общества. Сегодня наблюдается вовсе не «избыток» разума, как полагают иррационалисты, а его недостаток, который напрасно пытаются компенсировать сугубо технологическим отношением к миру и всему живому, в том числе и к самому человеку. Задача общества и власти состоит в умелом сочетании научной и коммуникативной рациональности. Коммуникативная рациональность способна обеспечить разумность дальнейшего развития и прогресса общества, так как она учитывает наличие в общественном сознании критической рефлексии.

Критическая рефлексия формирует основу нашего практического способа бытия. Следовательно, она может быть актом политического действия. Критическая рефлексия, таким образом, может рассматриваться, как политическое средство продвижения вперед, хотя точных прогнозов в социальном развитии нам никто гарантировать не может, ибо трудность

предсказаний в социальной науке носит внелогический характер. Ведь то, что мы делаем, зависит от того, что мы знаем. Новые исследования дают нам новые знания. Но предсказать, что мы будем делать в будущем, сложно. Особенность социальных наук и деятельности связана с человеческим фактором. Поэтому становится весьма проблематичным оперирование числовыми значениями для просчета возможных действий. В связи с такой ситуацией все большую роль будут играть различные экспертизы и сообщество экспертов.

Несомненно, что в XXI веке нам нужен такой тип научной рациональности, который принимал бы в расчет человеческую конечность, погрешимость и случайность [213, с. 347]. Такой подход должен будет пересмотреть взаимодействие универсальности и идентичности на социальном, политическом и этическом уровне. В споре прагматистов и постмодернистов по вопросу о том, как относится к универсальности, тождеству, целостности последние превозносят частность, отличие, фрагментарность. Прагматисты же видят свою задачу в том, чтобы одновременно отдавать должное и универсальности и партикулярности (всеобщности и частности), тождеству и различию, целостности и фрагментарности. Творческая задача общества состоит в том, что ему необходимо научиться жить с сознанием нашей неискоренимой случайности и двусмысленности: не игнорировать их, но и не давать им поглотить себя.

В современных условиях развития демократии мы обязаны быть готовыми к тому, чтобы занять и защищать ответственные позиции. Мы можем не претендовать больше на непогрешимую рациональность, но мы не можем отказаться от разумных разграничений. Дух коммуникативной рациональности, реконструкции разума реально существует в опыте истории, в завоеваниях социальных движений, например, в институтах и принципах демократического конституционного государства, в развитии науки. В социальной жизни процесс получение знания является сложным и специфическим процессом, который связан с аксиологическим подходом. Поэтому коммуникативное общество сталки-

вается с проблемой соизмерения и соотнесения различных систем координат ценностей, систем соотношений истин. Все эти системы в настоящее время связаны с ценностным подходом в исследовании общества.

Выработать единый ценностный подход, прийти к единой оценке в сложном и противоречивом в своих интересах и ценностях обществе бывает очень сложно. Но при этом мы по-прежнему должны исходить из принципа свободной конкуренции мнений, приоритетов, ценностей. Только отталкиваясь от этой посылки и ценности человеческого общества, мы сможем говорить о его существовании как эффективном взаимодействии и коммуникации. Ценностный подход к обществу опирается на рациональность. Наш разум оперирует информацией. Информация – это некие данные, жестко фиксированные в определенном материальном носителе. Но для личности и социального взаимодействия, коммуникации, важна не только информация сама по себе, а и ее смысл.

Смысл – это ситуативное понимание (или интерпретация) этих данных, происходящее в сознании исключительно в момент оперирования с информацией [70]. Материальное оперирование информацией дает однозначные результаты. Идеальное оперирование с информацией предполагает множество вариантов, выбор которых определяется мотивами или психическим состоянием индивида. После пробуждения нашего «Я» мы начинаем оперировать идеальными смыслами.

Идеальные смыслы взаимодействуют друг с другом по идеальным законам – это законы логики и смысловые ассоциации, которые задаются не чем-то внешним или внутренним, а самими смыслами [30]. Логика – это общая канва, задающая ход наших рассуждений, но в жизни мы руководствуемся не столько логикой, сколько эмоциями. Моральные оценки личности при этом могут определять смысловые ассоциации. Соизмерения и соотнесение различных систем координат ценностей, систем соотношений истин в социальной коммуникации исследуется в коммуникативной теории истины.

Коммуникативная теория истины строится на признании ряда положений. В эпоху Модерна, как уже отмечалось выше, истина понималась как научное знание. Абсолютизация науки привела к господству технократических знаний в обществе. Принцип универсализма и формализма в научной рациональности накладывался на исторический прогресс. Но история не является совокупностью изолированных событий. Человек играет в ней активную роль, преобразуя общество и себя самого. Преобразование – это процесс рефлексии, посредством которого человечество «нащупывает» путь к более адекватному основанию. Человек впервые обнаруживает, что он есть на самом деле, только реализуя свои способности в семье, городе, государстве.

История – это процесс, с помощью которого человек становится самим собой и ретроспективно понимает самого себя. В ходе этого процесса «переживаются» и исправляются все способы бытия. История ведет к самопознанию, которое становится более адекватным в настоящее время, когда требует формирования новых подходов к осмыслению сложной и противоречивой социальной реальности.

В начале третьего тысячелетия социальную реальность уже невозможно ухватить с помощью универсального взгляда на человеческую эволюцию. «Цена» частного, индивидуального, неповторимого колоссально возрастает, поскольку оно трактуется уже не как простое «проявление» общей тенденции, а как завязь исторического закона, который пробирует себе дорогу в жизни. Развитие знаний приводит к необходимости обновления общественной теории. Это заставляет пересмотреть прежние представления о природе исторической необходимости.

Осмысление природы исторической необходимости ставит задачи постулирования иного идеала научности в изучении общества. Задача состоит не просто в анализе объективного направления развития данного общества, а в исследовании, понимании механизмов его изменения в конкретных условиях. Объективно-предметные связи и экономические (зависимости) уже не могут рассматриваться в ка-

честве причин, определяющих положение и действие людей. На первый план выходят культурные смыслы и значения [177; 178], новое равновесие общественных факторов. Выяснение культурных смыслов и значения взаимодействия людей основываются на принципе свободы и рациональности индивида, для которого необходимость приобретает несколько иной оттенок, нежели в период Модерна.

Свобода индивида подразумевает необходимость взаимодействия, коммуникации со свободой другого индивида. Она определяется контекстом коммуникации, в основе ее лежит рациональность. Но при этом следует особо подчеркнуть аксиологический аспект рациональности. Аксиологический аспект исходит из положения, что разумно, рационально только то, что человечно, гуманно, духовно [160]. Таким образом, рациональность имеет лишь относительную, а не абсолютную ценность.

Проблема соотношения и регуляции свободы и необходимости реализуется в процесс взаимного приспособления, взаимодействия свободы и необходимости. В такой трактовке необходимость как область фундаментальных ограничений в обществе и поведении человека изменяет систему отсчета общества. Концепция коммуникативной рациональности по-новому подходит к пониманию предзаданности в развитии общества. То, что предзаданность в истории не существует, признается сегодня большинством исследователей [158].

Аксиологический подход исследователей к оценке многообразия форм развития общества позитивен, так как современные социальные теории признают, что общественное развитие теряет свою однозначность, предопределенность. Для России, как и для Приднестровья, его уже нельзя измерить приближением к западной цивилизации, или, наоборот, удалением от нее. «Необходимость» уже понимается в конкретном, политическом смысле. Она ориентируется на волю определенной силы, но утверждает и волю других. Исходной точкой процесса становится не свобода (как творец и двигатель жизни в ее многообразии), а необходимость как ее предел, задачей – сужение веера возможностей и сохра-

нение только жизнеспособных вариантов, а идеалом (человеческим) – единообразие, то есть однозначность (предсказуемость) реакции, выбора, поведения. Определение и переопределение границ поведения, деятельности, выбора в обществе осуществляется в ходе выяснения истины, как границы между областью познанного и непознанного. В концепции коммуникативной рациональности необходимость выступает как осознанная и признанная значимой, а значит и ставшая всеобщей этической волей и правовой нормой для каждого индивида. Таким образом, истина как необходимость и значимость, выступает как регулятивный принцип, а также как ценность в коммуникации и определении направления движения социума.

В концепции коммуникативной рациональности проблема определения движения общества связана с выяснением смысла жизни и деятельности в различных социальных сферах. Выяснение смысла может проходить в результате коллективных усилий общества, дальнейшего развития всех форм и типов рациональности. Прийти к единому пониманию в современном обществе нелегко. Трудности непонимания связаны с ситуацией наличия и изоляции разных видов рациональности (в культуре, религии, политике, экономике) при господстве научной рациональности с ее критериями истинности. Различные виды рациональности имеют собственные притязания на действительность [61; 63].

В современном обществе наука отделена от морали, а мораль от искусства, во всех сферах существует возможность выдвижения аргументов в защиту тех притязаний на действительность (истина, верность, правдивость), которые выдвигаются в соответствующих сферах. Значит, если считать основополагающей коммуникативную рациональность, то все три сферы подверглись процессу рационализации. Но сама по себе коммуникативная рациональность и наука еще не обеспечивают возможности решить многочисленные социальные проблемы и конфликты.

Необходима постоянная работа общественности по развитию демократии, консолидации в обществе, взаимодей-

ствию общественности и власти. Надежды западных стран по поводу возможностей социальной инженерии, которая сумеет отрегулировать все стороны социального бытия, оказалась иллюзорной, так как многие аспекты человеческой жизни не поддаются регулированию [162]. Общественная деятельность людей осуществляется и под влиянием неосознаваемых и даже бессознательных сил. Зная об определяющем значении подсознания в индивидуальном случае, было бы нелепо отрицать подобное его место в жизни общества. Говоря о стереотипах общественного сознания, в действительности исследователи оперируют с подсознанием [19].

Иллюзии индивидуального и общественного сознания питаются часто подсознанием. Без анализа невидимых процессов подсознания в обществе, в глубинах человеческого «я» [163], вряд ли удастся по-настоящему объяснить и понять то, что происходило и еще произойдет в человеческой истории, в судьбе различных форм рациональности и демократии. Думается, в настоящее кризисное время абсолютизировать роль подсознания и уповать на него, было бы неверно. Не на бессознательное (подсознание) мы должны возлагать надежды в проектировании нашего будущего, а на необходимость всемерного утверждения разума, разумности человека и человечества.

Для европейской цивилизации это одна из основополагающих ценностей, которую нужно дальше развивать. Сегодня у нас наблюдается не «избыток» разума, как полагают иррационалисты, а его недостаток. Именно закат разума (монологического) становится первопричиной кризиса европейской цивилизации в целом. Попытки и стремления человеческого разума найти ответы на многочисленные, взаимно переплетающиеся социальные проблемы современного общества, говорят о том, что рациональность осталась способностью возможного универсального понимания, причем «в условном наклонении». Это неверие основано на убеждении в «случайности», ненадежности и рискованности человеческого бытия. Такой подход прагматизма связан с тем фактом, что существует реальная опасность углубить чувство социальной и

политической беспомощности. Поэтому прагматизм считает все, «относящееся к разуму и все, относящееся к личности столь же неясными, как и прежде» [151, с. 28].

Неверие в разум человека и общества имеет под собой основание. Оно базируется на признании прагматистами факта деконструктивного духа человека, нашего воплощение в «тотальной и полной системе». Отвергнув его, прагматисты утверждают не деконструкцию, а дух реконструкции, имея в виду реконструкцию философии. Реконструкция философии должна быть совместима, по их мнению, с признанием радикального плюрализма опыта [43].

Таким образом, различные типы и виды рациональности могут и должны иметь место в социальном взаимодействии. Функционирование различных типов и видов рациональности должно исходить из единых требований. Они включают в себя морально-этические оценки, ответственность за конечную деятельность, как в разуме индивида, так и разуме общества. При этом нет смысла противопоставлять рациональность и истинность. Нам следует исходить из «целей, которым мы служим» [151, с. 186], не ограничивая их естествознанием и техникой. Концепция коммуникативной рациональности не полагается на разум естествознания и техники. Она доверяет производительной силе коммуникации общественности и власти, институтов и объединений общественности.

Общественная солидарность помогает индивидам и социальным общностям преодолеть трагичность существования человека в постиндустриальном обществе массовой культуры, где происходит изменение характера мышления. Теория коммуникации учитывает его трансформацию: от монологического мышления переходит к коммуникативному (общественному дискурсу). Дискурс – это совместное, основанное на дискуссии мероприятие по выработке правил общежития, процесс получения нового знания на основе последовательных и ясных рассуждений. Способы регулирования различных сторон жизни общества теоретически можно выразить в формах и видах дискурса [62], когда учитывается идентичность и различие людей, многообразие их жизнен-

ных проектов. В коммуникативной рациональности посредством дискурса общество обеспечивает принятие общезначимых решений и выработку единого ценностного подхода. Поэтому коммуникативную рациональность мы можем определить как дискурсивную.

Концепция дискурса включает в себя наработки лингвистики, социологии знания, антропологии и современных исследований культуры. Понятие «дискурс» было взято из французской лингвистической традиции. Позже оно было введено в широкий культурный обиход и обозначало речь вообще. Таким образом, дискурс может рассматриваться и выступать не только как живое воплощение текста, под коим понимается абстрактная, формальная, письменно фиксируемая или зафиксированная знаковая конструкция. Он слеплен из слов-знаков и слов-звуков, мимики и жестов, окружающей среды и исторической ситуации.

Историческая ситуация, определяемая и определяющая социальную и психологическую нагруженность текста, слова, значительно обогащается, когда общество выступает как коммуникативно-дискурсивное целое. Прежде всего, имеется в виду ситуация, когда в нем торжествует открытость, демократичность, критичность, что создает коммуникативную основу дискурса. Она дает людям возможность поставить себя на место другого, согласовать интересы, добиться взаимопонимания, т. е. явить дискурсивность разума, которая вытекает и из его структуры.

Структура разума противоречива. В ней имеет место однозначность и принуждение к единству, отрицательное отношение к множественности, уничтожение различий, инаковости. Эти черты, характерные для монологической рациональности, в настоящее время постепенно уступают место дискурсивной рациональности. Дискурсивный разум – это особая форма обоснования. Этот тип рациональности есть коммуникативный разум, действующий параллельно знанию и существующий в форме убеждения, рожденного в диалоге, дискурсе. Таким образом, дискурсивный или риторический разум преодолевают негативные

черты научной рациональности как монологичной и монополярной.

Коммуникативная рациональность общественности формируется в обыденной и общественной жизни в различных типах дискурса (морально-практическом, прагматическом, этическом, политическом). При этом меняется роль, в которой выступает другой субъект. В различных типах дискурса может возникнуть неопределенность и расхождение общественности и власти в вопросах о том, что истинно и что ложно. Разрешить эту проблему возможно через «коммуникативную компетентность». Коммуникативная компетентность развивает способность к тематизации и обсуждению участников дискурса. Вместо поисков ответов в рамках традиции и авторитетных трудов мы учимся аргументировать. В отношении нормативных дискурсов участники осуществляют поиск приемлемого соглашения между заинтересованными сторонами. Если стороны приходят к добровольному соглашению в результате открытого и делового обсуждения, то ответ считается нормативно правильным. Взаимное понимание предполагает возможность аргументации.

Понимание аргументации привязано к социальным наукам и начинается с языка как «речевого акта». Под речевым актом он имеет в виду взаимодействие между индивидами. В ходе этого взаимодействия «речевые акты» выдвигают «претензию на общезначимость». Для этой концепции понятие действия (акта) имеет приоритет перед понятием текста, смысла текста и понимания истинности притязаний текста [14]. Люди зависят от своих совместных действий, от коммуникативного взаимодействия.

Взаимодействие и понимание внутренне связано с языком [83]. В этом состоит практический когнитивный интерес, заключающийся в углублении взаимного intersубъективного понимания у людей. Эта форма познания и рациональности не нацелена на управление и господство. Она основывается на практическом когнитивном интересе. По отношению к анализу природы мы можем проводить только гипотетико-дедуктивные исследования, завершаю-

щиеся причинными объяснениями. Социальные же явления мы можем изучать и гипотетико-дедуктивными и герменевтическими методами.

Взаимное понимание людей оперирует двумя установками по отношению друг к другу (и к самим себе). Эти две установки проводят различие между сказанным в силу причин (causes) и сказанным благодаря основаниям (reasons).

Когда человек ведет себя асоциальным образом, мы можем попытаться объяснить это физиологическими или психологическими причинами и на основе наших знаний о причинных связях попытаться «вылечить» человека. Тем самым человек становится для нас «объектом». Мы можем «управлять» этой личностью благодаря нашему постижению. Или мы можем рассматривать человека как здорового и разумного, и тем самым отвечающего за свои поступки. В последнем случае мы пытаемся обнаружить основания, которые мог иметь этот человек для своего поведения.

Основания могут быть поняты, расширены, оспорены или подтверждены. Верно также, что мы можем иметь менее свободное и более контролируемое общество, когда тенденция к причинным объяснениям становится чрезмерной. Но может быть и так, что мы продолжаем искать основания там, где мы должны, скорее всего, искать причины, и таким образом прибегаем к моральным увещаниям в ситуациях, когда более подходящим было бы лечение. Бесспорно, что в европейской культуре индивиды способны принимать решения по основным нормативным вопросам с помощью воздействующей на них аргументации.

Принципы аргументации подразумевают как существование общезначимых ответов на нормативные вопросы, так и нашу принципиальную способность получить такие ответы с помощью дискурсивного использования нашего разума. При этом важно помнить, что существуют определенные неизбежные условия, которые предоставляют нам возможность аргументировать. В качестве участников серьезной аргументации мы должны быть способными следовать за аргументами и желать подчиняться «силе лучшего аргумента».

Кроме того, мы должны взаимно признавать друг друга в качестве и разумных, и ошибающихся индивидов.

Несомненно, мы должны быть разумными, чтобы следовать за аргументами, и учиться на ошибках. В этом взаимном признании существует определенный нормативный элемент: равноправие участников. Следует учесть и требование универсализации, так как общезначимые аргументы имеют силу для каждого. Аргумент не является личной принадлежностью индивида. Аргументы не являются имеющими силу для одних участников и не имеющими ее для других. Понятие реального аргумента означает, что аргумент общезначим, т. е. имеет силу для всех случаев одного и того же вида.

Мы нуждаемся друг в друге для того, чтобы понять, что наша точка зрения лишь одна среди многих. Нам должны быть известны и наши бессознательные заблуждения, которые можно было бы исправить. Поэтому нам нужны другие люди, которые бы были способны к теоретическому и нормативному плюралистическому разуму. Они должны быть способны обсуждать имеющиеся концептуальные рамки и сопоставлять различные, направленные друг против друга, аргументы.

Современная философия открывает для себя заново фундаментальную особенность мысли [43; 66; 88], вырастающей в процессе языкового общения [7; 17; 18]. Наша мысль направлена на достижение знания, она «диалогична»: диалог с самим собой обеспечивает основания для диалога «Я» и «Ты» [164; 165]. Настоятельная потребность в «диалогичности» мысли [35] возрастает в начале XXI века. Коммуникативная рациональность обеспечивает нам возможность в дискурсе в равной мере выдвигать различные аргументы [85]. Поэтому коммуникативная рациональность становится интересубъективной и «процедурной» рациональностью.

Она интересубъективна, потому что дискурс является критически важным для ее существования. Она процедурна, потому что в роли ее «конечного основания» выступают не специфические тезисы или точки зрения, а сам процесс аргументации, который мы продолжаем объективно и вопро-

шающе. Специфическая точка зрения, которую мы в определенный момент времени рассматриваем в качестве истинной или правильной, может позже оказаться сомнительной. Но для нас, как ошибающихся существ, единственный имеющий в нашем распоряжении выход состоит в том, чтобы признавать наши ошибки и двигаться вперед. Поэтому такой процедурный подход является конечным основанием для данного типа рациональности.

Таким образом, коммуникативная рациональность есть новый тип рациональности. Она строится на основе социальной коммуникации. Ее важнейшими признаками являются интерсубъективность и интенциональность. В процессе коммуникации она преодолевает монологичность и формальность научной рациональности. Ее задача состоит в формировании коллективного решения, которое есть синтез общезначимой истины (необходимости) и воля, интересов участников обсуждения.

Общезначимая истина включает в себя морально-этические ценности, строится на принципах рациональности и свободы индивида. Способом получения истины является аргументация и обоснование. Она обеспечивает возможность согласия и взаимодействие людей в обществе. Истина понимается как необходимость осознания границы между областью познанного и непознанного. Необходимость выступает как осознанная и признанная значимой, а значит и ставшая всеобщей этической волей и правовой нормой для каждого индивида. Таким образом, истина (как необходимость, значимость) выступает как регулятивный принцип и как ценность.

В современном обществе сильны разногласия в определении возможных и желательных путей движения отдельной страны. Достигается согласие в обществе в ходе различных видов дискурса. Дискурс строится на принципах аргументации, имеет ряд условий и по-новому подходит к роли субъекта, смыслу и тематизации проблем. Поэтому коммуникативная рациональность как новая мировоззренческая парадигма необходима.

Коммуникативная рациональность как процедурная, рефлексивная, дискурсивная рациональность в условиях дифференциации и разногласий в современном обществе может помочь обществу найти ответы и альтернативные решения. Переосмысление истории рациональности позволило утверждать, что она является мировоззренческой основой западноевропейской демократии. На протяжении развития западной цивилизации рациональность изменялась вместе с обществом. Итогом становления рациональности стало формирование своеобразного типа европейской культуры и демократии.

На основе рациональности возникли и совершенствовались институты западной демократии. Изменение типов рациональности приводило к изменению типов демократии. Современная демократия в своей основе имеет рациональность. Рациональность понимается как разумность в осмыслении окружающего мира и логичность в выборе средств достижения цели. Она проникала и пронизывала все сферы жизни общества. Выделяют такие виды рациональности как научную, эстетическую, политическую, правовую, экономическую, религиозную. Эти типы рациональности имеют свой объект исследования и носителя. Но рациональность не оставалась неизменной, менялись ее типы и виды.

В истории развития рациональности выделяются три ее типа, исходя из предмета исследования: онтологическая, гносеологическая и этическая рациональность. Современные подходы к рациональности выделяют классическую (монологическую) и коммуникативную (дискурсивную) рациональность. Классическая рациональность исходила из различия уровней интеллектуальной деятельности. По способу умственной деятельности сознание личности делилось на два основных типа: рассудок и разум.

Современный философский подход к рациональности требует ее выведения из социокультурных условий жизни людей. Социокультурное понимание рациональности предполагает подход к ней как к ценности, а не как к априорной характеристике человеческого сознания. Такое понимание

ставит рациональность в круг общественно принятых ценностей и предполагает их сопоставление.

В эпоху Модерна научная рациональность рассматривалась как высший тип рациональности. В Европе она выходит за пределы науки и начинает проникать во все сферы бытия людей только с XVII века. Развитие научной (классической) рациональности шло от идеи нормативности. Классическая рациональность абсолютизировала истину, знание. Она исключала инаковость и своеобразие индивида, его свободу и этические ценности. В этом абсолютном знании человек рассматривался как посторонний наблюдатель.

Научная рациональность доминировала в эпоху Модерна. Ее характерной чертой была монологичность. В конце XX века она перестала быть способной решать те проблемы, которые возникают в современном сложном мире. Серьезные изменения в обществе, произошедшие в XX в., требовали перехода к новой мировоззренческой парадигме. Научная рациональность сменяется коммуникативной рациональностью.

Коммуникативная рациональность учитывает не только науку, но и право, мораль, политику, экономику. Специфика коммуникативной рациональности заключается в том, что она опирается на данные науки, но исходит уже из других принципов: нет постороннего наблюдателя, познающий человек находится внутри наблюдаемой системы, он – в самом мире. Коммуникативная рациональность рассматривает познание как взаимодействие между знанием и пониманием, наложение различных ракурсов в совокупности интерпретаций. При этом ценность каждого человека, его понимание истины должно сохраняться. Сущность коммуникативной рациональности состоит не в управлении, а во взаимном понимании. Взаимное понимание включает в себя проблему соизмерения и соотнесения различных систем координат, систем соотношений истин.

В коммуникативной рациональности истина рассматривается как регулятивный принцип и как ценность. Достижение истины обеспечивает возможность консенсуса

различных интересов, ценностей, устремлений людей. Она определяет приоритет смысла существования человечества над частными целями, общекультурных ценностей над техническими, экономическими и политическими средствами их обеспечения, социальную ответственность науки и политики за последствия своей деятельности перед человечеством. Тем самым она создает объективные условия для развития и совершенствования институтов демократии.

Коммуникативная рациональность включает в себя проблему выбора, определения критериев выбора человека, арсенала средств, обеспечивающих его свободу и формирующих человека как личность, способную к рационально обоснованному действию, и, прежде всего, в выборе идеала. Этот тип рациональности складывается как итог коллективного обсуждения, аргументации и консенсуса воли и мнений общественности. Новый тип рациональности отнюдь не подразумевает отказ от прежних типов рациональности, имеющих свою историю.

Сущность коммуникативной (дискурсивной) рациональности состоит в ее общественной коммуникации в самых различных сферах общества. Ее содержание определяется не самим разумом, а коллективным взаимодействием разумов. Этот тип рациональности основывается на ее понимании как структуры сложного (рефлексивного, возвратного) социального действия. Социальное действие есть смысловое действие. Оно содержит конвенциональные нормы условий и порядка их реализации. Тем самым действие становится доступным для воспроизводства и понимания разумом других людей.

Коммуникативная рациональность связана с риском как с иррациональным решением. Но степень риска люди могут уменьшить, если коллективно будут обсуждать, обосновывать и аргументировать предлагаемые проекты. Коллективное решение в такой ситуации будет рассматриваться как справедливое, так как по правилам дискурса оно значимо для всех участников обсуждения. Нельзя раз и навсегда предложить вечные аксиомы поведения, деятельности, отношения, оценки, познания.

Поэтому истина в этом познании связана с культурным и социальным контекстом, личным опытом и перепониманием конкретной ситуации. В настоящее время возможность и действительность совместного бытия людей находятся в экспериментально устанавливаемом взаимодействии между разумами. Таким образом, коммуникативная рациональность помогает обществу стремиться к совместным решениям всех проблем современности, а значит, обеспечивает основу для его демократического развития.

ГЛАВА 2

Сущность социальной коммуникации, ее условия и механизмы

2.1. Понимание как механизм коммуникации

2.2. Коммуникативный дискурс: типы и условия дискурса

Достаточно, чтобы слова выражали смысл

Конфуций (551–479 гг. до н.э.)

Истинное мнение ведет нас к правильным действиям

ничуть не хуже, чем разум

Платон (428–347 гг. до н.э.)

2.1. Проблема понимания как механизм социальной коммуникации

Понимание есть универсальный способ освоения мира человеком. В социальной философии исследователи неоднократно обращались к осмыслению проблемы понимания. Концепция понимания, разработанная **Ж. Гадамером** [9], **Э. Гуссерлем** [12], **Т. Парсонсом** [42], связывает понимание и действие индивида.

Герменевтическое определение сущности понимания интерпретируется исследователями на основе традиций и здравого смысла, которые идентифицируются с помощью речи. Речь является главной отличительной чертой человека, его сознания [10], она определяет и облик общества,

в котором действуют правила диалога и совместного действия [166, с. 298]. Человеческая деятельность понимается как рациональная и коммуникативная. Она рассматривается как направленная на коллективное формирование, коммуникативное толкование и понимание смыслов.

Человек не просто существует, а существует в мире. Все акты его сознания направлены на мир предметов, т. е. **интенциональны** [68; 69]. Подлинность индивидуального человеческого существования связана с процессами чувствования, переживания, осмысления. Однако следует подчеркнуть, что мы не столько познаем мир, сколько овладеваем им [64; 154]. Овладение человеком мира происходит в социальной коммуникации. Этот мир общий для нас, мы его осваиваем «интерсубъективно», т. е. во взаимодействии людей, различных духовных форм.

Интерсубъективность – одно из основных понятий коммуникативной философии, и интегрирует в себе такие понятия, как «понимание», «согласие», «обобщение». Интерсубъективность сознания не отвергает объективности научного знания и основывается на признании рациональности как ценности культуры [63]. Степень рациональности общества и человека определяется через его способность к социальной коммуникации.

Концепция понимания рассматривает человеческое действие как направленное на коллективное формирование, коммуникативное истолкование, понимание смыслов. Таким образом, действие понимается рационально и коммуникативно. Одним из важнейших моментов разума является его аргументированность, обоснованность рассуждения в процессе коммуникации, что не может быть осуществлено без языка.

Аналитическая философия проанализировала разнообразные ситуации использования естественного языка. Важно отметить, что она сумела выйти за границы дескриптивного (описательного) содержания языка. Лингвистические выражения осмыслены, если они совместно используются. Связать в единую схему сознание, язык и мир попытался

Л. Витгенштейн. По его мысли, сознание может быть только знанием языка, оно не может вырваться за его пределы.

Он наметил не двойственное (сознание/мир – язык), а тройственное (сознание – язык – мир) отношение индивида к миру [6]. Философ стремился поставить границу выражению мыслей, с тем, чтобы все бессмысленное оказалось за этой границей. Однако в поздних работах он считал, что этические и религиозные выражения имеют прямое отношение к попытке выразить обыденным языком истины высшего смысла [4, с.241]. Философ понимал язык в свете языковых игр, т. е. разнообразных конкретных лингвистических контекстов, где язык и его использование образуют единство.

Проблема отношения между языком и субъектом, сознанием, мышлением, языком, интерсубъективный и социально-исторический аспект языка, обеспечивающих понимание, осмысливались философами **Э. Гуссерлем**, **Д. Остином** [144, с. 11–14], **Дж. Сёрлом** [13], **Г. Уиллером** [69, с. 101–137], **Дж. Лакоффом** [68], **Л.С. Выготским** [66], **Ю. Хабермасом** [33].

Поиски несомненных основ познания, предпринятые Э. Гуссерлем, привели его к защите истины, безусловной и необходимой для всех, кто ее воспринимает. При этом знания осуществляются как те или иные формы психического переживания и логического вывода. С другой стороны, осмысливая природу знания, философ подчеркивал, что знание не может быть обосновано ссылками на внешние предметы, явления, события, выступающие в качестве его содержания, ибо оно включает собственные самоочевидные принципы [12]. Используя понятие «интенциональность», философ приписывал сознанию имманентную предметность, благодаря чему оказывалось возможным установить соответствие знания внешней реальности. Занимаясь поиском внутренней, достоверной основы знания, философ понимал сомнение как форму мышления, которую человек действительно осуществляет, поскольку он рефлектирует над ними.

Аналитическая философия утверждает, что слова и предложения обладают многообразием различных функций.

Одно и тоже слово имеет различный смысл в различных контекстах. Смысл слова мы можем определить, лишь указав способ его использования. Рассматриваемые в изоляции слова и предложения обладают лишь скрытыми смыслами. Когда слова помещены нами в специфический контекст, тогда они приобретают действительный смысл.

Поскольку слово или предложение может быть помещено нами различные контексты, то слово или предложение обладают многими смыслами, в зависимости от характера текста. Соответственно, между языком и действительностью нет взаимно-однозначного соответствия, и не существует единого правильного, «научного» языка, который отражает мир таким, каким он есть. Исходя из этого утверждения, философия естественного языка (**Дж. Мур, Л. Витгенштейн, П. Стросон, С. Тулмин, Д. Остин**) защищала повседневный язык и здравый смысл. Таким образом, аналитическая философия отказалась от тезиса о взаимно-однозначном соответствии языка и действительности. Такой тезис означал, что она не соглашается с тем, что существует только один специфический язык, который является принципиально правильным, а именно язык естественных наук.

Следует остановиться в осмыслении проблемы понимания, как механизма коммуникации, на анализе использования естественного языка. Занимаясь этой проблемой, **Дж. Остин** выделил дескриптивные и перформативные высказывания и обратил внимание на отношения (прагматические) между пользователем языка и выражением, на социальный контекст, внутри которого пользователь языка выражает себя самого [14].

Исследуя прагматический аспект естественного языка, лингвистическая философия сформировала философию речевых актов. Концептуальная схема речевых актов различает три вида речевых актов: локутивные (содержание утверждения), иллокутивные (осуществление соглашений) и перлокутивные (причинные эффекты) речевые акты. Используя три аспекта речевого акта, мы можем по-разному характеризовать его.

Теория речевых актов развивалась **Д. Серлом** в направлении поиска правил для успешных (конститутивных, а не только регулятивных) речевых актов, которые могут обеспечить понимание друг друга в языковом общении [13]. Дальнейшее развитие теории речи осуществил **Ю. Хабермас**. Следует отметить, что если для **Х. Гадамера**, **М. Фуко** и **Р. Рорти** общим является то, что они начинают с языка как текста, то **Ю. Хабермас** начинает с языка как «речевого акта». Для него понятие действия (акт) имеет приоритет перед понятием текста [174, S. 68–70].

По его мнению, люди зависят от совместных действий и от коммуникативного взаимодействия. Взаимодействие внутренне связано с языком, его обеспечивает intersubjective понимание между людьми. В этом смысле **Ю. Хабермас** вводит в общую теорию речевых актов понятие коммуникативных и стратегических актов, между которыми он устанавливает фундаментальное различие. Оно, в свою очередь, связано с тем, какой «когнитивный интерес» преобладает у субъекта. Немецкий философ разграничил «когнитивные интересы»: 1) технический когнитивный, предполагающий контроль окружающей среды; 2) практический когнитивный интерес, направленный на углубление взаимного intersubjective понимания у людей; 3) эмансипационный когнитивный интерес, заключающийся в освобождении от идеологического воздействия с помощью критической рефлексии.

Первый вид интереса, как объясняющий и управляющий, имеет отношение к природе. В обществе важны все три вида интересов, между которыми необходимо достижение правильного баланса. Природные явления и первый вид интересов мы исследуем гипотетико-дедуктивными методами, где наша рациональность имеет в виду задачи управления. В обществе, где именно второй и третий виды интереса обеспечивают понимание, социальные явления мы исследуем герменевтическими методами. Следовательно, нам необходима рациональность особого типа – коммуникативная. Сущность ее состоит в обеспечении взаимного понимания. Степень важности и эффективность понимания в разных

сферах жизни общества различны и зависят от выявления основных структурных связей общества, эпохи.

Основные структурные связи современной эпохи, по мнению **М. Фуко**, ориентированы на достижение власти. Направленность и властный характер таких связей четче всего выражены в политике, а в целом присутствуют в европейском типе рациональности. Настаивая на понимании человека как социальной конструкции, философ отмечал, что в рациональности также функционирует скрытое подавление личности в форме обучения и идеологии. Поэтому **М. Фуко**, как и **Э. Гидденс**, не принимают политику и рациональность европейского типа, полагая, что эпоха тотального упорядочения может обернуться тотальным крахом [40; 212]. В росте рациональности и бюрократии и **М. Вебер** видел угрозу свободе [73, с.705].

Противоположную позицию в трактовке взаимодействия общества и личности в аспекте понимания занимал **Р. Рорти**. Он резко разделил субъекта как частное и публичное лицо. Как частное лицо субъект обучается у классиков, устанавливает их притязания на истину, становится образованной личностью. Однако полученные знания он не принимает как обязательные в сфере организации общества. В публичной сфере решается вопрос о том, как должно быть организовано общество. Как публичное лицо, Р. Рорти – сторонник либерального, открытого и просвещенного общества, в котором субъект не должен быть безразличным к политике [151].

Понимание является основой коммуникации. В решении проблем коммуникации большая заслуга принадлежит **К. Ясперсу** [16], **М. Буберу** [17; 18], **Э. Гуссерлю** [11], **Г. Гадамеру** [9], **М. Хайдеггеру** [71–72], **П. Рикеру** [15], **Дж.Г. Миду** [65].

В исследовании механизма понимания определенное место принадлежит психологии, которая обратила внимание на противоречивую связь речи и мышления [104], психологии и интеллекта, особенности суждения и рассуждения [109], выявила генезис элементарных логических структур [113].

Разработка проблемы понимания в педагогическом и психологическом аспектах принадлежит **Д. Дьюи**. Ее суть

состояла в постоянном будировании интереса ученика к знаниям как средствам разрешения жизненных проблемных ситуаций [43]. Следование этому принципу в практике обучения, воспитания может создать основу для понимания и ускорения процесса социальной коммуникации.

Дж. Мид полагал коммуникацию основным принципом социальной организации, так как она вовлекала других в процесс соучастия, позволяла идентифицировать свое «Я» путем обретения самосознания через других. Данное понятие позволило Дж. Миду указать на существенные характеристики индивида и общества, их единство, достигаемое в коммуникации.

Специфика коммуникации проявляется в ее символичности. Движение, жест несут в себе культурное значение, которое понятно общающимся индивидам. И именно в этом взаимном понимании кроется возможность приспособления. Каждый из участвующих в акте взаимодействия способен предугадать альтернативные поведенческие реакции своего партнера по коммуникации и смоделировать собственное поведение. Символичность коммуникации есть результат эволюции человека и содержание развития отношений общества и личности [67, с. 213–221].

Философское понимание символизации у **Дж. Мида** означало, что в коммуникации партнеры взаимодействуют как субъекты, но в жестах, языке они проявляют себя как объекты, т. е. их изнутри направляет комплекс усвоенных норм. В акте символического взаимодействия партнеры, как объекты, прошли социальную «обработку» в процессе воспитания и социализации. Отсюда **Дж. Мид** делал вывод, что символика жеста и языка позволяет существовать обществу в его определенной качественной целостности и человеку в его специфической социальной природе. Особое значение в системе символов принадлежит языку. Наибольшую значимость язык звуковых жестов приобрел в свете коммуникации, посредством ее.

Символичность коммуникации позволяет нам по-новому осмыслить представления о механизме коммуникации. Сим-

волическая коммуникация, по его мнению, есть опосредующее звено отношения между стимулом и поведенческой реакцией индивида. В коммуникации кодируется стимул, он получает конкретно-историческую культурную интерпретацию и вызывает соответствующий ответ деятеля [56].

В акте коммуникации непосредственно определяется значение стимула. Значение есть содержание процесса символической коммуникации, сторонами которого выступают стимул и реакция, его участниками – либо непосредственно присутствующие индивиды, либо воображаемые индивидом «обобщенные другие». Чем шире и разнообразнее группа «обобщенных других» как носителей самых разных социальных ролей, тем больше это обогащает социальный опыт индивида, обеспечивает процесс социализации и позволяет индивиду стать личностью.

Важно отметить тот факт, что, рассматривая сущность процесса социализации и динамику отношений личности с различными группами «обобщенных других» на микроуровне, **Дж. Мид** придавал решающее значение влиянию макро-системы на развитие личности. Значение идей символического интеракционизма Дж. Мида заключалось в том, что он указал на механизмы влияния обывателя на социальный прогресс: изменяются субъективные определения участников взаимодействия – появляется необходимость в изменении социальных институтов.

Возможность субъекта определять смысл и значение в процессе коммуникации связана у **Э. Гуссерля, К. Ясперса, Д. Остина, Ж.-Г. Гадамера, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса** с проблемой свободы личности. Многие из них понимали ее как свободу выбора и ответственности в субъективно-психологическом ключе как «свободу желать». Таким образом, подводя итог, мы можем констатировать, что герменевтикой, феноменологией, аналитической философией были выявлены закономерности символической, речевой коммуникации на микроуровне [74]. Проблемы социальной коммуникации на макроуровне впервые представлены в концепции коммуникативного общества **Ю. Хабермаса**.

Социальная коммуникация выступает основой и условием развития общества. В связи с необходимостью утверждения постклассической парадигмы рациональности социальная коммуникация, по нашему мнению, может способствовать процессам познания, взаимодействия и взаимопонимания в обществе. Вне всякого сомнения, что социальная коммуникация в условиях кризиса классической научной рациональности направлена на консолидацию общественного мнения, совместных усилий общественности и власти, на решение острейших социальных и глобальных проблем современности. Думается, что постклассическая парадигма рациональности учитывает возможности социальной коммуникации, полагая ее как один из критериев истинности. В таком контексте, на наш взгляд, общество можно рассматривать как «коммуникативное общество».

Модель такого общества предполагает трансформацию классического типа рациональности в европейской цивилизации [133; 153]. Поэтому представляется актуальным в этом плане проанализировать современные социальные теории и модели развития западного общества. По нашему мнению, такой анализ позволит соотнести вероятность реализации этих моделей на Западе и возможность их преломления в практике демократического строительства в государствах бывшего СССР.

Современное общество сложно и противоречиво в своем развитии. Оно выходит из ситуации тоталитаризма, стремясь к стабильному развитию. Чрезвычайно актуальным для него становится предупреждение конфликтов дезинтеграции. Какое общество и при каких условиях сможет осуществить эти задачи? Ответ на этот вопрос зависит от определения приоритетов и направления развития [94; 99]. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к осмыслению моделей развития общества [90; 91].

Модели развития общества исследовались неоднократно социальной философией [49; 50], а также и философами Франкфуртской школой [51; 52; 134]. Представители этой школы учитывали новые реалии, возникшие в современном

обществе, и критиковали монологичность научного типа рациональности [126; 136], которая исчерпала себя. Они исследовали новый тип рациональности – коммуникативную рациональность, которая выступает полилоговым способом цивилизованного сосуществования людей в социуме конца XX века. Эта концепция учитывала плюрализм и универсализм, индивидуализм и коллективизм, рациональность и иррациональность современного общества.

Эта модель общества была порождена «лингвистическим поворотом» в философии XX века. Представители этой парадигмы [1;3;9] исходили из положения, что бытие человека и общества выражается в языке, который выступает лицом быстро изменяющегося социального бытия. Характерными чертами общества в постиндустриальный период становится все более возрастающая потребность выяснить статус индивида в его отношениях с обществом. Проблемы, которые индивид встречает, требуют объединения с другими членами социума [148]. Поэтому в новой парадигме общество рассматривается как коммуникативное [21; 23].

В основе социальной коммуникации лежит понимание как взаимопонимание и перепонимание. Феномен социальной коммуникации осмысливается как универсальный способ понимания мира человеком. Без понимания реальности, другого человека и самого себя, перспектив и приоритетов развития общества, невозможно рассчитывать на стабильность, солидарность в обществе в разрешении острых проблем современности.

Для России, как и для ПМР, которые реализует национальную идею построения правового и социального государства, проблема понимания и взаимопонимания между властью и обществом, а также между различными социальными слоями и группами весьма актуальна. Несомненно, что без успешной социальной коммуникации, как основания понимания в обществе, проблематично говорить об усвоении демократического опыта других обществ. Проблема понимания в концепции коммуникативного общества предполагает и переосмысление ценностей современной демократии.

Коммуникация – это общение, в процессе которого человек выступает в качестве самостоятельного участника взаимодействия. Основное положение теории коммуникации предполагает контакт индивидов вместо контракта. При этом такой контакт есть именно духовное общение, где человек не превращается из субъекта в объект массового воздействия. Такой контакт необходим в современном обществе, так как он создает условия для роста социальной активности личности и социума.

Социальная активность личности позволяет обеспечивать стратегическую линию развития политической системы общества, которая состоит в совершенствовании демократии. В современных условиях демократия напрямую зависит от активности человеческого фактора. Социальная активность индивида складывается в различных формах социальной коммуникации. Она связана с речью, ее смыслом, социальным контекстом.

Социальная коммуникация (взаимопонимание и взаимодействие) соединяет уникальность и универсальность человека через понятие диалогичности сознания. В процессе коммуникации человек приобретает статус реальности. Анализ проблем социальной коммуникации и сложность изучения социальных явлений коммуникативной философией обусловлены многозначностью понятий и символов, описывающих коммуникацию. Исследователи пока еще не выработали общепринятые базисные представления о статусе категорий «понимание», «смысл», «интерпретация».

Смысл интерпретации и понимания в герменевтике различен. Говоря о социальной коммуникации, мы принимали во внимание речевые выражения. Но на место речевых выражений можно поставить также действия, поступки, переживания и их воплощения (т. е. авербальную речь) [43; 45].

При взаимодействии людей эти разновидности речевых выражений и их авербальные проявления всегда связаны между собой. В безмолвном взаимодействии людей (действиях и жестах) речевые выражения существуют в снятом виде. Во время разговора они выступают как коммуникативное

действие и наоборот, взаимодействие, что имеет форму разговора (например, приветствие на улице или разговор между соседями). Но они не могут считаться коммуникативным действием без учета внеречевого контекста. Таким образом, коммуникация включает в себя единство воли, ощущений и мыслей индивида, способов аргументации, рассчитанных на общение или образующихся в самом общении. Общение включено в различные виды практики: повседневной, социальной, политической коммуникации. В процессе общения и взаимодействия общество достигает понимания и согласия, которое есть одновременно и условие общения. Согласие рождается в диалоге [164;165;166].

Диалогичность сознания позволяет обществу достичь согласия в определении ценностно-моральных норм [125;130]. Европейская традиция в отношении к проблеме ценностей отражена в работах **М. Вебера**, которого интересовало культурно-историческое содержание ценностей [73], **Э. Дюркгейма**, который признавал за ними цементирующую роль в формировании коллективности. Совершенно иначе относился к проблеме ценностей **Дж. Дьюи**. Понимая их значение в индивидуальной и общественной жизни, он считал, что ценность должна восприниматься человеком как независимая от него данность, которая требует к себе приспособления [44]. Такой подход, конечно, исключал активность и возможность диалога субъекта по отношению к ценностям.

Интерес к проблемам диалога и диалогичности сознания на уровне социальной коммуникации нашел воплощение в теории коммуникативной рациональности немецкого философа **Ю. Хабермаса** [33; 34; 35]. Она предусматривает необходимость дальнейшего изучения и развития различных теорий аргументации, перестройки формальной логики и теории речевой коммуникации, теории истины.

Пересмотр этих теорий строится на признании важности учета ценностных суждений при многообразии культур конца XX века. Встречу культур, которая происходит в начале XXI века, нужно воспринимать как диалог-спор, в котором обе спорящие стороны поднимают, возвышают друг

друга. Культура диалога предполагает определенные выводы и рекомендации: во-первых, диалог культур является не столько познанием, как взаимопониманием. Мы можем понять свою и другую культуру только в терминах и понятиях своей культуры, т. е. в соотношении [166]. Во-вторых, диалог раскрывается через особенности текста. Однако следует отметить, что глубина диалога исходит не из самого текста, а из его идеи [174], т. е. от культуры в целом и от культуры общения. Острая необходимость научиться культуре общения, а значит – культуре диалога – насущная социальная проблема. Она имеет отношение не только к проблеме понимания и согласия в обществе, но тесно связана и с диалогом культур. Таким образом, встает проблема соотношения смыслов и значений.

В этом свете диалог раскрывается через особенности текста в ключе семиотики [70]. Истинный диалог исходит не просто из текста, а из идеи произведения. Диалог на уровне текста и диалог на уровне культуры – это проблемы не только для современной философии, но и для прагматической деятельности современного и общества в целом. Ценность диалога связана со становлением текста диалога, который определяется рядом условий. Первое условие диалога – чтобы тебя услышал другой. Понять другого человека, а не утвердить свою мысль, позицию, важно в том смысле, что оно обеспечивает равенство партнеров в осмыслении информации. Очевидно, что при соблюдении этих условий значимость диалога как условия понимания и коммуникации возрастает, так как становится возможным выяснить ценностные и смысловые позиции друг друга.

Современная трактовка коммуникации рассматривается в социальной философии как сущностная характеристика бытия личности и общества. В качестве основных условий коммуникации становятся открытость миру и друг другу, терпимость общества по отношению к другим общественным организациям, настроенность на диалог. Выявить закономерности коммуникации социальная философия смогла тогда, когда в осмыслении общества она перешла от парадигмы

субъект-объект к парадигме субъект-субъект. В последней возникла проблема углубления и развития коммуникации, которая тесно связана с внутренней свободой личности, ее сознанием. Когда один субъект становится свободной личностью, только тогда у него появляется возможность увидеть субъекта в другом.

Следует отметить, что классическая философия высоко ценила автономию разума. Однако она оставляла без внимания специфику интерсубъективности [167, с. 38]. Коммуникативная философия обратилась в проблеме социальной коммуникации субъектов, которая обеспечивается на основе понимания. Соответственно, сущность понимания рассматривается с точки зрения коммуникативной природы сознания. В нем имеются глубинные слои, сложные структуры [76; 176; 208].

Сознание состоит из двух пластов. Первый пласт подразумевает сознание, функционирующее в ситуациях непосредственного общения, речи. Второй пласт сознания связан с тем, что язык задает смыслы индивидуального сознания. Оно может утратить первоначальный смысл и может принимать значение за смысл языковых высказываний. Личность выступает как носитель этнических и культурных традиций, а общение не сводится только к вербальным актам. Оно включает в себя определенные акты поведения, обычаи, символическое взаимодействие, ритуальное поведение.

В процессе осознания реальности рождаются и формируются культурные символы и смыслы в рамках коммуникативного действия и общения (дискурса). Способ осознания реальности определяет различные виды отношений человека к миру. Отношения действующего человека к миру имеет в виду три аспекта:

1) телеологическое (стратегическое) действие: действующий человек – объективный мир;

2) норморегулирующее действие: действующий человек – социальный и объективный мир;

3) драматургическое действие: действующий человек – субъединичный и объективный мир, включающий и социальные объекты [28, с. 157].

Коммуникативное действие обеспечивается «практическим разумом» [37, с. 427]. Функции практического разума связаны с прагматическим, этическим и моральным подходами к действительности. Они зависят от употребления разума в аспектах целесообразности, блага или справедливости, его обращенности к целерационально действующему субъекту, способности субъекта принимать решения, свободной воле субъекта, способного к моральным суждениям. При этом всякий раз изменяется соотношение разума и воли, уровень понимания в коммуникации [22, с. 20].

Истинное понимание в процессе коммуникации связано с признанием априорности моральных и иных ценностей. Они определяются «жизненным миром» человека. Он включает в себя истолкование человека как живого, чувственного и телесного существа, где речь и морально-практические поступки позволяют осознать уникальность и конкретность человеческого со-бытия. Со-бытие иначе определяется как «жизненный мир».

Под «жизненным миром» понимается мир действий, об-щий для нас и других людей в контексте рациональности. Мы познаем, осваиваем его как объективно, так и «интерсубъективно». Понятие «жизненный мир» неоднозначно целостности общества. Современный «жизненный мир» отмечен плюрализмом частных интересов, жизненных проектов и картин мира [24, с. 194], где доминируют негативные процессы дезинтеграции.

Коммуникация способна учесть и совместить плюрализм, универсализм общественного и индивидуального сознания, которые присущи современному обществу. Плюрализм рождается в «жизненном мире». Главным в действии человека становится установление отношения человека к миру, выяснение смысла реальности и своего коммуникативного действия. Человек устанавливает различия между коммуникативным действием и миром, включающим «жизненный мир» и «систему», т. е. государственную и экономическую власть. «Жизненный мир» и «система» остаются сферой рациональности и коммуникативного действия, но

сталкиваются с определенными проблемами понимания и коммуникации.

Коммуникация выражается в двух формах: в рамках коммуникативного действия и общения (дискурса). Исходным для понимания эволюции любого человеческого предприятия является понятие социального действия [169–173]. Философия изучает деятельность индивида в контексте принципа отражения, направленного на определение смысла информации, сообщения [153, с. 117].

Проблема смысла классифицируется в философии естественного языка как высшая интегративная основа личности и структурный элемент сознания и деятельности [202–203]. Понятие «осмысливать» очень близко по значению к понятию «осознавать». Смысл как функция сознания оказывает влияние на всю структуру личности, связан с деятельностью, где непосредственным источником смыслообразования являются потребности и мотивы личности [150–154].

Коммуникация в этом контексте, по нашему мнению, есть вид деятельности и форма создания социальной реальности. В современной философии широкое распространение получил термин «дискурсивные практики», в ходе которых осуществляется коммуникативное действие. К нему относят социальные действия, субъекты которых скоординированы не посредством эгоистических подсчетов успеха, но при помощи актов достижения понимания [137]. В коммуникативных действиях индивиды первоначально не ориентированы на личные успехи. Они преследуют свои индивидуальные цели при условии, что могут скоординировать планы своих действий на основе общих для всех определений ситуаций.

В качестве основных критериев деятельности следует указать: 1) взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, 2) умение и способность считаться с другим партнером, 3) признание многообразия разных позиций, ценностных и культурных систем, вступающих в отношения диалога. Конечно, невозможно предвидеть все последствия той или иной сознательно проектируемой деятельности. Вместе с тем степень предвидения может

быть разной, и если бы результаты деятельности нельзя предсказать хотя бы в некоторой мере, то она была бы бессмысленной. Человек не только естественное, природное, но и искусственное существо. И если бы исчезла искусственная составляющая, выражающаяся в деятельности, человек перестал бы существовать.

Человек не может не проектировать свое будущее, хотя реализация проектов никогда не совпадает полностью с замыслом. Но это утверждение вовсе не означает правоту постмодернистов [135], утверждающих, что результаты деятельности не могут контролироваться, поэтому ее бессмысленно проектировать [169, с. 62–63].

Постмодернисты правы в том, что субъект как единство сознания и центр принятия решений оказываются под угрозой. Следует согласиться с ними в том, что те виды деятельности, осуществление которых означает конструирование субъекта, в современных условиях во все большей степени предполагают не стихийное протекание, а целенаправленное проектирование. Оно может происходить в коммуникативном действии и дискурсе.

Существуют определенные различия между коммуникативным действием и дискурсом. В рамках коммуникативного действия значения и смыслы принимаются наивно, некритично, с целью обмена информацией. Дискурс направлен на уточнение смыслов и выработку общей позиции, мнения, оценки, нормы. Эта форма коммуникации позволяет демократично обсуждать, вырабатывать коллективные решения и одновременно является для индивида нормой права, которую он принимает осмысленно и добровольно, осознавая себя при этом членом сообщества интерпретаторов.

Первой ступенью коммуникации является коммуникативное действие (интеракция), возникающее в «жизненном мире» человека. Природа коммуникативного действия проясняется в сравнении с целерациональным действием. Оно несет в себе однозначный смысл, заданный побуждением или целью. Целерациональное действие монологично и не требует никаких герменевтических усилий. Коммуникатив-

ное действие имеет под собой практический интерес, оно направлено на внешний мир, другого человека, общество. И потому требует наличия другого индивида. Сущность коммуникативного действия состоит в символическом установлении отношения к объективному миру и различием между самим действием и миром природы, социума, субъекта.

Понимание индивидов в дискурсе осуществляется в процессе обмена информацией. В зависимости от стадии обмена информацией мы можем говорить о степени понимания, а значит, и коммуникации. Развивая это утверждение, в процессе обмена информацией можно выделить четыре базовых элемента:

1. Отправитель – лицо, генерирующее идеи или собирающее информацию и передающее ее.
2. Сообщение – собственно информация, закодированная с помощью символов.
3. Канал – средство передачи информации.
4. Получатель – лицо, которому предназначена информация и которое интерпретирует ее.

Первый этап – зарождение идеи. На этом этапе обмен информацией начинается с формулировки идеи или отбора информации. Отправитель решает, какую значимую идею или сообщение следует сделать предметом обмена.

Второй этап – кодирование и выбор канала. Прежде чем передать идею, отправитель должен с помощью символов закодировать ее, используя для этого слова, интонации, жесты (язык тела). Такое кодирование превращает идею в сообщение. Отправитель должен также выбрать канал, совместимый с типом символов, использованных для кодирования.

Третий этап – передача, где отправитель использует канал для доставки сообщения (закодированной идеи или совокупности идей) получателю. Речь идет о физической передаче сообщения, которую многие люди по ошибке принимают за сам процесс коммуникации. В то же время мы видели, что передача является лишь одним из важнейших этапов, через которые необходимо пройти, чтобы донести идею до другого лица.

Четвертый этап – декодирование [209, с. 27–30]. После передачи сообщения отправителем получатель декодирует

ет его. Декодирование- это перевод символов отправителя в мысли получателя. Если символы, выбранные отправителем, имеют точно такое же значение для получателя, последний будет знать, что именно имел в виду отправитель, когда формулировалась идея. Хотя весь процесс коммуникации часто завершается за несколько секунд, что затрудняет выделение его этапов, это полезно осуществить для того, чтобы показать, какие проблемы могут возникнуть в разных точках [210, с. 171].

Структура и содержание коммуникации осуществляются в процессе локационных, иллокуционных и перлокуционных актов. При помощи локуционных актов субъект выражает состояние дел. Посредством иллокуционных актов говорящий производит действие, высказывая что-либо: это обещание, команда, клятва. При помощи перлокуционных актов субъект оказывает действие на слушателя. Коммуникативные действия – это лингвистически опосредованные взаимодействия, в которых все участники преследуют только иллокуционные цели [174, Р. 68–70]. Коммуникативное действие выступает механизмом координации планов социальных действий субъектов в перлокуционных актах.

Анализируя коммуникативное действие как комплекс взаимодействий субъектов, необходимо отметить существование в нем различных систем ценностей, которые нуждаются в координации. Механизмами координации систем ценностей выступают социальные конфликты в трех ценностных сферах общества: морали, искусстве и религии. Свое выражение они находят в конфликтах интересов, самих социальных действий, приводя в движение мощные социальные механизмы.

Способы согласования разных систем ценностей, разных практик описаны в рамках концепции коммуникативного действия. Таким образом, эта концепция опровергает одностороннее понимание деятельности как необратимого процесса вытеснения целерациональным действием всех остальных видов социального действия – аффектативного, традиционного и ценностно-рационального [74]. С другой

стороны, она обосновывает условия коммуникации при наличии различных ценностных систем и парадигм [55; 63].

Существенными сторонами коммуникации являются понимание и интерпретация, включающие в себя когнитивные и коммуникативные аспекты. Достижение взаимопонимания и согласия есть цель, имманентно присущая языку. В правовом дискурсе рождаются институты права общественности, которая принимает коллективное решение с учетом моральных норм и критериев обоснованности. Поэтому некоторые исследователи, подчеркивая этот момент, отмечают важную роль языка в выработке идеальных результатов морального дискурса и обеспечении условий для выработки критериев обоснования. «Такое понимание согласия, по мнению некоторых исследователей, ставит человека в ситуацию, когда мы «не вольны выбирать» в нашем «стремлении к универсальному и неограниченному согласию», так как оно уже задано языком как атрибутом рода и исключает нравственный выбор» [175, с. 38].

Следует указать, что коммуникация неоднозначна, так как требует взаимопонимания хотя бы двух его участников, она диалогична и обеспечивает контакт участников коммуникации [31; 32; 33]. Средством достижения контакта является дискурс, в котором по-новому рассматривается этическая теория. Раньше этика начиналась с моральных дилемм и вела к их разрешению в виде указаний на то, что должно делать. Впервые в коммуникативной философии рассматривается такой аспект этики, как установление нормы в качестве обоснованной [1; 131]. Тем самым этически обоснованная в дискурсе норма может признаваться принципом социальной коммуникации.

Социальная коммуникация, по нашему мнению, может приниматься как одно из условий социального порядка. Социальный порядок заключается в согласовании планов субъектами и происходит двумя различными способами. Первый способ определяется тем, что общество скреплено в определенное органичное целое благодаря речи. В ней главным образом закреплены способы объединения и общения, нормы

и ценности, взаимодействие людей и их взаимное влияние в обществе. В речевом взаимодействии социальный порядок стабилизируется благодаря передаче информации (стратегическая интеракция).

В процессе коммуникации в речевой игре устанавливаются совместные смыслы, которые можно разделить на четыре сферы. Эти сферы включают в себя истолкование, утверждение, пояснение и оправдание и несут в виде вопроса определенную познавательного плана информацию. Она может быть получена участниками коммуникативного действия, если будут соблюдаться определенные условия речевой игры [33, с. 86]. Если в ходе речевой игры присутствуют изначально сомнения и разногласия относительно морально-этических оценок, то возникают трудности во взаимопонимании.

Второй способ обеспечения социального порядка определяется дискурсом. Он выступает в роли координатора деятельности индивидов, участвующих в коммуникации. Дискурс является наиболее общей категорией лингвистики. Люди общаются посредством большого числа способов, включая вербальный. Как правило, вербальное общение происходит одновременно и независимо от других материальных и символических способов. Именно в этом смысле лингвистический продукт (как процесс, так и результат) есть дискурс [176], где процессы говорения, писания, слушания являются аспектами языковых игр, конкретных практик, прорастающих с помощью слов [83; 84].

В дискурсе субъекты разделяют общепринятые нормы мышления, объединяют же их собственные субъективные и уникальные переживания [41; 44]. Дискурс обеспечивает индивидам возможность отстаивать и формировать убеждения, которые понимаются как практика ориентирования, определения «предполагаемого» смысла. В процессе дискурса прояснение смысла, контекста информации становится важнейшей задачей. Выяснение смысла информации связано, с одной стороны, с языковыми аспектами дискурса [82], с другой стороны, с ситуацией, когда смысл становится кол-

лективно аргументированной, общезначимой, рационально обоснованной нормой, т. е. этикой дискурса. Таким образом, «этика диалога» становится «этикой согласия».

Каким должен быть представлен предмет в рассуждении сообщества интерпретаторов, чтобы о нем можно было судить как о реальном. Он должен быть актуален. Актуальность рассуждения о предмете, факте, явлении базируется на важнейшем понятии коммуникативной рациональности — этике ответственности.

Тенденция обоснования приоритета духовных ценностей в жизни социума и индивида логично повышает значение моральных ценностей. Основным принципом, на основе которого можно интегрировать людей в «коммуникативную общность», является ответственность [3; 29]. Предложенная **К.-О. Апелем** этика ответственности базируется на положении об ответственности как диалогичном принципе, который вытекает из факта бытия людей в мире [177, с. 13].

Этика ответственности пытается осмыслить человечество как определенную коммуникативную общность. В ней присутствует ответственность каждого человека перед своими близкими и далекими потомками и ответственность политиков во всеобщем глобальном масштабе. Но рациональное обоснование этики трудно из-за сплошного господства науки. Возможно ли рационально обосновать коммуникативную этику ответственности как основу выработки альтернативных норм и ценностей [46; 54]? Теория коммуникативной рациональности дает положительный ответ [55]. Выход видится в нарастания этого типа рациональности.

Нарастание разума может идти по пути его коммуникативности. Такой разум строится на коммуникации (взаимодействии-интеракции) и взаимопонимании и направлен на него. В результате взаимопонимания человек делает себя той личностью, какой становится через взаимоотношение с другими. Основное внимание, по нашему мнению, необходимо уделить этике дискурса («этике диалога»), которая позволяет участникам диалога выработать значимые, следовательно, обязательные нормы, ценности, интересы. Вне всякого со-

мнения, такая ситуация позволит обеспечить взаимопонимание и согласие людей в решении ими практических проблем.

Следует особо подчеркнуть, что процесс выработки норм и ценностей опирается на аргументацию, учитывающую прагматические предпосылки. Такая аргументация включает в себя волю большинства как разумное обоснование действия и коллективную волю (норму, этику ответственности), куда включена и воля меньшинства. Только в таком контексте мы можем говорить об истинном консенсусе. Истинный консенсус, таким образом, может быть представлен как своеобразный синтез непрерывной воли и понимания справедливости большинством, находящем обоснованность не только в рациональности, но и в аргументации. Большое значение, таким образом, в коммуникации имеет аргументация моральных норм, которые при таком условии добровольно и свободно признаются общезначимыми. Она не ограничивается верой в собственном уме найти универсальные законы и принципы, но включает рефлексию самих норм, когда приходится учитывать позиции меньшинства в дискурсе.

Для меньшинства законы и нормы, даже рационально обоснованные большинством, еще не есть справедливые, а потому требующие выполнения и ответственного отношения. Но ответственность рационального и неразумного действия индивидов чрезвычайно важна в нашем прагматичном, индивидуализированном и разобщенном мире. Этика диалога выступает в качестве закона, определяя нормы и ответственность людей, так как интерпретацией законов (норм) уже нельзя ограничиваться. Эти задачи решаются в морально-практическом дискурсе. Вне всякого сомнения, этот тип дискурса позволяет сформировать этику ответственности [26].

Этика ответственности участников дискурса вырастает из взаимопонимания, консенсуса. В коммуникативной философии базой для него служит коллективная аргументация истины как соглашения.

Проблема истины в теории социальной коммуникации основывается на теории достаточного обоснования, которая

синтезирует позиции, мнения, оценки и отношения участников дискурса к миру. В ней соединяются этические, моральные, политические, правовые аспекты, а также учитываются очевидные недостатки гипотетико-дедуктивного метода рассуждения. С помощью дедукции можно было получить только гипотетическое, но не достаточное обоснование, в котором необходимо обосновать сами принципы.

В дискурсе необходимо доказать не только разумность принципов и норм, но и их значимость для меньшинства, которое еще не приняла их как убедительные, а потому подлежащие исполнению. Это необходимо для всех участников дискурса, политической жизни, иначе сами принципы не будут признаны ими легитимными. В таком аспекте теория истины понимается как консенсус. Принципы дискурса позволяют обосновать этику, построенную на реализации условий интересубъективного общения. Аналитическая философия, экзистенциализм, герменевтика, постмодернизм сходятся в том, что рационально обосновать этику невозможно.

Теория социальной коммуникации, опираясь на рефлексию и саморефлексию, на наш взгляд, обосновывает этику. Обоснование этики строится на различении пропорциональных и перформативных аспектов речи и на теории аргумента. Высказывания языка могут быть либо истинными, либо ложными. Однако конструкция языка имеет целый пласт высказываний другого рода, которые не имеют истинностного значения [179, с. 96].

К ним относятся перформативные высказывания (клятвы, присяги, заключения сделки, объявления войн, открытие собраний, приказы). О подобных высказываниях нельзя говорить, верны они или нет, правильнее спросить, удачны они или неудачны.

Взаимное выяснение смыслов является сущностью теории аргумента. Она исходит из того, что тот, кто аргументирует, в дискурсе получит истину. Аргументирующий субъект может знать определенную истину в предварительном, интуитивном ее значении [78, с. 129–130].

Именно ситуация аргументации выступает для каждого аргументирующего как такая, которая не способна привести к обману. Каждый акт дискурса, отнесенный к моменту прошлого, может быть актуализирован, т. е. воспроизведен в настоящем или будущем, что и составляет основу intersубъективной общности [180, с. 85]. Социальное действие человека и общества должно быть превентивным, учитывать последствия и ответственность своей деятельности. Поэтому представляется важным, насколько коммуникативная рациональность общества и власти способны и готовы к контрафактическому моделированию.

Контрафактическое моделирование заключается в попытке субъектов представить, как развивалось бы событие, если бы возможная альтернатива получила возможность реализоваться [181, с. 95–105]. И в этой форме социального действия основой остается осознание людьми себя как общности в процессе дискурса [137].

Итогом дискурса является коллективная воля [142], аргументированная, обоснованная, включающая в себя морально-практические мотивы и цели, как единственно возможный «регулятивный принцип» подлинного понимания. Этика дискурса обеспечивает взаимопонимания на основе прагматических предпосылок аргументации [22, с. 7–31].

В каждом дискурсе знания и убеждения связаны. Доля каждого различна в зависимости от типа дискурса., при этом знание разделяет, убеждение объединяет людей. Убеждение компенсирует всегда ошибочное, недостаточное, дефицитное знание. На место научных знаний приходит убежденность [61, с. 62]. Акт убеждения в философии расценивается как возможное выражение разума, который делает возможным и законным то, что принимают за истину.

В каждом дискурсе, как социальной форме коммуникации, содержится определенная доля неопределенности и предположения, которая требует дискурсивной работы получения достоверности. Достоверность в дискурсе основана на понимании истины как консенсуса относительно морально-этического обоснования тех или иных проблем. Таким об-

разом, в дискурсе должна присутствовать не только истина, получаемая рационально, но и аргументация на уровне социального понимания справедливости тех или иных высказываний и утверждений. Везде, где возникает достоверность, т. е. пробуждается доверие, возможно убеждение, начинающееся с обоснований и имеющее достаточные основания и отражающееся в различных типах рациональности [75].

Понятие «дискурс» фиксирует индивидуальное сознание в таких психологических характеристиках, как намерение, замысел, мнение, эмоциональность. Для социальной и политической активности индивида эти элементы его сознания являются важными. И это необходимо учитывать, добиваясь активности субъектов в политической сфере. При этом выявляется и такая социальная определенность личности, как ее статус по отношению к партнеру беседы. Человеческое общение (интеракция) основано на совершенствовании разума, который направлен на уточнение смысла и интерпретацию. Именно это условие обеспечивает социальную коммуникацию. Важно уточнить, что при этом сфера коммуникации отнюдь не всегда изначально рациональна [65].

Механизм постижения смысла представлен в коммуникативной теории истины. Коммуникативная теория истины, как мы уже видели, была разработана как теория консенсуса. Обращена она не столько к повседневной практике коммуникации, сколько к социальной коммуникации. Теория истины позволяет решить две задачи: 1) сохранить нормативное содержание идеи разума, сформированной в рамках классической философской традиции; 2) избежать ошибки приписывать отвлеченным понятиям и нормам самостоятельное существование.

Идея истины в указанной теории требует нормативной правильности и значимой подлинности для всех участников дискурса. Истина, таким образом, выступает как регулятивное требование коммуникативного разума. Регулятивность истины, как консенсуса, воплощается в любом из эмпирических языков и в любой речевой ситуации. Уже на уровне повседневной коммуникации осуществляется совместное

постижение истины как дискурсивной нормы. Истина выступает как определенное согласие, содержащее в себе некоторое нормативное содержание.

Это содержание обеспечивается в определенной мере самой структурой речи и ее конкретных выражений, в которых имеется момент идеализации. Он предполагается самой лингвистической структурой текста, где «идеальное» выступает здесь в двух формах.

Первая форма «идеального» определяется как идеальность языковых значений или формальная истина, т. е. всеобщность значения, исключая двусмысленность и многозначность понятия, суждения. Формальная истина несет в себе определенную информацию о реальности и обеспечивается устойчивой структурой грамматических правил языка. Вторая форма «идеального» отражает соотношение идеальности истины и обоснованных в совместном дискурсе норм. Каковы должны быть условия обоснования, аргументации, чтобы нормы, знания, можно было бы назвать идеальной истиной (дискурсом, согласием), обеспечивающей понимание? Идеальность истины невозможно разъяснить без исследований условий употребления языка.

Мир людей не просто выражает себя в языке, с помощью языка люди являются сообществом интерпретаторов своей культуры и символического мира культур других сообществ. Через общение они пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. Если кто-то выдвигает некое утверждение, то он требует признания этого утверждения истинным со стороны других участников коммуникации. Это требование должно быть подтверждено аргументами и защищено от возможных возражений. Если же мы, стремясь к лучшей интерпретации условий значимости, изменяем контекст и аргументацию, то мы продуцируем постоянный риск несогласия.

Основой понимания считается диалог, состоящий из последовательных вопросов и ответов. Задавая некоторому тексту вопросы, мы его можем рассматривать в качестве ответа или совокупности ответов на них. Язык и мышление

при этом сближаются как два модуса коммуникативной способности человека. Опыт человека включает практику и все типы диалога, присущие ей (теоретический или научный, утопический или идеологический, гипотетический или философский) [183].

В исследовании понимания, по нашему мнению, важен показ его культурной опосредованности [178]. Понимание никогда не начинается с нуля. Оно всегда опосредовано уже предпониманием (интуитивным или неосознаваемым). Предпонимание является положительным предрассудком, предпосылкой суждения и сознания. Предрассудки могут иметь форму какого-либо авторитета и традиции [9, с. 334]. Последние как бы оказываются теми очками, через которые мы во многих случаях, как носители некоторой культуры, смотрим на мир [152].

Предпонимание и понимание связаны друг с другом в единое целое процессом коммуникации и образуют так называемый герменевтический круг. Суть проблемы состоит в следующем: для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Так, слово, предложение и текст образуют целое. Понять – означает выяснить смысл в контексте употребления [70, с. 136].

Понимание в процессе коммуникации есть продукт общества, а общество есть совместное бытие людей. Общество является согласованием потребностей, интересов людей, единством их многообразия. Таким образом, нам важно указать на культурно-исторические основы понимания, которые отражают диалектику человеческой коммуникации. В процессе общения с другими людьми мы не только стремимся к достижению понимания, которое является одной из предпосылок человеческой коммуникации. Но мы и разрушаем его, стремимся убедить себя или другого в чем-либо [163]. С этой точки зрения, выяснение смысла и его диалектика оказываются связанными с философией аргументации. Философия аргументации, в свою очередь, обращается к проблеме этики дискурса.

Социальная коммуникация выполняет функцию связи между различными субъектами. В процессе взаимодействия они приобретают статус реальности. А само общение свидетельствует о реальности бытия. Коммуникация – это духовное общение «немногих» в противоположность массовому общению, в процессе которого человек превращается из субъекта в объект информационного воздействия. В ходе общения человек не «играет роли», предложенные ему обществом, а раскрывает себя в качестве актера, который самостоятельно исполняет все роли. Таким образом, в социальной коммуникации понимание и сознание общества связываются через язык [202]. Идея коммуникативной природы сознания позволила обнаружить глубинные слои сознания, раскрыть сложные его структуру.

Первый пласт – сознание, функционирующее в ситуациях непосредственного общения. В анализе этого слоя сознания много сделала психология, лингвистика и психолингвистика. Так, в теории речевых актов индивидуальное сознание фиксируется в таких психологических характеристиках, как намерение, замысел, мнение, эмоциональность, и в такой социальной определенности, как статус по отношению к партнеру в диалоге.

Диалог в социолингвистике отождествляется с обменом речевыми актами. Это существенно изменяет трактовку личности. Она понимается уже как носитель социальных ролей. Используемые здесь понятия и процедуры (код, шифр, информация, коммуникант, смысл, значение диалога) остались без философски-гносеологического обобщения.

Второй пласт – это более глубокий слой сознания, и выявлен он в тех концепциях, которые подчеркивают, что язык задает смысл индивидуального сознания, которое может утратить первоначальный смысл и принимать значение за смысл языковых высказываний.

Осмысленность и целесообразность присущи любым социально значимым действиям человека. Культурные символы (смыслы и значения) и есть то, что опосредует взаимодействие людей и условия их жизни, лишая последние эффекта

прямого действия. Прямо и однозначно детерминировать поведение человека вообще, т. е. безотносительно того культурного контекста, к которому принадлежит данный человек, не может ни одно условие. В обществе «нет такого социального действия, которое не было бы уже символически опосредовано».

Необходимость понимания того, как и в чем изменились символы (смыслы) данной культуры, превращает эту культуру в другую с точки зрения обеспечения ею совместной жизни людей. И проблема понимания, коммуникации на различных уровнях становится прикладной. Надежда на рациональный порядок на земле и на справедливую оценку различных интересов связана с признанием неискоренимости их разнообразия.

Признание это необходимо, чтобы оценить модели взаимодействия интересов и их результаты. Это необходимо для нахождения жизнеспособного компромиссов, при которых люди смогли бы жить и удовлетворять свои желания, не круша при этом равно существенные желания и нужды других людей. Надежда на рациональный порядок и на справедливую оценку различных интересов связана с признанием неискоренимости их разнообразия.

Проблема понимания связана с новым осмыслением понятия «личностное знание». Понятие «личностное знание» определяет итог познания как сплав личностного и объективного, но при этом личное участие познающего в актах понимания не делает наше понимание субъективным, так как процесс понимания включает в себя критическую интерпретацию смысла и значения информации в соответствии с коллективными ценностями и нормами. Постигание не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно – ответственный акт, претендующий на общность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью, областью неизвестных ранее подлинных сущностей. В каждом акте познания присутствует и страстный вклад познающей личности [41, с. 320].

И эта добавка – не свидетельство несовершенства, но на-
сущно необходимый элемент знания. Всякая попытка полно-
стью исключить человеческую перспективу из нашей карти-
ны мира неминуемо ведет к бессмыслице. Неявный и явный,
личностный и формальный компонент знания – все они со-
держат компонент оценки. И этот личностный коэффици-
ент, который сообщает форму всему практическому знанию,
одновременно служит также для соединения субъективности
и объективности.

Проблема понимания связана с двумя аспектами: 1) оно
есть способ познания и связано с истолкованием текста, по-
стижением смыслов; 2) оно есть и способ интерпретирован-
ного бытия [15, с. 16].

Метод понимания как познания социальной действи-
тельности предполагает, что каждое общество – это опре-
деленная картина общественного как обозначения сущего
в целом. Бытие открыто человеку, и человек обозначает его
посредством естественного языка. В этом смысле язык – жи-
лище человека, данность бытия, а не просто способность от-
дельного человека [72]. Но язык еще и – «социальное тело»,
посредник между людьми и источник понимания. Языку
присуща как «скрытость», так и открытость. Эта идея нашла
отражение в работах исследователей, изучающих неявные
формы знания, невербальное знание – «безмолвное знание» –
tacit knowledge [41, с. 130–131].

Язык образует наиболее фундаментальный слой культу-
ры, а не мышление. Невербальный язык, внутренняя речь
есть особый коммуникационный феномен, а не просто не оз-
вученная речь [45; 66]. В этом свете был выделен целый ряд
релевантных признаков речи [67], как «внешней» и «внутрен-
ней» реальности сознания [156, с. 122], спроецированной на
систему социальной коммуникации.

Проблема социальной коммуникации связана с сопостав-
лением в двух сферах познания специфики процедуры «опи-
сания» и «объяснения». Понимание означает одновременно,
что перед ним стоит задача описания (социализации) этого
понимания, когда необходимо учитывать субъективные мо-

менты. Подходить к этому процессу необходимо с позиции невозможности создать универсальную социально-политическую теорию.

Понимание человека как существа, «выключенного» из мира и чисто внешне к нему относящегося, привело к представлению о возможности манипулировать внешними вещами и событиями, точно предсказывать и направлять ход последних. Приходится признать, что невозможно построить науку о человеке, похожую на точные науки, и иметь в этих науках эксперимент, подобный тому, что имеет место в науках естественных.

Вместо этого есть практика, включающая социальную коммуникацию и правила, языковые игры, где на основе согласия участников коммуникации принимается общезначимая истина. В ее основе лежит доверие и признание роли разума и рациональности в обосуждении общего блага.

Проблема человеческих отношений решается и через рассмотрение вопроса о глубоком проникновении и вживании в мир «другого», когда при этом достигается тайна человеческого общества. Бытие есть постижение человеком себя самого и окружающего мира. Кто такой «Я»? Многие мыслители убеждены в том, что человек способен раскрыть тайну собственного бытия путем предельной обособленности от других. Но существуют и прямо противоположные мнения. Индивид ничего не может сказать о себе, не соотнося себя с «другим» [86, с. 286–289] в дискурсе, социальной коммуникации.

Основное внимание в теории социальной коммуникации уделяется путям, выводящим субъекта за пределы индивидуализма и коллективизма [18, с. 150–152], где рассматривается человек во взаимосвязи с другим человеком [184]. Действия другого человека в большинстве случаев непредсказуемы. Но понять другого индивида возможно в ходе практической коммуникации с другим. Ситуация восприятия других людей «лицом-к-лицу» (в ситуации непосредственного общения) является прототипом социального взаимодействия [109] как коммуникации.

Коммуникация происходит в обыденном мире людей, переходя и в жизненный мир. Естественно, в такой ситуации традиционно принятые толкования (традиции, обычаи) уже не работают как истинные, а выступают как вероятностные. Все виды высказываний теперь приходится мотивировать рационально. Это становится важнейшей стороной рационального развития общества.

Но не только аргументированность и доказательность, объективность научного знания остаются по-прежнему необходимыми и нужными человечеству. Ценностные ориентиры, отношения, возникающие именно в речевой коммуникации, формируют духовные предпосылки человеческого существования, устанавливают подлинно моральные связи. Такие связи основываются на понимании, где немаловажной становится проблема смысла, интерпретации [185].

Мы уже отмечали выше, что проблема смысла связана с анализом различных видов высказываний. Речевое понимание координирует деятельность субъектов и пронизывает все виды социального взаимодействия [180, с. 38]. Функция речи сохраняет свою особую ценность, если подразумевает взаимодействие способных к общению людей, которые (перед этим с помощью вербальных способов) вступают в межличностные отношения [5].

Внутренней целью всякой коммуникации является достижение консенсуса. В итоге возникает взаимопонимание, обосновывается согласие. Консенсус касается как объективного смысла выражений, так и мыслей, намерений; интерсубъективно значимых, взаимно ожидаемых поступков, которые сопровождают как наши высказывания, так и нормы. Выделяют истинный и ложный консенсус.

Истинный консенсус обосновывает значение совместно принятых людьми в дискуссии норм деятельности. Он является выражением интерсубъективной природы коллективного образования воли [10, с. 37]. Истинность консенсуса состоит в социально-ответственной деятельности разумного субъекта. Таким образом, истинный консенсус есть дискур-

сивно обоснованный (к примеру, в морально-практическом или политическом дискурсе).

Ложный консенсус строится на абстрактном согласии участников диалога в формально-логической истинности высказываний. Он не соотносится с конкретной ситуацией, ожиданиями, оценками, настроениями, эмоциями людей, включенных в реальный жизненный мир. Ложный консенсус имеет место в практических и терапевтических дискурсах. Но не только достижение консенсуса, как такового, важно для нас. Существенно то, что достигнутый консенсус оказывается действительным регулятором деятельности субъектов. Только в этом случае мы можем говорить о коммуникативном действии.

Согласованность действий и взаимопонимание не вербализуются, ибо лежат в основе самой коммуникации. В процессе коммуникации появляется возможность устранить противоположность субъективного и объективного, внутреннего и внешнего мира. Субъективный мир личности связан с вопросом о том, что такое значение.

Традиционный для европейской философии взгляд состоит в том, что значение слов – это образы в нашем сознании, или же некоторые субъективные переживания. Но что значит «внутри»? Где у нас гарантии того, что мы имеем сейчас дело с тем самым переживанием, с каким мы имели дело раньше? Можем ли мы использовать то же самое слово для его обозначения? Где способ проверки (критерий) того, что слово правильно применено? Язык имеет публичный, общественный характер. Именно в сфере публичности формулируются критерии употребления языковых выражений.

В процессе коммуникации интер-отношения участников превращаются в интраотношения. То, что мы называем «внутренним миром», миром сознания, субъективным миром – это продукт языковой, коммуникационной практики. Как можно осуществлять коммуникацию, если она не осмысливается, если нет ничего «внутри». «Внутренняя речь» есть просто особый способ коммуникативной деятельности, отношения к другому человеку. Внутренняя речь возникает на основе речи внешней.

Классическая философия пыталась вывести из процессов «внутренних» процессы внешние. Субъекту дан он сам и состояния его сознания. Как же может он знать нечто о внешнем мире и о другом человеке? В настоящее время социальная философия признает невозможность существования «внутреннего» без «внешнего», но при этом проблема состоит в координации действий. Учет механизма координации действий выразился в понятиях «жизненного мира» (обыденного мира людей) и «системы», в положении об их тесном взаимодействии.

Тесное взаимодействие индивидов определяется их ориентацией. Ориентации управляются культурными детерминантами. Они включают в себя когнитивные, оценивающие, моральные ценностные стандарты и ориентиры [28, с.149]. Именно в «жизненном мире» выражается потенциал разума субъекта [22, с.150], его способности к коммуникации. Но сложность и многогранность современного общества создают дополнительные сложности коммуникации в «жизненном мире».

Несогласие в коммуникации связано с пониманием людьми принципиальной относительности наличных норм. Осознание такой ситуации нарушает согласие. Поэтому социальная интеграция, происходящая на основе коммуникации, нуждается в компенсации ее неустойчивости. Условия, создающие нестабильность социального порядка, демократических процессов связаны с нестабильным консенсусом «жизненного мира». В нем могут не совпадать интересы человека и его интересы как частного собственника. Нестабильность социального порядка может происходить от наличия в обществе архаических институтов, возрастания плюральности форм жизни и дифференциации общества.

Внутренняя противоречивость коммуникации не способна обеспечить стабильность общества. Кроме того, неограниченность форм коммуникативного взаимодействия людей сталкивается с расширением пространства индивидуального действия. Решает проблему устойчивости коммуникативного действия, как регулятора социального порядка,

правовой механизм. Противоречивость коммуникативного действия не отрицает возможности прийти к истине. Истинность в этой концепции есть значимость (консенсус), регулятивное требование.

Специфика коммуникативного действия обусловлена тем, что оно происходит в живой и нормативно обеспеченной речевой игре. В ней допускается принятие приблизительно общего значения и смысла выражения, информации во имя обмена самой информацией. В процессе социальной коммуникации чрезвычайно важно обеспечить субъектам адекватное понимание информации, ее смысла. В «жизненном мире» имеются различные типы коммуникационных связей.

Типология коммуникационных связей включает коммуникационные схемы «Я-Он» и «Я-Я» [85, с. 242]. В коммуникации «Я-Он» передаваемая адресантом информация остается постоянной. Она не зависит от ее восприятия адресатом. В автокоммуникации «Я-Я», в процессе проговаривания текста с самим собой текст становится культурным кодом и теряет роль информационного сообщения, превращаясь в «схему организации сообщения» [208].

Само же сообщение порождается во внутренней речи, обогащаясь содержанием [45]. Внутренняя речь играет фундаментальную роль и в порождении внешнего общения. Первичный текст возникает у адресанта как его внутренняя речь. Она затем по законам логики языка трансформируется во внешнее сообщение [180], являющееся условием социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие в настоящее время превращает коммуникацию типа «Я-Я» в коммуникацию «Я-другие» [86]. Происходит это в том случае, когда прагматика социального дискурса перестает отвечать нуждам личности, т. е. становится неподлинной. Человек в какой-то момент отказывается играть в игры, навязываемые социумом. Становится необходимым нечто большее, чем может дать формальное сообщение. Несомненно, что для дальнейшего процесса демократизации в обществе такая ситуация чрезвычайно опасна, ибо она может привести к полному безразличию че-

ловека к политической и общественной коммуникации. Эта проблема становится прикладной, когда речь идет о реализации принципов коммуникативной (или дискурсивной) рациональности в процедурном типе демократии.

Таким образом, понимание как механизм коммуникации предполагает субъект-объектные связи и признания в человеке суверенной личности. Это создает в коммуникации внутренние противоречия. Они возникают вследствие дифференциации между частным миром индивида и миром политики, экономики. Накладывают отпечаток на процесс коммуникации и противоречия между повседневной коммуникативной практикой людей и субкультурами. Поэтому в процессе коммуникации так сложно, но и так важно достичь единого истолкования, понимания, интерпретации, обоснования норм.

Преградами в процессе социальной коммуникации могут быть идеологические, культурные нормы, традиции, которым придан характер легитимированных справедливых норм. Их легитимность исключает претензии на дискурсивное обоснование и возможность проверки. Общество, чье сознание находится в пределах жесткого идеологического воздействия, или сознательно ориентируется на использование массового подсознательного в обществе, насильственно лишено свободы дискурса. И тогда остается лишь сфера повседневной коммуникации, где условия дискурса еще могут соблюдаться. Процесс повседневной и социальной коммуникации обращен к здравому смыслу, но если при этом нарушается смысл и значение, возникает идеологическое или культурное клише, которое еще более осложняет механизм коммуникации.

Основное положение теории коммуникации звучит так: «контакт вместо контракта». Теория социальной коммуникации противопоставляется общественному договору, где в основе лежит сделка, контракт, разобщающий людей, так как их общение ограничивается абстрактным моментом – заключением договоренности. Устанавливаемый в ходе коммуникации контакт сближает субъектов.

Средством достижения контакта является дискуссия. В ее ходе субъекты выясняют, что их разъединяют общепринятые нормы мышления, а объединяют собственные субъективные и уникальные переживания. Таким образом, исследователями определенное социальное явление должно быть рассмотрено с позиций различных социальных субъектов, различных теоретических подходов.

Бытие человека основано на потенциях человеческого разума, проявляющегося в рационализации и коммуникации индивидов и общественных групп. Рациональное понимание и социальная коммуникация осуществляются во взаимодействии субъектов в различных видах дискурса. Чтобы описать и объяснить многомерный и содержательный социальный мир, необходимо включить в анализ два элемента: «жизненный мир» и «систему», как два элемента коммуникации и модели коммуникативного общества. Коммуникация «жизненного мира» и «системы» может осуществляться в коммуникативном дискурсе.

*Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем
пересиливает и удовольствия и всё прочее*

Платон (428–347 гг. до н.э.)

2.2. Коммуникативный дискурс: типы и условия дискурса

Дискурс – это совместное, основанное на дискуссии, мероприятие по выработке правил общежития. Условия разумного коллективного формирования воли в свете теории коммуникации, рассматриваются современной социальной философией в аспектах целесообразного, доброго и справедливого и предстают в различных формах аргументации. Вместе с типом вопросов и ответов (в дискурсах применения и дискурсах обоснования) меняется и понятие воли [142]. Она находит воплощение в истинном и ложном консенсусе, достигаемом в дискурсе.

Для «подлинного» дискурса характерными чертами выступают фасцинация, полифония, депрагматизация [83, с. 56]. Его складывание связано с процессом сближения языка и мышления [66; 80]. Именно в стихии языка осуществляется понимание людьми и окружающего мира, и самих себя, и других, которое выступает как языковая интерпретация текста. Реализация текста происходит в процессе мышления [88].

Сам процесс мышления, как обретения новых смыслов, интуитивен. Исходные посылки порождаются спонтанно на смысловом поле. Затем они возвращаются к семантическим конструкциям и раскрываются через логически формулируемые тексты. Несмотря на внешнюю логичность, текст воспринимается как некий процесс переживания. Каждый из нас один и тот же текст может понимать и по-разному и, может быть, совсем не так, как он был задуман. Сложности выяснения смысла можно выразить через структуру дискурса.

Дискурс характеризуется дискретностью и непрерывностью и понимается как ряд следующих один за другим синтетических актов. В дискурсе никогда не представлен целый объект. Наше рассуждение о любом предмете представляет собой попытку его последовательной актуализации. Но в каком виде существует актуализированный предмет? Только в виде следа, который мы конструируем как последовательность частей благодаря памяти и воображению [78, с. 134].

В связи с такой структурой выяснения смысла текста была предложена вероятностная модель языка. Смысловое поле текста гипотетично по своей природе и только тогда обретает актуальность, когда человек задает на нем некую систему предпочтения [76]. Понимание текстов как творческий процесс выступает как перепонимание того, что уже ранее было понятно на семантическом поле. Понимание как основа и условие бытия человека и социума способствует тому, что «новь обретенные смыслы создают новые условия бытия». На первом уровне сознания осуществляется разъяснительная функция в процессе коммуникации. На втором уровне вырабатываются исходные посылки, которые потом осмыслива-

ются на первом уровне. Это уровень творческой активности [68]. Он поддерживается подвалами сознания, где мы встречаемся с архетипами и созерцаем образы [69]. Вся структура опирается на телесный уровень, где действуют нейропептиды. Не только мозг, но и тело являются частью сознания [77, с. 61].

Рациональность действия представлена тремя типами дискурса: прагматическим, этическим и морально-практическим. Дискурс предполагает возвращение к глубинному смыслу и значению информации, которая понимается участниками речевой игры по-разному в ходе дискурса. И его целью становится рассмотрение и обоснование проблематичного смысла и значения. Значимо в коммуникации высказывание, которое обосновывается (рационально приемлемо) и обеспечивает согласие всех членов интерпретативного сообщества [22, с. 186–187].

На социальном уровне эти правила связаны с нормативными вопросами. Нормативные вопросы всегда формируются внутри некоторой концептуальной схемы. Попытка людей улучшить концептуальное «понимание» лежит в основании нормативных дискуссий. В ходе нормативного обсуждения участники дискурса проверяют и пересматривают понятия и предпочтения, существующие в социальной сфере в рамках некоторых институциональных структур. Очень часто в таком обсуждении резко противопоставляются «факты» и «ценности» – нормы.

Поэтому нормативные споры часто принимают форму обсуждения того, как фактически обстоят дела и как они могут быть наилучшим образом описаны и объяснены. Идея состоит в том, что компетентная, свободная и беспрепятственная дискуссия всех заинтересованных сторон может вести к соглашению. И если это так, то это соглашение будет общезначимым, нормативным ответом. Такое соглашение не является безошибочным ответом. Но это самый лучший ответ из тех, что мы можем получить.

Этот ответ условен, так как он не является верным на все времена «окончательным ответом». Конечным основанием

здесь служит сама открытая дискуссия, политический и правовой дискурс. Этот дискурс является процессом непрекращающейся аргументации «проб и ошибок». Поэтому нам так необходим для развития демократии дискурсивный разум, коммуникативная рациональность всего общества. Едва ли можно договориться и добиться общего согласия (или надеяться на него) относительно того, что является правильным и хорошим. Здесь всегда существует большое поле для легитимного многообразия и рациональной толерантности.

Люди могут договориться о нормативно общезначимых ценностях, когда речь идет об основных человеческих правах. Эти права понимаются как связанные с равноценностью индивидов и одинаковым уважением к ним, с ответственным отношением к экологической проблеме. Для дальнейшего развития демократических процессов такая возможность является не только важной, но и насущной потребностью. Жизнь общества и человечества все более усложняется. Возникают серьезнейшие проблемы, решать которые узкому кругу представителей государственной власти и системы сложно и опасно. Только коллективный, дискурсивный разум, опирающийся на аргументы, компетентность, ответственность, способен решить эти проблемы.

Современный процесс демократического развития свидетельствует о резко возросшей необходимости в рациональном «формировании общественного мнения», а значит, и фундамента для коммуникативного общества. Имеется в виду, что мы должны быть как индивидуально, так и институционально открыты для изменения наших ориентаций и ценностей, если результат этого изменения должен быть положительным. Предвидеть положительный результат может широкий общественный дискурс, включающий в себя как экспертов науки, политики, так и общественности.

Дискурс – фундаментальное для модели коммуникативного общества понятие [33, с. 85–90]. Дискурс служит обоснованию проблематичных претензий назначения мыслей и норм, понимаемых различно участниками дискурса. Существуют две точки зрения, с помощью которых можно от-

личить роль дискурса от роли интеракции (взаимодействия). Во-первых, дискурс настаивает на своих собственных интересах. Эти интересы основываются изначально на добровольном столкновении мнений, на способности и праве каждого индивида к аргументации. Поэтому конечный результат дискурса исключает возможность принуждения к действиям и поступкам другого человека. В дискурсе каждый участник настаивает на возможности претензий на значения, на своей интерпретации, в которую входят этические и моральные оценки.

В ходе дискурса субъекты могут рационально прогнозировать ситуацию, одновременно определяя свое отношение к ней. В связи с этим выделяются три типа дискурса и виды аргументации в них. Рациональное действие человека может иметь прагматическое, этическое или моральное значение. Эти значения требуют выбора индивида между тремя альтернативами и предполагают различные мотивы аргументации и обоснования. Различаются дискурс прагматический, этический (терапевтический) и морально-практический.

Прагматический дискурс по постановке главного вопроса может быть назван целесообразным дискурсом. Этический дискурс ставит вопрос о благе и предполагает свободную волю субъекта. Морально-практический дискурс решает вопрос о справедливости и основывается на способности субъекта к моральным суждениям. В прагматическом дискурсе осуществляется ценностно-ориентированное взвешивание целей и рациональное осмысление имеющихся средств. В них мы обосновываем технические и стратегические рекомендации, предположения, предпочтения, последствия наших решений. Следует подчеркнуть, что значимость рекомендаций в таком типе дискурса не означает обязательности применения рекомендаций. Это дискурсы возможности применения рекомендаций; главную роль в них играют личные цели и предпочтения.

Этический дискурс направлен на выработку ценностного выбора всей жизненной практики одним человеком. В нем осуществляется самопонимание субъекта. Оно одновремен-

но предполагает и рефлекссию субъекта в оценке своей жизни, обязательно пропущенную и соотнесенную через призму отношения другого к этим духовным ценностям. Увидеть и познать себя субъект в таком дискурсе может только через оценку и отношение другого к его жизненному опыту, ценностям.

Когда мы встречаем другого как субъект, а не как предмет, которым можно управлять, мы считаем его наделенным здравым смыслом, способным сказать нам, почему он в конкретной ситуации он ведет себя так, а не иначе. Мы впадаем в идеализацию, особенно если дело касается нас, когда мы смотрим на другого субъекта глазами, которыми мы всматриваемся в самих себя. Это интуитивное убеждение описано в форме двух контрфактических ожиданий: а) другой субъект придерживается всех тех норм, которыми он руководствуется; б) субъект руководствуется только теми нормами, которые кажутся ему справедливыми [33, с. 88].

Но мы ничего не можем сказать реально о тех нормах другого субъекта, которых он придерживается в процессе взаимодействия, если интуитивно предполагаемые нами нормы он не признает. Ситуация двух контрафактических ожиданий имеет место в прагматическом и этическом дискурсе.

Этический дискурс возможен лишь тогда, когда в его процессе возникает доверие между участниками. Он предполагает как бы выбор человеком самого себя, исходя из опыта своей жизни, но в соотнесении с жизненным миром других. В таком дискурсе огромное значение приобретают личные интересы, а прояснение смысла жизни определяется индивидуальной ориентацией, ценностями человека. Конечно, речь идет о такой ситуации, когда вновь выбранные жизненные мерки прямо не исключают прежних ценностей. Этический дискурс требует от участников разума и воли, и работает он только в конкретном контексте, который и становится темой дискурса.

В морально-практическом дискурсе присутствуют моральные суждения о поступках и убеждениях двух и более субъектов, которые могут отражать противоречивые интере-

сы, приводящие к конфликтам. Его целью является поиск легитимных правил и норм, их обоснование, применение, для того, чтобы перед лицом межличностных конфликтов найти справедливое решение проблемы. Важным психологическим моментом этого дискурса в конечном итоге становится согласие.

Согласие субъектов дискурса включает в себя как свободную волю, (человек действует по законам, которые он сам себе устанавливает), так и чувство долга, которое человеком осмыслено и становится его убеждением. Особенностью морально-практических дискурсов является то, что в ходе обсуждения моральных норм личный опыт, жизненный контекст, субъективизм должны быть исключены. Такой дискурс требует как можно большего участия всех людей, которые могли бы быть заинтересованы в обсуждении проблемы. В противном случае претензия на значимость таких дискурсов вызывает сомнение. Этот тип дискурса можно назвать расширенным. В нем создаются коммуникативные предпосылки общности, а перспективы одного участника сплетаются с перспективой всех. Беспристрастность, объективность, универсальность, интересубъективность, коммуникативность в таком дискурсе не исключают для субъекта возможности выбора, когда он может присоединиться к дискурсивно обоснованным нормам.

Дискурсивное обоснование норм в морально-практическом дискурсе решает две задачи. В ходе дискурса выясняется проблема, интересующая всех, и выражается воля всех, когда при этом не ущемляются моральные основания субъекта. Таким образом, в этом дискурсе моральные основания аргументации опираются на принцип превращения норм во всеобщие.

Для установления согласия в обществе, для обеспечения стабильности в дальнейшем развитии процесса демократизации эта форма социальной коммуникации приобретает первостепенное значение. Но при этом обязателен учет конкретных мотивов, существующих социальных институтов, так как абстрактная всеобщность моральных норм не может

учесть нестандартные ситуации, которых в наше время возникает все больше. И поэтому в этом дискурсе стоит задача аргументировано разъяснить правомочность обоснованных норм.

Для решения вопроса о конкретном применении тех или иных норм используется принцип практического разума – уместность или соответствие [22, с. 25], что находит выражение в различных типах дискурса.

Прагматический и этический дискурс относятся к дискурсам применения, морально-практический – к дискурсам обоснования. Но в последнем типе дискурса моральные заповеди, сохраняя свою значимость, еще не обеспечивают совпадения морального суждения, соображения и самостоятельного действия. Это противоречие субъект осознает, на человека может давить чувство вины, так как претензия моральных норм на значимость имеет в европейской культуре обязывающую силу. Таким образом, во всех трех типах дискурса индивидуальное формирование воли, как условия действия, следует за аргументами общественности. При этом в каждом виде дискурса изменяется роль субъекта.

Прагматический дискурс должен привести в соответствие собственные интересы с интересами других людей. Он определяет поведение человека как необходимость компромисса. В этическом дискурсе формируется отношение человека к себе самому, обществу. Этот тип дискурса выражает степень взаимосвязи и взаимодействия с обществом. Но при этом в нем остается место и для индивидуальных интересов и ценностей. Морально-практический дискурс должен испытывать нормативные заповеди не только с точки зрения их значимости и уместности, но и в свете их соответствия настроениям людей.

Итак, вместе с типом вопросов в ходе обсуждения меняется и понятие воли, действия субъекта. Только едиными приемами аргументации мы не можем достичь единства практического разума (коммуникативной рациональности). Оно может быть достигнуто только во внутренней связи всех форм коммуникаций, где осуществляется разумное коллективное

формирование воли. Тогда практический разум принимает вид объективного образования [22, с. 30]. В нем происходит политическое и правовое закрепление обоснованных в дискурсе норм и ценностей.

Наличие норм и ценностей обеспечивает возможность как повседневной, так и общественной коммуникации. «Дискурсивное осмысление меняет истолкование на интерпретацию, утверждение на предложение, пояснение на теоретическое пояснение и оправдание на теоретическое оправдание» [33, с. 87].

В повседневной и общественной коммуникации можно выделить пять типов дискурса:

1) дискурс как способ коммуникативного действия (например, разговор с целью информации и обучения или заранее организованный диспут);

2) коммуникативное действие, которое лишь внешне принимает форму дискурса (все формы идеологического оправдания);

3) терапевтический дискурс, где образование условий для дискурса служит основанием для саморефлексии (психоаналитический разговор между врачом и пациентом);

4) нормальный дискурс, который служит обоснованию проблематичных претензий на значение (например, научная дискуссия);

5) новые формы дискурса (учеба с помощью дискурса вместо дискурса, как способа для информации и инструкций, модель свободной семинарской дискуссии)» [33, с.90] .

В процессе социальной коммуникации и коллективного обсуждения и убеждения возникает истина, консенсус, что позволяет характеризовать степень рациональности общества. Процесс возникновения истины труден, так как коммуникация несет в себе противоречия и сложности. Они связаны не только с конфликтом, спором, трудностями достижения соглашения. Коммуникация является коллективным действием, семантическим, нормативным и информационным взаимодействием.

Межличностные барьеры в социальной коммуникации на уровне информационного взаимодействия могут возни-

кать по причине: 1) восприятия, 2) семантики, 3) обмена невербальной информацией, 4) некачественной обратной связью, 5) плохом слушании.

Семантические затруднения могут быть также обусловлены расхождением способов, когда люди придают разное значение группе символов. Семантические барьеры могут создавать коммуникативные проблемы для организаций, компаний, партий, учреждений, действующих в многонациональной среде. Семантические барьеры, обусловленные культурными различиями, могут серьезно затруднять деловые переговоры, культурное общение, дискуссии и дискурсы.

В речевом общении различают различные формы его организации: деловой разговор, беседа, обсуждение, а также спор, полемику, дискуссию, диспут, переговоры и др. [210, с. 24–25]. Предпосылками правильной организации дискурса и его различных форм являются две сферы: когнитивная и аффективная (рис. 1).

Мотивированность и обоснованность дискурса достигается за счет осмысления всех этих составляющих. Когнитивная сфера- это сфера познания и осознания. Первая часть ее говорит о том, что необходимо отдавать себе отчет о том, «кто я?», «где я?», «каково мое место в данной ситуации?». Вторая часть непосредственно связана с осознанием должного и желательного, необходимого и возможного. Основные вопросы здесь таковы: «что я хочу?», «как это возможно?».

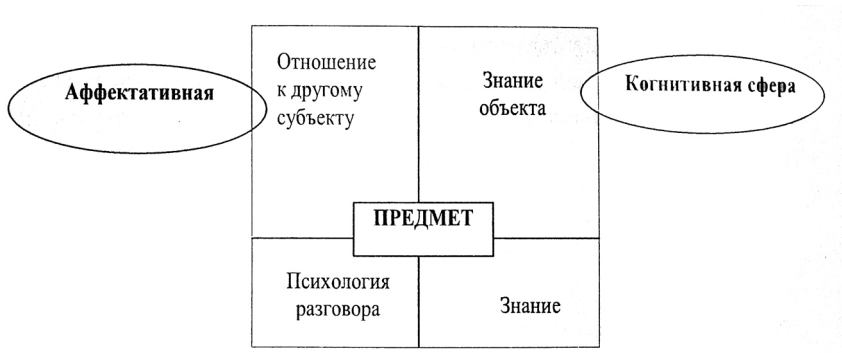

Рис. 1. Сферы дискурса

Аффективная сфера подразумевает понимание того, что разговор есть психологический контакт [87]. Поэтому в ней звучат вопросы о том, кто он, какое место он занимает, каково мое отношение к нему. На основе ответа на последний вопрос формулируется эмоционально-психологическая основа разговора. Однако не надо думать, что основа разговора проста. Во внешней простоте разговора в форме ситуационного контакта множество сюжетов. Итоговое действие тем продуктивнее, чем осмысленнее использованы все составляющие разговора. Данное условие имеет отношение не только к коммуникации на обыденном уровне, но и к коммуникации социальных групп и общностей, где решаются задачи более высокого уровня.

Социальная коммуникация позволяет устранить возможность давления государства, общества на человека. Она обеспечивает ему возможность свободно дискутировать, соотносить свое видение мира и путей его решения с общепринятым, не всегда справедливым, хотя формально правильным.

Свобода от господства, т. е. от нелегитимной власти связана не только с политическим режимом, но и со способностью общества отстаивать свободу личности, как инаковость, признавая ее право на самобытность и идентичность в ситуации плюрализма и индивидуализма современного социума.

В современном обществе социальная коммуникация является условием и основой разрешения многочисленных социальных, этических, правовых, политических, экологических проблем. Социальная коммуникация понимается как новая интегративная сила общества. В основе интегративных процессов в обществе могут лежать способности ответственности к консенсусу, дискурсу, коллективному получению обоснованной и критически осмысленной нормативной истины. Все участники дискурса должны быть равны, и соблюдать определенные его правила.

Социальная коммуникация обеспечивается благодаря механизму дискурса, который предполагает прояснение смысла и значения текста и контекста, предъявляет особые

требование к получению истины как аргументированной, ценностно-нормативной, обоснованной и значимой для всех участников дискурса.

Дискурс диалогичен и обеспечивает полилог культур, субкультур. Тем самым он позволяет сообществу интерпретаторов прийти к согласию, устранить дезинтеграционные процессы в обществе. Наличие таких свойств у общественности позволяет создать новую модель дальнейшего развития демократических процессов в современном обществе, позволяет оптимистично смотреть в будущее, где оно сможет остаться коммуникативной общностью, а значит, будет способно продвигаться вперед.

Социальная коммуникация строится на признании коммуникативной природы социального взаимодействия. Сущность социального взаимодействия в коммуникативной философии понимается как интенциональная и интерсубъективная. Социальное взаимодействие осуществляется с помощью речи в таких формах, как коммуникативное действие (интеракция) и дискурсивное взаимодействие (дискурс). Огромное значение в процессе взаимодействия приобретает выяснение смысла и значения фактов, знаний, норм, ценностей, настроений, устремлений; культура дискурса и соблюдение правил дискурса. Необходимым условием и основой дискурса как механизма социальной коммуникации является понимание.

Оно выступает как основа их совместного постижения и интерпретации мира, а значит, и коллективного взаимодействия, коммуникации. Понимание основывается на опыте осмысления, обсуждения, аргументации идей, интересов, целей, идеалов, норм. Чтобы обеспечить понимание между людьми в обществе, необходимо исходить из разных уровней коммуникации: межличностного и социального.

Коммуникация предполагают субъект – объектные связи и отношения, свободу, равноправие и идентичность участников дискурса. Отношения участников дискурса строятся на речевом взаимодействии, которое происходит в процессе выяснении смысла и значения текста, информации. Итогом

речевого взаимодействия может быть консенсус, истинный или ложный. Обществу необходим именно истинный консенсус, поскольку он позволяет в условиях плюрализма идей и ценностей создать единую платформу согласия. Истинный консенсус есть результат обсуждения и убеждения, направленный на получение истины как общезначимой, нормативной и регулятивной ценности и нормы.

Способы и цели получения истины могут осуществляться в трех типах дискурса: прагматическом, этическом и морально-практическом. В связи с этим он предстает перед нами в различных формах аргументации. Итогом всех типов дискурса в гносеологическом плане является формирование истины. Рациональность дискурса – ключ к пониманию любого типа рациональности.

Сущность истины в коммуникативном дискурсе понимается не только в формально логической правильности (рациональности), но и в возможности соответствовать критериям значимости для всех участников дискурса. Значимость истины связана с морально-практическим обоснованием и убеждением всех участвующих в дискурсе в ее ценности, уместности в данной конкретной ситуации. Наиболее эффективно эту задачу решает морально-практический тип дискурса.

В психологическом плане условием и итогом всех типов дискурса является доверие, уважение к личности другого, умение считаться с его мнением, солидарность как готовность совместно воплощать то, что явилось результатом коллективного обсуждения и воли. Важным элементом дискурса является обоснование этики ответственности, которая строится на новом понимании справедливости и ответственности. Теперь справедливость определяется только через аргументацию, которая включает рефлекссию самих норм, когда приходится учитывать позиции меньшинства в дискурсе.

Все типы дискурса требуют соблюдения определенных условий дискуссии; роль субъекта в каждом из них различна. В связи с этим типы дискурса подразделяют на дискурсы обоснования (прагматический и этический дискурс) и дискурсы применения (морально-практический). Особенно важ-

ны в активной деятельности коммуникативного общества дискурсы применения. Именно в них возникает возможность обосновать этику, как согласованную практику социальной деятельности, и, прежде всего, политической деятельности. Коллективная воля или этика согласия в этом типе дискурса оформляется в общезначимую истину как дискурсивную правовую норму, т. е. становится этикой ответственности. Таким образом, условием дальнейшего развития современного коммуникативного общества становится овладение общественностью всеми формами коммуникации, способами получения истины и обоснования норм и ценностей.

Социальная коммуникация является залогом консолидации и согласия в нашем разьединенном, индивидуализированном, прагматичном обществе. Таким образом, мы можем говорить о появлении нового типа рациональности – дискурсивной рациональности. В свою очередь, овладение принципами и ценностями дискурсивной рациональности может быть ментальной основой коммуникативного общества.

Рассмотрим особенности исследования современной социальной коммуникации в гуманитарных науках на основе культурологического подхода. За последнее десятилетие XX века произошел ощутимый сдвиг парадигмы научных интересов в области гуманитарного знания. На первый план вышли вопросы культуры как универсального контекста, обуславливающего бесконечное разнообразие человечества, и коммуникации – главнейшего и одного из самых фундаментальных видов взаимодействия между людьми.

Коммуникация – это такое взаимодействие, при котором происходит «обмен» информацией. Коммуникативная компетенция присуща всем представителям *Homo sapiens*. Однако та или иная реализация этой способности культурно обусловлена. Кроме этого, она обусловлена и уникальным индивидуальным опытом каждого человека, из чего следует, что при коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, так как они не совпадают даже у людей, говорящих на одном и том же языке, выросших в одной и той же культуре.

Взаимодействие посредством символов это не то же самое, что передача предмета из одних рук в другие, но процесс воссоздания исходного смысла. В этом понимании определение коммуникации может выглядеть по-другому, т. е. как процессы человеческого взаимодействия, при которых индивидуумы (в личном общении, в группах, в организациях, в обществе) создают и интерпретируют сообщения с целью приспособления к окружающему миру и друг к другу.

В центре межкультурных взаимодействий находится человек как носитель общечеловеческих универсалий и культурных особенностей. Этот человек действует и взаимодействует с другими на основе этих универсалий и особенностей в огромном, но потенциально исчислимом множестве контекстов общения.

Например, формы и смысл социальной коммуникации в экономической сфере современного общества неоднозначны и противоречивы, они включают в себя как позитивные формы коммуникации, так и негативные. Негативные формы социальной коммуникации имеют самые различные формы. В экономике они представлены различными элементами ненаблюдаемой экономики. В международных стандартах по статистике она определяется как деятельность по производству товаров и услуг, при этом не регистрируется в регулярных статистических источниках и может быть оценена только косвенными методами, которые опираются на разрозненные и не всегда взаимно согласованные источники.

К негативным формам социальной коммуникации в ненаблюдаемой экономике относятся:

- теневая экономика, включающая производство обычных (разрешенных законом) товаров и услуг, которое организовано подпольным образом для уклонения от уплаты налогов или внесения взносов в фонды социального страхования, от соблюдения некоторых административных норм, касающихся, например, минимальной оплаты труда или максимального числа часов работы;

- незаконная экономика, охватывающая производство товаров и услуг, запрещенных законом (производство и про-

даже наркотиков, проституция, контрабанда, торговля краденными товарами, представление услуг лицами, не имеющими на это право и т. д.);

– различные виды криминальной деятельности: коррупция, взяточничество, воровство, незаконный вывоз капитала, мошенничество;

– криминальная деятельность по производству товаров с нарушением технологии, которая может нанести ущерб здоровью людей [188, с. 87].

Такого рода деятельность направлена в основном на перераспределение доходов и имущества.

Однако, несомненный научный интерес имеет аксиологическая, скорее, цивилизационная составляющая и опыт современных форм экономической коммуникации. Приходится с уверенностью утверждать, что вступление западной цивилизации в эпоху постмодерна привело к серьезным изменениям в культурологических ориентациях, смыслах и приоритетах развития социума и индивида, а также государств и разных цивилизаций.

В наши дни глубокие сдвиги в ценностных ориентирах, происходящих в постиндустриальном обществе, обусловлены, несомненно, тем, что:

– по мере обретения основной массой работников Западной Европы и Северной Америки материального достатка последний уже не может считаться главной ценностью, в результате чего деньги отступают на второй план;

– значимыми представляются сдвиги, происходящие в постиндустриальном обществе вследствие самого по себе перехода к кейнсианской экономике.

До XX века считалось прописной истиной, что работодателю выгодно платить работникам поменьше, чтобы больше оставлять себе. На микроэкономическом уровне интересы обоих классов действительно противоположны. Но на макроэкономическом уровне, например, работники являются еще и покупателями, причем, поскольку они составляют основную часть населения, постольку их покупательная способность имеет решающее значение. Поэтому работодателям

выгодно платить работникам побольше (в процентах от стоимости продукции), поскольку, увеличивая потребительский спрос, это позволяет расширить производство, что увеличивает прибыль.

Эти идеи, получившие название «кейнсианских» реформ экономики, как в США, так и в странах Запада и Японии после второй мировой войны, привели к постиндустриальному прорыву, позволившему странам «золотого миллиарда» минимизировать нищету и классовые столкновения. Еще один важный результат этой политики заключался в трансформации менталитета граждан постиндустриального общества, суть которого в понимании того факта, что моей стране (и мне) выгодно, когда мой сосед, (другая страна) живет зажиточно, потому что тогда он покупает у меня больше.

Другим важнейшим следствием перехода к кейнсианской экономике оказались глубокие нравственно-этические сдвиги, одним из внешних проявлений которых является феномен политкорректности. Суть этого феномена свидетельствует о повышении уровня нравственности социума как «разумной системы» [188, с. 26], а не индивидов, что является следствием макроэкономического характера кейнсианской экономики.

Индивиды же вынуждены приспособливаться в новой морали общества, делая это зачастую против своей воли [115, с. 17]. В этой связи геополитическая доктрина российской власти и некоторых западных политиков, трактующих эгоистический интерес как единственную реальность, на основе которой можно объяснить, или предсказать поведение субъекта, представляется неперспективной.

В какой мере успешно осуществляется социальная коммуникация (в экономической тактике и стратегии) перехода к рыночной экономике российской власти и общества с мировым опытом постиндустриального экономического развития? Каковы должны быть приоритеты такой интеракции? Вопрос отнюдь не праздный. Почему переход к рыночной экономике на постсоветском пространстве не привел к ее эффективности? Причины такой неприглядной и не оправ-

давшей надежд политиков, бизнесменов и всего общества ситуации, как нам видится, кроются в целом спектре определенных проблем:

- переход к рыночной экономике и новым принципам хозяйствования, как в Российской Федерации, так и в других государствах постсоветского пространства происходит спонтанно, поскольку отсутствует четкая государственная идеология в вопросе о том, «должно ли государство активно вмешиваться в экономическую жизнь или лишь создавать условия для развития бизнеса»;

- имеет место непоследовательность действий государственных структур на местном и центральном уровнях власти в сфере эффективного развития рыночной экономики, вызванная неопределенностью границ вмешательства государства в работу рыночных отраслей экономики. Такая ситуация приводит к тому, что отношения между участниками рынка формируются с оглядкой на мнение государственных органов;

- нерыночные методы управления, как и квазирыночные управления экономикой, оказались неэффективны;

- отсутствует четкая идеологическая установка и стратегическое решение в вопросе о границах государственного вмешательства в экономику, выработанные в процессе конкуренции программ политических партий;

- в реальной экономической политике власти прослеживается ситуация неравенства форм собственности (государственной, малого и среднего бизнеса);

- труд и собственность не стали основой благосостояния индивида ни в РФ, ни в ПМР, ни других странах ближнего зарубежья,

- невнимание государства к нерыночным методам управления экономикой, в частности, к человеческим ресурсам, их культурной и социальной мотивации, настроениям элит, создающих бизнес за границей.

Из выше перечисленных проблем самой серьезной является отсутствие экономической культуры и осознания, как властью, так и обществом, политиками и бизнесменами,

фундаментального значения ее аксиологической составляющей.

Одним из первых на проблему выработки совместных ценностей и их влияние на экономическое поведение обратил внимание А.Смит в «Теории нравственных чувств, или опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемых нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных». Именно этот мыслитель одним из первых обратился к исследованию мотивов поведения «экономического человека», став, по сути, основоположником системы экономической этики и экономического экзистенциализма. По мнению шотландского философа, возможность согласования эгоизма и симпатии, в конечном счете, заложены природой, наделившей человека совестью (внутренним наблюдателем).

Другой видный мыслитель, М. Вебер определил ценностную составляющую, обозначенную понятием «призвание». Эта компонента экономического сознания, по его мнению, «делала рабочих приверженными идее долга по отношению к труду», восприятию труда как самоцели, оценивание «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью».

С позиции ценностного управления совсем не важно, что в результате подобной системы менеджмента работник низводился до уровня автоматического исполнителя трудовых приемов, строго предписанных инструкций. Важно, что были обозначены и закреплены ценности, на основе которых осуществлялось управление работниками. Такое понимание ценности (как истины, а не как идеала) является переломным и создает из ценности интерпретационный мотив, которым работник обозначает свои предпочтения.

Несомненно, что именно культурная составляющая менталитета индивида, базирующаяся на его личной заинтересованности создать свое дело, обеспечить себя и своих детей, лежит в основе эффективной предпринимательской деятельности. Реалии рыночной экономики таковы, что у нас отсутствует предпринимательская инициатива, в сознании граждан господствует неверие в возможность честно заработать

крупное состояние, в общественном сознании доминирует неодобрительное отношение к предпринимателям как к социальной группе. Отсутствие уважения к труду и частной собственности не стимулирует граждан к сбережениям, большая часть населения нацелена на потребительские расходы.

В российском, как и приднестровском обществе преобладает не «западная» или «восточная» модель потребления, а самая рискованная – неразумное потребление. Ее суть в том, что при низкой производительности труда в обществе существует претензия на высокий уровень потребления. Самое опасное в этой модели потребления то, что пример показывает и задает, насаждает российская элита, что, несомненно, подрывает моральные ценности и социальную стабильность в обществе.

Не менее важно воспитание и реализация через определенную государственную политику в обществе серьезного понимания и правильного отношения к принципам и ценностям рыночной экономики. К сожалению, в нашем обществе и во властных структурах отсутствует понимание важности рыночной идеологии как национальной стратегии. Краеугольным камнем этой стратегии должны стать мотивы к труду и накоплению, а не к дележу и потреблению. И формировать правильные мотивы трудовой деятельности должно именно государство.

Они включают в себя:

- целенаправленную работу государства по созданию условий для повышения благосостояния тех, кто работает;
- формирование ответственности экономического индивида за собственную судьбу;
- ограничение потребления для элит и налоговые рычаги.

ГЛАВА 3

Противоречия коммуникации в современном демократическом обществе

Не торопитесь с выводами, постарайтесь увидеть то, что прячется за словами.
Анхель де Куатье («Золотое сечение»)

- 3.1. Коммуникативное общество: трансформация типа общественности и демократии**
- 3.2. Эволюция гражданского общества и правового государства как важнейшее условие построение коммуникативного общества**
- 3.3. Правовой дискурс – основа политической коммуникации**

Если ты хочешь построить корабль – не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят корабль.
Антуан де Сент-Экзюпери

3.1. Коммуникативное общество: трансформация типа общественности и демократии

Стремление социальной философии осмыслить состояние общества и построить различные теории его развития привело к появлению пяти основных па-

радикал. Основное внимание, по нашему мнению, следовало бы уделить парадигме, которая понимает общество как сообщество интерпретаторов или модели коммуникативного общества. Следует указать, что эта парадигма вобрала в себя новые подходы и аспекты в осмыслении структуры и тенденций развития общества, степени взаимодействия ответственности и власти. Говоря об этой парадигме, нельзя не отметить те новые подходы, которые имели место ранее в исследовании общества.

Например, американский философ **А. Гоулднер** выделил в структуре современного западного общества новый класс – интеллигенцию, основными чертами которого назвал обладание культурным капиталом и культуру критического дискурса (специфическая речевая общность). Реальную силу изменений в обществе А. Гоулднер видел в этом классе, в интеллектуалах [30]. Американский философ **Ф. Гидденс** считал, что общество – это психическое явление, и элементарным субъективным социальным фактом является коллективное, групповое сознание. Исходя из этой посылки, он определял общественные классы по степени развития этого сознания, т. е. чувства солидарности [102, с. 112–113]. Он выделял «социальный класс», члены которого активно защищают существующий строй, «несоциальный класс», состоящий из индивидуалистов, равнодушных к общественным делам, «псевдосоциальный класс», «антисоциальный класс» [103, с. 3–13].

Немецкий философ Ф. Тённис считал, что осмысление феномена общества связано с выделением структурных связей социума. Основное значение в определении социальных связей у него принадлежит воле. Он определил два типа воли: «волю, поскольку в ней содержится мышление», обозначив ее как «сущностную» волю. Второй тип воли есть «мышление», поскольку в нем содержится воля, понимаемая им как «избирательная» воля. Первый тип определяют эмоциональные, аффективные, полуинстинктивные влечения. Второй тип воли определяется мышлением, в нем прогнозируется деятельность, выстраивается иерархия целей, концентрируется

устремленность. Субъектом «избирательной» воли становится «лицо», определяемое внешним, случайным образом. Оно свободно в целеполагании, выборе средств, его действие рационально, оно основано на контроле, договоре.

Из двух типов воли и субъектов проистекает различие двух типов отношений, а также двух идеальных типов социальности: община, где господствует первый тип воли, и общество, где доминирует «избирательная» воля. Диалектика социальности заключалась в том, что европейское общество эволюционировало от форм жизни, основанных на общности, к формам, основанным на обществе. В обществе главными становятся соглашения и договоры. Этот процесс породил новые связи между людьми, когда опорой власти стал не авторитет традиции, а сила. Ядром общества оказались рациональность и экономический расчет [129, с. 109–110].

Заслугой **Ф. Тённиса** явилось высвечивание проблемы замкнутости индивида на личной жизни, локальности социальной среды, «терпимых» ценностей, децентрализации в обществе.

В своей модели общества **М. Вебер** придавал важнейшее методологическое значение анализу социального действия [73, с. 602]. В его понимании социальное действие ассоциировалось с коллективным, т. е. «только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [73, с. 626]. Действующий субъект должен поступать согласно средствам и цели. Вместе с тем действие приобретает направленность только на основании надындивидуальных норм и ценностей. Именно связанная совокупность ценностей делает возможным взаимодействие и общество.

В концепции общества **Т. Парсонса** социальное действие также тесно связано со сферой культуры. Говорить о действии индивида можно лишь тогда, когда он в состоянии свободно выбирать между альтернативными средствами и целями. При этом именно общие ценности и нормы ограничивают и координируют действия индивида [47]. Виды установок субъекта к окружающему миру и их значения определяются

смыслом ситуации: 1) эмоции – эмоциональная нейтральность, 2) универсализм – партикуляризм, 3) ориентация на себя – ориентация на коллектив, 4)предопределенное – достигнутое, 5) специфичность / односторонность – диффузия / многосторонность [42].

Анализируя социальную эволюцию, **Т. Парсонс** подчеркивал значимость социальной стратификации и различных форм дифференциации как универсальных особенностей эволюции общества. По его мнению, они увеличивают долговременную способность общества к адаптации. При этом необходимо осуществить в обществе институционализацию общих норм, что позволит регулировать отношения между индивидами. Очень важным для возникновения общественной стабильности является нормативный элемент, в котором обосновываются универсальные ценности.

Можно согласиться с ним в том, что развитие общества осуществляется в направлении повышения «обобщенной адекватной способности» в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. **Т. Парсонс** различал три типа общества: «примитивное», «промежуточное» и «современное» [47]. По его мнению, развитие происходит путем последовательного развертывания десяти свойств и процессов, возникающих в ходе эволюции любых общественных систем: 1) системы коммуникаций; 2) системы родства; 3) определенной формы религии; 4) технологии; 5) социальной стратификации; 6) легитимации стратификационной общности; 7) бюрократии; 8) денег и рыночного комплекса; 9) системы обобщения безличных норм; 10) системы демократических объединений [42].

Понимание природы общества у **Т. Парсонса** получило развитие в концепции социального действия. Социальное действие всегда лично и осмысленно, оно связывает действующее лицо с другими субъектами. Каждый индивид частично «запрограммирован» существующими социальными нормами, он оценивает альтернативы, принимает решения и добивается их исполнения. Все общество выступает как система социальных действий [31, с. 125–142].

Социальное действие может быть и символической интеракцией. Американский философ **Дж. Мид** отмечал, что взаимодействие (интеракция) может быть символическим актом. Люди реагируют на ожидания тех, кто не присутствует в момент осуществления действия. Да и сами действующие объекты – это символы тех ролей, которые они выполняют. Индивид (Я) – это сумма ролей, которые усваиваются в результате социальных взаимодействий. Так происходит его социализация, когда психическое становится социальным.

Исследуя взаимосвязь индустриального общества и человека, **Герберт Маркузе** подверг резкой критике последствия технического прогресса, который способствует созданию «тотального», «одномерного» общества [150]. В такой социальной системе исчезает «оппозиция», отсутствует критика, у индивида формируются «витальные потребности», не выходящие за социокультурные рамки этого общества. Такое одномерное общество обеспечивает лояльность своих функционеров, а человек поглощен потребительской ориентацией, он отчужден от общества и не способен к радикальной оппозиции.

Главную причину столь трагической ситуации **Г. Маркузе** видел в доминировании технократического, рационалистического образа мышления. По его мнению, такой образ мышления оказывает репрессивное воздействие на нравственные, эстетические, познавательные ориентации человека. В социальном отношении перспективы преобразования общества он связывал с теми общественными группами (молодежью, люмпены, национальные меньшинства) и странами «третьего мира», которые не интегрированы индустриальным обществом.

Таким образом, понимание общества как содержательного и многомерного шло через преодоление концепции абстрактной тотальности общества, а также через критику тоталитаризма в бывшем СССР, например в работах [188–190]. Рассмотрев некоторые подходы в осмыслении общества, хотелось бы подчеркнуть, что многие из указанных положений были восприняты и интерпретированы в концепции коммуникативного общества **Ю. Хабермаса**.

Позитивным моментом в его концепции является поиск «минимального» разума общества, который мог бы противостоять как тенденциям дезинтеграции, как и «тотальности», «одномерности» общества. Определяя конструктивные и интегративные способности общества, немецкий философ выделил в его структуре два основополагающих элемента («общественность» и «систему»), генезис которых, по его мнению, позволяет надеяться на возможность обеспечить коммуникации и консенсуса.

В 60-е годы XX в. **Ю. Хабермас** в понимании «общественности» исходил из положения о резком обособлении от государства и общества. Он считал, что «общественность» находилась в состоянии упадка, распада, так как государство и общество вторгаются в структуры общественности и подчиняют их себе. И при этом он реально видел происходящие в обществе процессы «обобществления государства» и «огосударствления общества». В 80-ые годы он пересматривает свой взгляд на возможности общественности и верит, что именно она может противостоять бюрократическим, официальным институтам, бороться с ними.

Модель общества как «жизненного мира» и «системы» начинает оформляться одновременно с зарождением капитализма. В этот период складывается противостояние «жизненного мира» людей (где доминирует частный интерес) и «системы» – государства как органа управления и власти. В классовом обществе происходит разрыв связи, некогда существовавшей между «жизненным миром» и «системой». «Жизненный мир» обеспечивает «фоновый» консенсус членов определенного общества, так как включает в себя не критические убеждения, разделяемые членами этого общества. Интуитивные достоверности жизненного мира ограничивают пространство коммуникативного действия. Оно имеет пределы образцов интерпретации, лояльного поведения, личностных ориентиров и ценностей.

Но «жизненный мир» как сфера совместного взаимодействия, не изолирован от «системы», не противостоит ей резко [147]. Морально-практические ценности, духовное, нрав-

ственное поведение складываются в жизненном мире. Между сферой «жизненного мира» и «системой» постепенно складывается мир общественности, которая претерпела существенные изменения к настоящему времени. Общественность как бы связывает эти сферы, защищает частную сферу, служит посредником и обеспечивает взаимодействие общества и власти через коммуникацию.

Общественность к настоящему времени способна создавать новые структуры гражданского общества. Несомненно, что она способна противостоять посягательствам государства, деспотизму, авторитаризму, выдвигая на первый план общезначимые для демократического общества гуманистические ценности.

«Жизненный мир» как относительно самостоятельное и свободное существование индивида в начале XXI века все больше подпадает под воздействие и давление со стороны экономики и управления (системы). Это приводит к деформации «жизненного мира». Опасность такого феномена состоит в том, что сейчас нарушаются веками складывавшиеся механизмы социальной интеграции. И поэтому «...коммуникативное действие должно взять на себя выполнение задачи социальной интеграции, и в то же время оно само по себе не способно обеспечить ее стабильность» [22, с. 201].

Совершенно неверно в настоящее время ограничивать общество только «жизненным миром» или «системой», так как огромную роль в социальной и политической жизни общества, его дальнейшей демократизации играет «общественность» [25]. Она была открытой совместной формой жизнедеятельности людей в противоположность обособленной, закрытой частной жизни. Ее функция состояла в постоянном установлении широких, многомерных связей коммуникации.

Форма «общественности» в период средневековья изменяется. Вместо противоположности частного и общественного происходит определенное размывание частного и его тесное объединение с общественным типом, т. е. появляется «репрезентативный тип общественности». В период Модерна

этот тип общественности постепенно сменяется гражданским обществом, когда общественность получает возможность действия на основе закона и права.

Теперь уже закон и право защищают новые способы обособления частной жизни, частного интереса, частной собственности. Особенно важным аспектом в становлении общественности на этом этапе стала неподвластность частной сферы воздействию государственного аппарата. Сфера общественности приобрела статус автономности, хотя государство, учитывая авторитет общественного мнения, пыталось представить свою власть как общественную, выражающую идеи общего блага, воли. Сила общественности заключалась в том, что она создавала в диалоге среду, где рождалось взаимопонимание на основе учета различных мнений. Сферой приложения сил становится литература, искусство, пресса, способами выражения – риторика, аргументация, дискуссии.

Процесс образования мнения рационально мотивировался решением большинства. Эта традиция в деятельности современной общественности чрезвычайно востребована в настоящее время, так как она имеет опыт защиты частных интересов индивида. При этом процедура образования мнения и воли сложна и противоречива. Причина кроется в том, что политическая воля отнюдь не тождественна с разумом всех слоев общества, но имеет на своей стороне поддержку разума большинства [24, с. 192–193].

Таким образом, для общественности остается поле деятельности, когда она может ставить задачу обеспечивать консенсус власти всего общества. В связи с этой насущной задачей демократизации и стабильности в обществе сфера социальной коммуникации значительно расширяется и усложняется.

К концу XX века в механизме социальной коммуникации возникли новые сложности, связанные с тем, что общество и государство претерпели значительные изменения, грозящие обществу кризисными процессами и настоятельно требующими пересмотра старых и развития новых нормативных структур [25, с. 1].

Пересмотр нормативных структур обусловлен не только достижениями, но и утратами в общественном развитии. Особенно резко это выражается в правовом, нравственном и политическом состоянии общества.

Противоречивый процесс социально-политического развития Западной Европы получил осмысление в ряде теорий. В 60-е годы в социальной теории действительности лежали «идеалы буржуазного гуманизма» с ключевыми понятиями: субъективность, самореализация, рациональное формирование мнений и воли [126; 132; 134].

В 80–90 годы действительность все более расходилась с этими идеалами. Сформировалась «новая категория влияния» – общественность, во многом управляемая средствами массовой информации. На смену критической теории понимания общества (Франкфуртская школа социологии) пришло понимание общественности как самостоятельных, свободных взаимодействующих индивидов. Для нее характерны такие черты как гласность, институционализация общественности в политической деятельности, ее юридическое оформление (или легитимации), наличие высокого самосознания [25, с. 38].

Деятельность общественности основывалась на принципах целесообразности и научной рациональности. Огромное воздействие культуры на сознание общества проявлялось в его готовности и способности к социальной коммуникации. Каково состояние современной западной культуры? Она приобрела черты «массовой культуры». Возможности общественности к социальной коммуникации и интеграции в России и ПМР тесным образом связаны с необходимостью учитывать национальный менталитет граждан [178].

Ситуация мультикультурности и «принципиальной неопределенности», которая характерна для сознания и социальной жизни цивилизации начала XXI века, с особой силой ставит проблему коммуникации общества и власти. Перед социальной философией встает задача реабилитировать «практическую философию», которая снова повернулась к бытию человека в мире, «человеческой реальности» [2, с. 81–86].

Бытие человека и общества основывается на различных способах интеграции: деньги, власть, речь, дискурс. Первый источник интеграции включает в себя «деньги и власть в экономике и общественном управлении». Второй осуществляется в частной жизни индивидом и общественностью, которая есть союз и переплетение автономных объединений, ассоциаций граждан. Третий источник интеграции основывается на политической коммуникации общественности и административной власти.

Отличительной чертой общественности является, что она берет начало в обыденном мире, и направлена на защиту границ «жизненного мира и его императивов» [22, с. 95]. Эффективность защиты интересов частной жизни невозможна без коммуникации с «системой», т. е. с государственной властью и управлением. Несомненно, что она необходима в нашем сложном, поликультурном и субкультурном обществе. Плюрализм интересов в обществе, несомненно, затрудняет выработку норм единой этики. В связи с этой ситуацией, с необходимостью, возрастает роль коммуникации, интегративных усилий общества.

Социальная коммуникация осуществляется общественностью и строится на общезначимых, дискурсивно обоснованных ценностных ориентациях, целях, нормах и фактах, которые образуют один из важнейших ресурсов общественной интеграции. Интегративная сила социальной коммуникации представлена наличием в обществе различных самостоятельных, автономных объединений и организаций [96; 97; 98]. Они способны приходить к взаимопониманию и обеспечивать общественную солидарность, которая может противостоять власти и влиять на нее через политическую систему.

Коммуникация общественности и власти, на наш взгляд, может возникать на основе аргументации и обоснования в различных типах дискурса: в прагматическом, этическом, морально-практическом, правовом дискурсе. Особо подчеркнем, что во всех типах дискурса оба участника должны следовать этике дискурса, что позволит достичь консенсуса. На

этом основании мы можем говорить о возможности продвижения процессов демократизации и развития демократических структур в обществе.

Демократическим структурам общества часто присущи противоречивость, хрупкость, уязвимость, что связано со спонтанным процессом формирования и самоопределения «общественности». Этому процессу может угрожать опасность проникновения в ее структуры и процессы эгоистических, индивидуальных и групповых интересов. Вторая опасность угрожает «общественности» со стороны бюрократического государства, которое стремится прибрать к рукам и использовать ее себе во благо.

Спонтанность общественности детерминирует ее нерешительность, недостаточную сплоченность, или ситуацию, когда индивидуальные и групповые интересы будут преобладать. Чтобы противостоять этим опасностям, необходимо постоянное обновление структур «общественности», появление широких неформальных движений, постоянная самокритика демократии, что будет самым действенным средством ее развития [25, с. 3].

Обновление общественности связано со способностями общества к социальной коммуникации, степень развития которой зависит от того, как общество понимает и оценивает самое себя. Анализ социальной действительности позволил высветить новые формы социальной интеграции, и, прежде всего, политической коммуникации, которая происходит в правовом дискурсе.

Общество выступает как коммуникативное там, где торжествует открытость, демократичность, критичность. Эти ценности основываются на утверждении коммуникативной рациональности общества, которая, в свою очередь, является условием развития форм демократии [22, с. 7–20].

История развития европейской цивилизации свидетельствует, что рациональность и демократия являются ее основными ценностями. Смена типов рациональности является закономерным социальным процессом. Демократия зародилась на основе рациональности, которая изменялась в связи

с трансформациями мировоззренческой парадигмы европейского общества. Изменяются типы рациональности – это влечет за собой необходимость изменения типа демократии. Анализируя генезис рациональности, мы тем самым можем исследовать перспективы эволюции демократии.

На наш взгляд, смена в европейском мировоззрении монологического типа рациональности коммуникативной рациональностью может создать прочные основания для перехода к новой модели демократии – коммуникативной. Опыт демократического развития человечества доказывает, что государственная власть («система») как разумный орган, может обеспечивать стабильность в обществе.

Социальный опыт убеждает нас, что и сама общественность может и должна принимать активное участие в решении социальных вопросов. Функции общественности специализируются на производстве и распространении практических убеждений. Они должны служить тому, чтобы открывать значимые для всего общества темы. Способ и средство решения этой проблемы – социальная коммуникация.

Взаимодействие общественности с государственной властью происходит на основе выработки положительных общезначимых ценностей, в основе которых лежит идея общего блага [193, с. 35–50]. Проблема общего блага в различных моделях демократии поднималась в работах ряда исследователей [194–201]. Прежние легалистские и структурно-функциональные модели институтов демократии основывались на теории рационального выбора между политическими кампаниями и рациональными гражданами, каждый из которых преследует собственный интерес.

Идея рациональности выбора основывается на стремлении избирателя, политического деятеля получить больший результат при меньших затратах [207, с. 42–53]. Такое поведение является предсказуемым, включает упорядочение имеющихся предпочтений и их взвешивание в процессе политического обмена. При таком подходе политика рассматривается в виде рынка, где происходит конкурентная борьба

ба и взаимный обмен с целью получения наиболее выгодного результата.

Современные модели демократии включают в себя три позиции, которые исходят из аксиологических основ демократии, в частности, проблемы общего блага [205]. Согласно одной из них, демократия зарождается и развивается на базе определенных ценностей. Такая точка зрения утверждает, что при любой форме демократии действия отдельных людей, социальных групп, а также институтов власти должны быть направлены на достижение общего блага и согласовываться при этом с определенными ценностными и моральными нормами.

Согласно Аристотелю, это такие гражданские добродетели, как лояльность закону и государству, участие в общественной жизни. По мнению философов эпохи Просвещения, главной добродетелью государства и его граждан является законность в обществе [186, с. 57].

Приверженцы другой позиции убеждены, что демократия есть форма политической жизни общества, созданная совокупностью определенных, избранных людьми властей и их институтов, провозгласивших, что демократия существует как некая целостность. Ни одна отдельно взятая ветвь власти не может заменить собой другую, ибо отсутствие любой из них делает невозможным создание и существование демократии. В связи с этим большое значение приобретают процедуры, благодаря которым граждане могут избирать власти на демократической основе, определять рамки деятельности властей, а также контролировать эту деятельность. Эти процедуры в рамках демократии делают возможным достижение согласия при наличии противоречий между различными личностными и групповыми интересами.

В демократии процедурного типа возможно достижение консенсуса в наиболее важных делах, касающихся всех граждан. В данной модели демократии общие цели формулируются снизу отдельными группами и окончательно закрепляются в конституции. Достижение согласия при расхождении отдельных интересов людей возможно в демократическом госу-

дарстве только в рамках государственных институтов и закона, которые должны стоять на страже прав личности [138].

Концепция процедурной демократии не лишена противоречий. Первое из них связано с тем положением, что решение о содержании общего согласия на достижение определенных целей и разделе благ принимают коллективные деятели или политические партии. Их могут заменить хорошо организованные группы, отстаивающие профессиональные интересы, или поддерживающие социальные утопии [101]. Но при этом может отсутствовать гарантия того, что в итоге будут отражены интересы других людей, представителей иных общественных групп, не принимающих участия в данной политической игре.

В такой ситуации возникает «демократия аукциона». В ней меньшинство парадоксальным образом предопределяет судьбу большинства, а, следовательно, получает вполне реальные материальные выгоды, которых лишены другие граждане. Это явление получило название «железного треугольника», стороны которого или соответствующие общественные силы удерживают «тиранию status quo» и не допускают перемен, способных нарушить сложившееся в данном треугольнике соотношение сторон. Эти силы стараются использовать полезные для самих себя законные и институциональные процедуры, жестко соблюдая при этом собственные интересы [186, с. 60].

Второе противоречие процедурной демократии состоит в наличии трех сил, которые сдерживают проникновение общественности в политическую сферу, и всячески ограничивают ее возможности во взаимодействии с властью и государственными учреждениями (рис. 2).

Именно силы, составляющие треугольник, стараются блокировать социальные реформы или соглашаются на половинчатые изменения при условии сохранения «опекающего» государства. В такой ситуации не может быть речи ни о достижении консенсуса в общественных делах, ни тем более об общем благе.

Третье противоречие процедурной модели демократии состоит в том, что в ней понятия общего блага заменяется

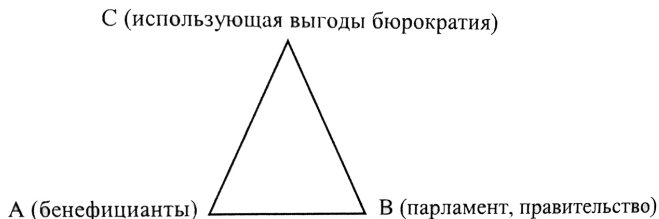

Рис. 2. Схема модели «аукционная демократия» или «железный треугольник»

терминами «консенсус», «общая цель». При этом происходит подмена понятий [184]. В понятии общего блага содержится лишь аксиологический смысл, и не признается материальное содержание. Таким образом, общее благо становится абстрактным понятием. Но история развития демократических институтов показывает, что в основе этих групповых и индивидуальных процедур лежат материальные цели.

Людей объединяют именно дела, а не различия в интересах. То, что является четко обозначенной материальной целью, согласованной в установленных процедурных рамках способов достижения общественного консенсуса, чаще всего будет совпадать с целью либо целями большинства, т. е. хорошо организованных партий и групп и мощных финансовых организаций.

Политический и экономический перевес этих групп ограничен в рамках демократии законом, учитывающим права отдельно взятых людей. Однако эти права могут ограничиваться при демократии, в которой решения принимает более сильное большинство, а порой и более сильное меньшинство из числа представленных в треугольнике сил, сумевшее протолкнуть свои требования через парламент и министерские кабинеты. Экономическое господство финансовых и производственных корпораций в постиндустриальном обществе оказывает сильное влияние на политику.

Процедурный тип демократии нельзя принять как единственный. Он не гарантирует достижение консенсуса в рамках общих целей, которые служили бы на благо всех граждан в условиях демократии [205].

Противоречия второй модели демократии преодолеваются в концепции делиберативной демократии немецкого философа **Ю. Хабермаса**. Исследователь анализирует состояние постмодернистского общества, где признается существование различных ценностей [100; 212]. И если в прежние времена ценности являлись предметом этического дискурса, то в настоящее время люди либо утратили многие гражданские добродетели, либо попросту отказались от них [128; 129]. Ряд исследователей возражают против теоретических моделей демократической развития, которые направлены на выработку институциональных форм реализации ценностей. Действия демократических институтов, должны быть направлены, по их мнению, на искоренение конкретного зла, нужды, существующей «здесь и сейчас» [37].

В третьей модели демократии определение ценностных категорий и норм отдается политической общественности. Она находит способы их воплощения через взаимодействие с органами власти, утверждая принцип более рационального развития демократии [175]. Однако, как известно, законы, регламентирующие общественную деятельность, не гарантируют незыблемости демократии [206]. Демократия должна быть «пропитана человеческим духом» [160].

Выявление аксиологического аспекта в таком типе демократии позволит нам говорить о «внутренней моральной природе демократии». Благодаря ее формированию образуется духовная общность людей как основа политической коммуникации и формирования нового типа демократии. Эта модель демократии базируется на утверждении о способности политической власти выверить ценности и понятия общего блага. Процедура эта является политической коммуникацией, формой которой выступает правовой дискурс. В свете этого процесса общество может быть определено как коммуникативное.

Существование в обществе общепризнанной и определенной идеи общего блага не исключает ни консенсуса в важных для большинства или меньшинства делах, ни игры интересов отдельных групп. Содержание общего блага вклю-

чает в себя как аксиологические, так и материальные аспекты. Понятие блага в аксиологическом смысле предполагает, что каждый человек и все общество в целом являются ценностями. Необходимо подчеркнуть, что сама демократия непременно входит в понятие общего блага, как и все ее институты, включая право и процедуры поисков консенсуса при достижении общих целей.

Исторический опыт подсказывает нам, что демократия без гуманистических и моральных ценностей легко превращается в тиранию либо большинства, либо меньшинства. Обе группировки выдают свои узкие интересы за общенародные и принуждают менее влиятельные группы к их реализации. Определение конкретных материальных и духовных ценностей, которые будут предпочтительны для многих, представлены в двух моделях общества: «открытой» и «закрытой» [98; 111; 191].

В «открытом обществе» основной ценностью является свобода человека [36, с.218], где власть критического разума соседствует с уважением к закону, с толерантностью и плюрализмом [95].

В такой модели общества наиважнейшей проблемой является самоорганизация социального субъекта [40]. Коммуникация индивидов и коллективных субъектов в открытом обществе основывается на признании суверенности личности, способной к объединению с другими. Свобода и способность суждения субъекта являются условиями его политической активности [187, с. 65]. Однако нужно констатировать, что поиски человечеством и науками единой дороги, ведущей к открытому обществу, безрезультатны, ибо у каждой страны свой путь, который можно лишь ориентировать в этом направлении, отправляясь от фактически существующего положения дел, национальной истории и культуры.

Демократия может способствовать сохранению свободы, но она не может создавать свободу там, где граждане не нуждаются в свободе», ибо только привыкшие к свободе население может поддерживать жизнь институтов свободы. Социальная жизнь, как сложная система, основана на принципах

запрета, регулирующих поведение людей ради жизнеспособности и нормальности жизни человеческого сообщества, и составляющих условия ее роста. Нет сомнения, что человек изначально свободен. Но необходимо всегда помнить о парадоксе свободы, когда «свободный человек может использовать свою абсолютную свободу для поправки сначала законов, а потом и самой свободы, потребовав власти тирана» [36, с. 163]. Следует отметить, что необходимо такое ограничение свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом [37, с. 145].

Несомненно, что без рационально сформулированных оснований ограничения и утверждения тех или иных правовых норм невозможно построить разумную систему организации жизни. Способность формулировать запреты напрямую связана со степенью открытости общества. Степень открытости общества оказывается возможной только в условиях господства критического мышления в противоположность традиционному и догматическому менталитету [188–190]. Господство критического мышления неразрывно связано с признанием несовершенства нашего понимания, неизбежных ошибок в наших программах и проектах [192]. «Открытое общество» берет за образец понимания рациональную науку, осознавая ее возможности и пределы, и потому может оказаться в ситуации, когда монологичность научной рациональности не позволит утверждать плюрализм в открытом обществе [133].

Специфика социальной действительности в России, ПМР напоминает гибрид «открытого» и «закрытого» общества [182], где переплетаются демократические свободы и авторитарность [187, с. 62–64], нарождающийся капитализм и социалистическое прошлое [193, с. 42]. Открытое общество в постсоветских государствах нуждается в наличии слоя профессиональных политиков, проверенных в ходе избирательных кампаний и общественности, готовой к политической коммуникации с властью. Но никакие структурные и институциональные изменения сами по себе не могут создать открытое общество. Решающие перемены должны произойти в области политической культуры людей.

Политическую культуру в современном обществе нельзя создать административным путем. Она зарождается в демократической повседневной жизни на основе коммуникативной культуры. Коммуникативная культура выступает как символическая, ценностно-нормативная система, которая направляет и регулирует деятельность, определяя формы их поведения [177, с. 11]. Выступая как способ функционирования ценностей, коммуникативная культура формируется во взаимодействии людей на основе уважения человека и терпимости к нему [22, с. 76]. Эти условия создают основу для дальнейшей демократизации процессов формирования мнений и воли общественности.

В России и ПМР уже имеется опыт общественности доводить общественное мнение до власти через средства массовой информации, объединения по интересам. Но важно отметить, что общественным институтам всегда требуется легитимация – оправдание и узаконение данного социального порядка, действий лиц и социальных институтов. Только в этом случае возможна эффективная социальная коммуникация. И поэтому в обществе коллективно нужно поддерживать приоритет институциональных представлений.

Коммуникативная власть общественности обязательно должна принять облик определенного института образования мнений и воли. Это необходимо, прежде всего, потому, что ответственность за решения, последствия которых могут быть самыми разнообразными, должны нести определенные общественные институты, опирающиеся на политическую культуру людей, привыкших к политической свободе, которая стала повседневной привычкой людей. Большую роль в формировании политической культуры в современных условиях играет институциализация общественного мнения.

Возможность демократизации процессов формирования мнений и воли общественности обеспечивается наличием негосударственных институтов общественности. Формирование мнений и воли общественности косвенно может регулироваться необходимостью создания системы новых норм и ценностей. Поэтому так важно для политической культуры и

политического сознания приднестровского общества умение переработать положительный опыт демократии Запада.

Насколько сегодня различные общественные объединения и движения, организации легитимно способствуют разумному формированию коллективной воли? Расширить их возможности можно было бы, создав новые институты ответственности, новые формы коммуникации, которые пронизывают все сферы социальной реальности, и дополнить их права легитимно оценивать действия исполнительной власти, включая органы юстиции.

Но не менее важной, по нашему мнению, является проблема сохранения автономности уже существующих институтов общественности. Решение проблемы нами видится в совершенствовании институтов общественности. Основное внимание нужно уделить формированию общественности и ее способности производить коммуникативную власть. Возникновение коммуникативной власти возможно при условии, когда решения большинства образуются дискурсивно [28, с. 176].

Анализ развития общества в начале XXI века показал рост общественности и ее саморегулирующего и контролирующего начала [19] в направлении его коммуникативности. Развитие этой тенденции в 20-е годы XXI века осуществляется в ситуации, когда кардинально изменились отношения между властью и общественностью. Нам не безразлично, что в современном обществе общественность выступает третьей силой, которая отражает и защищает интересы индивида. Однако у общественности имеется и другая примечательная способность: опираясь на новый тип рациональности, она может быть посредником между властью и индивидом.

Немаловажно и то, что общественность уже имеет опыт выявления и определения ценностей и норм, актуальных и значимых в функционировании социума. Думается, что такая ситуация создает условия для развития демократии, так как предлагает дискурс по вопросу нормативности ценностей. «Гибкая» рациональность общественности, по нашему мнению, может создавать основы для социальной комму-

никации и интеграции общества и власти. Такой консенсус власти и общественности на основе взаимопонимания и взаимодействия необходим. Общественность выступает как общность не только ассоциированная, но и способная создавать различные негосударственные институты, в основе функционирования которых находится социальная коммуникация.

Обязательным условием социальной коммуникации становится наличие в обществе высокой культуры общения и политической активности, демократии участия. Механизм успешной социальной коммуникации связан с национальным менталитетом, традициями и практикой взаимодействия общества и власти. Несомненно, что и современные информационные технологии, распространение массовой культуры серьезно меняют отработанные в отдельном обществе пути и способы социальной коммуникации.

Думается, что эволюция общества в лице трех его основных структур (жизненного мира, системы и общественности) в направлении интеграции и консолидации является перспективной. Таким образом, модель коммуникативного общества с ее верой в то, что трансформация общественности и типа демократии будет приближена через дискурс к реальности современного бытия общества, видится нам плодотворной.

Новые возможности социальной коммуникации общественности и власти не возникают извне сами по себе, они предполагают эффективное функционирование гражданского общества и правового государства. Поэтому эта модель есть некий этап в эволюции общества, вбирающий в себя положительные результаты построения, как гражданского общества, так и правового государства.

3.2. Эволюция гражданского общества и правового государства – важнейшие элементы современного демократического общества

Социальная коммуникация как форма взаимодействия людей по выработке общезначимых ценностей, норм и достижению консенсуса, стабильности может быть успешной, если она опирается на развитое гражданское общество и сильное правовое государство. Как ступени развития общественности и власти, гражданское общество и правовое государство прошли ряд этапов развития. Поэтому, на наш взгляд, следует остановиться на теоретической разработке понятия «гражданское общество» и «правовое государство».

Понятие «гражданское общество» встречается в XVI веке в комментариях к «Политике» Аристотеля, детально оно разрабатывается в XVII–XIX вв. [148, с. 228]. Суть гражданского общества – это общественный договор, по которому сами граждане добровольно соглашаются делегировать часть своих исконных прав государству. Опыт создания гражданского общества относится к XVIII веку, когда в ряде стран Европы начинает зарождаться этот процесс. Развитие гражданского общества приходится на XIX–XX века, однако его структура не является универсальной для европейских стран.

Теория и практика гражданского общества знает несколько соперничающих традиций. Одна из них берет начало в трудах **Д. Локка**, **И. Канта**, **А. де Токвиля**, продолжаясь в работах современных последователей классического либерализма [194]. Другая традиция, связанная с именем **Ф. Гегеля**, в середине XIX века разделилась на две самостоятельные: марксистскую и социал-демократическую традиции [195].

Перспективы развития гражданского общества напрямую зависят от процесса формирования, институционализации и легитимации общественности. Один из возможных путей преобразования гражданского общества видится в ра-

дикально-демократическом изменении процесса легитимации, в поиске нового баланса между силами общественной интеграции [140].

Солидарность, согласие являются производительной силой общественной коммуникации, что позволит общественности противостоять «насилию» управления, денег и административной власти. Социально-интегративная сила социальной коммуникации рождается взаимодействием частной жизни и социальной сферы, которые переплетены с конкретными традициями, интересами. Функционирование общественности определяет новые ракурсы в развитии и исследовании гражданского общества и государства.

Либеральные теории рассматривают государство как «ночного сторожа». Они исходят из того, что основу прогресса общества составляет активность частных лиц. Общее благо складывается из максимально возможного удовлетворения частных интересов. Сторонники либеральных теорий особо подчеркивают, что государство не должно мешать реализации частных интересов [122]. При этом получается, что государство не руководит развитием общества, которое якобы происходит чисто случайно.

На самом деле руководство осуществляется в этом случае со стороны гражданского общества [120, с. 39], в котором развитая превентивная ответственность [121, с. 19–28]. Конечно, либеральная концепция разрывает связь между обществом и государством, защищая радикальный индивидуализм, резко критикуя ограничения индивидуальной свободы во имя социального равенства и социальной справедливости [123]. Однако тоталитарная концепция государства ведет к полному отождествлению государства и общества. Негативные стороны этих двух концепций пересмотрены в концепции коммуникативного общества.

В настоящее время происходит процесс внутреннего усложнения современного гражданского общества, как общества с «самоуправляемыми структурами» [195]. В нем развиваются негосударственные институты, которые объединены элементами гражданского общества.

Негосударственные институты включают в себя легальность (институты гражданского правосознания и правозащиты), плюральность (институты автономного ассоциирования граждан) и публичность (институты коммуникации и взаимодействия граждан) [130]. Автономные локальные сообщества оказываются одним из оплотов гражданского общества. Но необходимо интегрировать эти сообщества в политическую жизнь.

Гражданское общество начала XXI века включает в себя различные негосударственные и неэкономические союзы на добровольной основе, в рамках которых формируются мнения, идеи, идеалы, ценности, мотивы, ориентации. Оно может стать действительно плюральным, эффективным и ответственным в ходе складывания общественного мнения.

Переосмысление трансформаций гражданского общества основано на признании факта, что общественность способна стать коммуникативной властью [132, Р. 153–160]. Для этого она должна научиться постоянно воспроизводить себя и коммуникативную власть через общественный дискурс, заставляя считаться с собой административную власть, так как общественность собирает совокупность доводов, игнорировать которые власть вряд ли не осмелится.

Но не только развитие институтов новой общественности создает перспективы для развития гражданского общества. Этот сложный и длительный процесс обновления государственной власти, дальнейшее развитие свободного рынка [28, с. 138], политической культуры формирования мнений. Несомненно, что и сфера частной жизни, частного интереса и частной собственности, как конструктивная и продуктивная, законодательно защищена и уже сложилась в Западной Европе. Она является неотъемлемой стороной жизни человека и демократического общества.

Процесс формирования мнений в рамках новой общественности начинается в жизненном мире, проходит через все сферы культурно-творческой жизни, через «узлы» коммуникаций людей (во многом через литературу, театр, философию) и достигает сферы политики. Управляется этот процесс

по возможности посредством аргументов общественности [22, с. 96], которая выдвигает на первый план такие общезначимые, гуманистические мотивы, ценности, как нравственное поведение, самосознание, свобода и достоинство отдельной личности.

Современное гражданское общество включает в себя два взаимодополняющих процесса. Это процессы демократии участия и гражданской активности, предпринимательства [195, с. 187]. Это сфера, где права человека твердо защищены от произвола властей и других граждан [108]. В формировании современного гражданского общества огромную роль играет уровень его взаимоотношений с государством посредством *права*. Государство осуществляет свою деятельность, руководствуясь нормами права, которое есть норма политической справедливости, ее основной признак состоит в разумной форме правления, отличающейся от деспотии. Другой аспект права состоит в том, что оно есть социальные нормы, принимающие характер границ поведения человека в рамках данной государственности [148, с. 159]. Границы поведения как запрет исходят от правового государства.

Концепция правового государства сложилась в социально-философской мысли в XVIII–XIX вв. Она устанавливает реальные гарантии прав и свобод личности. Право основывается на нравственном законе, когда человек осознает свою ответственность перед человечеством и его свободное волеизъявление не противоречит свободе других.

В современном мире реализация индивидуальных прав обусловила столкновение интересов, вследствие которого условия жизни людей приобрели правовой статус. Ранее они регулировались за счет конформизма в сферах морали и нравственности. Идея прав человека, принадлежащая каждому индивиду по его природе (разумной природе), – это идея обеспечения свободы за счет права перед лицом государственного притеснения или подавления.

В социальной философии поднимается серьезная проблема о соотношении двух типов свободы: 1) свободы «положительной» как «свободы для...»; 2) «отрицательной» – свободы от

внешнего принуждения [196, с. 49]. Свобода личности состоит в осознании и согласии принять такую жертву, сообразуясь с собственными интересами и интересами общества [203, с. 35–38]. Свободу отдельному человеку приносит только обращенность к нему других, их спрос на этого человека, его труд, его способности. Человек, не познавший пределов своей свободы и ответственности, – внеэтичен. Общество вне своих пределов и границ относительно личности – безнравственно [116].

Ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, – есть этика. Чем шире зона автономного (свободного) поведения человека, тем шире зона ответственности. В наши дни *этическое самоопределение* в смысле очерчивания предела свободы и ответственности распространяется уже практически на весь мир.

Таким образом, в настоящее время свобода рассматривается в философии и как осознанная возможность [195, с. 58–59], которая состоит в поиске компромисса между свободой человека и необходимостью, задаваемой природой и нормами общества, в проблеме регуляции этого компромисса. При этом на первое место в современном обществе выходит не свобода как многообразие, множественность вариантов действий и поступков личности [117, с. 19], а необходимость как общезначимая правовая норма [193; 199]. Механизмами коррекции социальной свободы и необходимости, таким образом, выступает как право и правовое государство, так и социальная коммуникация.

Суть современного понимания правового государства состоит не в том, что оно строится только на законопослушании или обилии законодательных актов. Суть правового государства – именно *в характере* законов, их соответствии правовой природе вещей, нравственности общества, направленности на обеспечение суверенитета личности. Еще Ф. Гегель подчеркивал, что хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность, ныне нами понимаемая как правовая экономика и различные формы собственности, есть основное условие блеска его.

В наиболее развитом виде концепция правового государства является социальной ценностью человечества, удачным сочетанием общечеловеческих и классовых интересов. Думается, исторический опыт показал, что утверждение правового государства создает условия для стабильного экономического роста, который, в конечном итоге, приводит к устойчивости демократии [200; 201].

Изменения, которые наступают в постиндустриальных обществах, связаны с наличием разных форм собственности, способов правового обоснования коллективной воли, форм взаимодействия власти и общественности. Современные социальные теории пытаются осмыслить ситуацию плюральности, фрагментарности, уникальности и универсальности в обществе [100; 101; 103]. Существенные трансформации, происходящие в жизни российского общества, его взаимодействия с властью исследованы группой ученых [105–107]. Социальное конструирование реальности требует от социальной теории [48; 112] исходить не из воли и мнений индивидов, но из процессов их формирования в дискурсе (deliberation). Эта концепция покоится на убеждении, что современный человек способен стать гражданином государства, готов к компромиссу как коммуникативному действию не только на повседневном уровне, но и на социальном уровне, где оно становится политической коммуникацией.

Нам не безразлично, при каких условиях возможно успешное функционирование правового государства. Оно базируется на взаимодействии с гражданским обществом. Только при таком взаимодействии мы можем говорить о самоорганизации общества, в котором утверждается толерантность, уважение прав политического меньшинства. Думается, что не менее важным становится установление согласия общества относительно таких базовых ценностей как права человека, право собственности, уважение чести и достоинства личности, ориентация значительной части населения на активистскую политическую культуру.

На современном этапе развития российского общества совершенствование правовой основы государственной и

общественной жизни, построение и развитие гражданского общества – важнейшие направления его демократизации. Возрастание роли общественности в разработке и регулировании правовой и других сфер общества может, по нашему мнению, осуществляться через социальную коммуникацию в процессе правового дискурса.

3.3. Правовой дискурс как основа политической коммуникации

Как видит социальная философия пути обеспечения консенсуса, социальной интеграции и солидарности в обществе? Ответом на этот вопрос может быть политическая коммуникация. Политическая коммуникация является процессом взаимодействия коллективной воли общественности, воплощенной в виде выработки социально значимых и приемлемых правовых норм, и реальной политической власти. Она является основой «демократии дискурса» или процедурного типа демократии как современной формы демократии. Субъектом реализации этой формы демократии является общественность.

Средством осуществления становится правовой или политический дискурс. Правовой дискурс в рамках групповых интересов позволит в итоге выделить общие, всеми признанные цели, нормы. Функции правового дискурса связаны со сдерживанием негативных дезинтеграционных процессов, которые возникают из-за частных интересов людей и авторитарных устремлений государства. Противостоять этим тенденциям могут новые структуры демократии, т. е. негосударственные объединения «общественности».

Свободное формирование «общественности» является принципом ее возникновения и жизнедеятельности. Но этот процесс не должен быть эпизодическим, так как обществу постоянно необходим политический консенсус, который рождается в процессе правового дискурса. Обязательным условием политического консенсуса должно служить положение

о том, что создание, распределение и потребление духовных и материальных благ ни в коем случае не должно ущемить духовных и физических интересов личности, принадлежащей к той или иной общественной группе.

Рациональность в дискурсе выступает критерием консенсуса и требует для его сохранения непрерывное развитие различных форм просвещения, культуры, социальной коммуникации граждан. Указанный критерий предполагает существование и одобрение неких ценностей. К ним относятся равноправие, свобода, справедливость, всеобщая доброжелательность, ответственность, а также моральные нормы и ценности, не противоречащие аксиологической основе понятия общего блага. Равноправие означает такое положение, при котором люди обладают одинаковым правом быть признанными объектом и субъектом общего блага.

В этой связи требуется проработка критериев и процедур распределения общих благ, решаемая властью и общественностью в политическом дискурсе. Обязательным условием участия субъекта в распределении общих благ является свобода и ответственность превентивного типа. Она рождается как в процессе обучения, так и в процессе политического дискурса, и позволяет обеспечить возможность политической активности общественности, создает условия для дальнейшего развития процедурного типа демократии.

Воспитание ответственности превентивного типа и развитие коммуникативной рациональности в обществе, на наш взгляд, позволят осуществлять политический консенсус, влиять на формирование как общественного мнения и воли, так и на механизмы реализации и контроля над властью. На этой основе возможен процесс коммуникации власти и общества.

Важным аспектом правового дискурса является необходимость определить положительные ценности [81, с. 53–54]. Современная трактовка положительных ценностей исходит из положений о ценностном плюрализме, консенсусе интересов общества и правовой нормативности.

Аксиологический подход к социальной коммуникации строится на принципе: понять человека и общество – значит

разобраться в их ценностях. Ценности – историческая данность. На протяжении длительного времени в истории философской мысли преобладало убеждение в совместимости положительных ценностей. Теоретическая несостоятельность и практическая порочность ценностного всеединства в истории человечества уже была осмыслены философской мыслью.

Концепция политической коммуникации исходит из ценностного плюрализма, который подразумевает не отказ от сравнительной оценки ценностей, а выбор между положительными ценностями. Человек и общество вынуждены выбирать между различными ценностями. В основе ценностей должно лежать понимание общего блага. Общественность может и должна интерпретировать ценности, производить на свет положительные, полезные для общества доводы и разоблачать, обесценивать отрицательные. Их реализация вызывает широчайшие изменения установок и ценностей в общественном сознании и мнении, что создает реальную почву для политической коммуникации общественности и власти.

В политической коммуникации общества ценностный плюрализм может осуществляться посредством правового дискурса. В нем участвуют, с одной стороны, государство и его институты, с другой стороны, общественность, способная оформиться в свои институты. Государство представляет нормы писаного права, которые в коммуникативном обществе еще должны получить характер всеобщего одобрения и признания в ходе политической коммуникации.

В свою очередь общественность коллективно выявляет те ценности, которые в конкретной ситуации признаются обществом общезначимыми, и выносят на суд органов власти свое стремление закрепить их в форме нормы. Такая ситуация взаимодействия обуславливает новое отношение и способы реализации ценностей, т. е. осуществляются в политической коммуникации. В ней общественный дискурс приближается к принципу «торга» интересами отдельно взятых людей и общественных групп, а также утверждения некоего всеобщего консенсуса в политике, который будет способствовать реализации данных интересов.

Следует отметить, что специально выработанные в правовом дискурсе ценности могут представлять для всех общественных групп средство убеждения. На этой основе появляется возможность мирно создать общественные институты [40], которые легитимируют общую приверженность морально обоснованным нормам, и тем самым создается основа для политической коммуникации с властью. Таким образом, политическая коммуникация может быть условием дальнейшего развития «демократии участия».

Принципы политической коммуникации могут быть реализованы при наличии в «демократии участия» условий:

- 1) прочная легитимация власти;
- 2) преодоление политической отчужденности граждан;
- 3) повышение стабильности политической системы и эффективности управления;
- 4) увеличение за счет участия многих людей интеллектуального потенциала принимаемых решений;
- 5) развитие общественной активности граждан;
- 6) предотвращение злоупотреблений власти.

Реализация этих принципов, по нашему мнению, будет способствовать превращению общества в коммуникативное общество. Но его становление осложнено наличием определенных ограничений, имеющих в этой модели «демократии участия».

Следует указать основные ограничения:

- 1) некомпетентность и эмоциональная неуравновешенность широких масс, влияющих на принятие решений;
- 2) снижение институциональной ответственности должностных лиц;
- 3) склонность к уравнительности, к ущемлению свободы за счет равенства;
- 4) сложность и дороговизна практической реализации демократических решений;
- 5) нежелание основной массы населения серьезно заниматься политикой.

Чтобы общество могло успешно развивать институты общест-венности, необходимо осознать приоритеты, идеала и

ценности дальнейшего развития общества и в какой степени их функционирование обеспечивает и дальше общественное согласие. Решается эта проблема в ходе правового дискурса.

Процесс демократизации будет широким только в том случае, когда будет учитываться отношение общества к проводимой политике. Степень исторического осознания народом ответственности за свое будущее не рождается на пустом месте, а вызревает вместе процессами демократизации повседневной и политической жизни [121]. Следует отметить, что этот процесс имеет свои сложности и противоречия. В большинстве западных обществ современный гражданский статус личности является следствием взаимопроникновения средних слоев в массы, с одной стороны, и массовых движений – с другой.

Если новые лидеры приходят к власти в результате восстания или радикального переворота, то они не являются профессионалами в сфере политики [105; 118]. Отсюда их неизбежное восприятие народа в качестве некоего единства, без учета различий слоев и групп, с часто противоречивыми желаниями и интересами. Но проблема распада, деградации общества коренится не столько в существующих институтах. Она связана с морально-психологическими качествами правящего слоя, с реальными установками политических элит, которые сформировались в предыдущую эпоху.

Социально-экономическая и культурно-психологическая база демократии, как в России, так и в Приднестровье, действительно узка. Но она не уже, чем в демократических обществах Востока. Сложившийся исторически в ПМР и России авторитарный стиль господства и управления в политической жизни конкурирует с демократическими принципами и процедурами. Все эти проблемы и противоречия осложняют политическую коммуникацию.

Политическая коммуникация предполагает наличие в обществе политической общественности. Политическая общественность включает в себя коммуникативную и административную власть. Коммуникативная власть должна быть способна в ходе дискурса с властью воплощать коллективную

волю общественности через существующие государственные структуры, системы и институты, где воля общественности приобретает характер норм права и становится регулятором поведения людей и руководством в деятельности власти и ее структур.

Коммуникативная власть есть общественное мнение и воля, формирующая нормативные установления. Она сохраняет спонтанный, не направляемый характер. Административная система традиционно действует в рамках законов, где сфера управления подчиняется собственным критериям рациональности. Ее критериями являются не практический разум, его обоснование и применение норм, а действительность, эффективность в осуществлении законодательной программы.

Но в настоящее время административная система, на наш взгляд, может действовать, переводя нормативные установления коммуникативной власти на собственный код и язык, рассматривая политические акты и законы как факторы, ограничивающие воспроизводство власти [1; 3]. Такая модель социальной коммуникации в модели коммуникативного общества названа «*deliberative democracy*» [26–29].

«Делиберативная демократия» есть демократия рационального дискурса, обсуждения, убеждения, аргументации, компромисса [28, с. 175]. С другой стороны, делиберативная демократия опирается на политическую деятельность общественности, которая рассматривает политические акты, законы и мероприятия, как нуждающиеся в нормативном обосновании [139, Р. 591–620]. Такая модель развития общества понимает его как сообщество интерпретаторов ценностей и норм и как участников их реализации. На наш взгляд, позитивность этой модели очевидна. К тому же, нам сегодня важно знать и понимать, что многие положительные ценности и правовые нормы современности принципиально несовместимы и поэтому нуждаются в правовой легитимности.

Таким образом, отношение к праву двух сил общества в делиберативной модели демократии разное. У общественности отношение к праву – нормативное, у административной

власти – инструментальное [22, с. 68–69]. В своей деятельности административная власть остается зависимой от нормативных оснований, которые присущи и коммуникативной власти. Особенно важен тот факт, что в этой модели демократии существуют эффективные и значимые для общества способы контроля и воздействия на систему. Не считаться с нормативным характером решений коммуникативной власти административная система не может, в противном случае она перестанет быть легитимной.

Нормативная общность обеих политических сил общества может способствовать процессу воздействия административной власти на политическую систему через систему контроля и выяснения предлагаемых общественным мнением оснований в ходе дискурса. Учет этих оснований должен служить для администрации посылкой для рационализации ее решений. Демократические процедуры в этом типе демократии сообразуются с правовыми нормами. Они могут вести к рациональному формированию воли только в той мере, в какой организованное формирование мнений остается открытым. В него из круга политической коммуникации свободно вступают темы, размышления и аргументы.

Сама же коммуникация в целом не может быть организованной, заранее подготовленной. Она базируется на существовании ценностей гражданского общества, которые историчны. Поэтому делиберативная модель демократии обязательно предполагает развитие гражданского общества, которое определяет необходимые для общества ценности на определенном этапе развития.

Современные политические процессы в Западной Европе имеют реального носителя идей политической коммуникации. Это различные неформальные объединения общественности, которая через СМИ и различные формы общественной деятельности способна влиять решительно на политическую ситуацию в отдельной стране, или мире. Курс на демократизацию в ПМР, Российской Федерации должен учитывать этот положительный опыт. В противном случае ни правового го-

сударства, ни гражданского общества, как важнейших элементов современной демократии, нам не построить.

В делиберативной модели демократии, как мы выяснили, гражданское общество становится коммуникативным и рационально дискурсивным. Необходимо подчеркнуть, что делиберативная модель демократии основывается на существующих в паре и взаимно дополняющих друг друга подсистемах (гражданском обществе и правовом государстве), которые вырастают из рыночного хозяйства. Реально проводить делиберативную политику государственная власть сможет лишь в том случае, если будет учитывать свободу личности. Это право общество реализует в правовом дискурсе и политической коммуникации. Проблема политического дискурса имеет прикладной характер, так как это не только проблема взаимопонимания между партиями, чья воля и интересы сталкиваются друг с другом. Это и проблема реально протекающих дискурсов и переговоров, способных в обсуждении прийти к нормативно значимому коллективному решению.

Демократические процедуры разумного формирования общественного мнения и воли в делиберативной модели демократии связаны с открытостью политической жизни и коммуникации в обществе. Открытость политических процессов в обществе еще не создает обязательных гарантий свободы, так как в свободном обществе может свирепствовать цензура: не по установлению сверху, но по привычке снизу. Однако в общественном сознании все еще господствует принцип «все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти». Думается, что именно поэтому в открытом обществе удерживаются рамки диалога и права как способа регуляции и компромисса между свободой личности и необходимостью признавать, следовать общезначимым, а потому общепринятым ценностям и нормам.

Для государств и обществ постсоветского периода ценности диалога и права, правового дискурса имеют непреходящую значимость как идеал, к которому необходимо стремиться. Но каковы методы и средства достижения этого идеала? Социальная философия ищет способы расширения

процессов демократизации. Политический плюрализм, правовое государство, гражданское общество, легитимация, открытое общество – это ясно обозначенные задачи, которые предстоит решать многим постсоветским государствам.

Прочность демократических традиций устанавливается в ходе преодоления слабых мест демократии. Они учтены и преодолены в делиберативной концепции демократии. Основным звеном этой концепции является делиберативная политика, которая включает в себя такие факторы как свободу личности, ответственность государства и общества, правовое государство, гражданское общество, коммуникативную рациональность общественности.

Говоря о позитивных сторонах этой модели, следует отметить, что она учитывает следующие моменты:

- 1) государственно-правовая сфера должна быть открытой и подвижной;
- 2) равноправие партий и объединений;
- 3) быстрое и эффективное включения тем, мнений, пересмотр результатов;
- 4) взвешенно решен вопрос о роли большинства и мнении большинства;
- 5) парламентская ответственность и корпоративность;
- 6) учет как спонтанности и нерегулированности общественности, так и наличия ее институтов.

В коммуникативных политических процессах общественность вынуждена считаться с ситуацией несовпадения, а иногда и противостояния интересов большинства и меньшинства. Соотношение этих сил является важнейшей для стабильности в обществе, состояния и перспектив правовой и политической культуры. Указанный аспект впервые учитывает концепция делиберативной демократии, основываясь на законности принципа большинства. Но большинством и его мнением в определенных условиях можно манипулировать, поэтому в этой модели демократии понимание «большинства» и истины необязательно совпадают.

Важно то, что в ней учитываются и права меньшинства, которое может оказывать символическое сопротивление,

т. е. гражданское неповиновение как ультимативное средство призыва к большинству, с тем, чтобы оно еще раз продумало принципы своего решения и по возможности пересмотрело их. Тогда меньшинство временно сможет подчиниться воле большинства.

Реально осуществить этот акт возможно в дискурсивной процедуре. Ее задача – свободная публичная конкуренция мнений, когда меньшинство сможет убедить большинство, что и позволяет осуществить демократическое волеизъявление обеих сторон, не вынуждая меньшинство отречься от своего убеждения.

Дискурсивная процедура основывается на критическом мышлении субъектов, в котором истина выступает как регулятивный принцип и ценность делиберативной политики. В современном демократическом обществе постоянно разворачивается борьба за определение и переопределение отмеченной границы истины, выраженной в правовых нормах и законах. В коммуникативном обществе поиск истины определяется развитием и организацией ценностей, воплощенных в определенных структурах и системах, и устанавливается в политической коммуникации и правовом дискурсе. Поэтому человек и общество, по мере расширения сферы знания, постоянно оказываются перед новыми проблемами познания и регуляции.

Проблемы познания и регуляции в модели коммуникативного общества требуют *критичности сознания*, которое превращает истины как многократно проверенные жизненным опытом положения в ценности, играющие роль регуляторов. Но это не просто общественные ценности, а коллективно обоснованные, аргументированные и нормативно обеспеченные в ходе политического дискурса общественности и власти.

Поэтому в проведении делиберативной политики так важен поиск новых общих систем ценностей в свете лучших аргументов [204]. Он становится жизненно необходимым для регуляции жизни общества и его консолидации на этой основе.

Политическая коммуникация предусматривает возможность сформировать механизм поддержания равновесия и согласования интересов различных социальных групп [120, с. 50]. В этом плане возникает вопрос: какой элемент политического общества нужно развивать в большей степени: государство или общество? В делиберативной модели демократии сфера действия гражданского общества неуклонно расширяется, а сфера деятельности государства все более сужается. Независимое и самостоятельное гражданское общество в этой концепции, по нашему мнению, способно формировать и осуществлять механизм рационального контроля политики, опираясь на политическую этику и правовые нормы.

Политическая этика является одним из важнейших измерений политической коммуникации, так как она обосновывает систему базовых ценностей общества, формулирует условия социального порядка. Эффективность политической этики служит важным компонентом не только стабильности демократического общества, но и основой для укрепления права и закона, легитимности политической власти, правового порядка, дальнейшего развития гражданского общества.

К политической этике готово не любое общество и не любое научное сообщество. Вместе с высокой компетентностью политическая этика предполагает гражданское мужество. Неудачи приднестровских, российских реформ во многом носят этический характер, так как можно нечетко соблюдать должностные обязанности, не вовремя выполнять договоры, не в срок выплачивать долги, утаивать истинное положение вещей, нарушать законы, условия, не платить налоги, допускать возникновение правовых и нравственных компромиссов [206].

Соотносятся ценности гражданского общества и свобода личности в этой модели через правовые нормы и социальные институты, которые учитывают плюрализм в современном обществе. Плюрализм допускает множество способов легитимации. Он не отменяет разнообразия мнений, пред-

почтений и способов поведения, если при этом уважается автономия другого. Легитимация сущностных предпосылок человеческого существования может быть обоснована и в философской этике. Место этик в философии, конкурирующих друг с другом и безнадежно борющихся за согласие, занимает право.

Права – очевидные средства иллюстрации разнообразия. Мечте об однородном обществе, которое не нуждается в правах, необходимо противопоставить модель прав, выражающих потребности различных людей и обществ. Нормы права не учитывают реального различия людей и не отражают сущности различия между людьми как факта их идентичности [163; 156]. Права не могут вобрать в себя реальное разнообразие идентичностей. Права не есть простые воплощения идентичностей. Они представляют собой политические обоснованные, обобщенные требования, выдвинутые людьми с целью защиты своих интересов. Права предполагают, что различие должно быть опосредствовано обсуждением и согласием. Обсуждение и согласие необходимы, чтобы можно было оценить противоречивые потребности в свете требований справедливости.

Воплощение политических решений ставит вопрос о процедурной справедливости. Она должна помешать политическим процессам стать самовольными. Этот механизм отражен в процедуре политической коммуникации ответственности и власти. Процедура политической коммуникации возлагает ответственность за принятые решения, как на общественность, так и на власть.

Право и правовой дискурс реализуют идеал беспристрастности в ходе коллективного обсуждения, убеждения и принятия всеми ответственного решения. Сохранить единство общества, его способность к компромиссу, как важнейшему условию прогресса и свободы, возможно лишь опираясь на силу закона и нормы права, в которых будет отражена и закреплена коллективная воля общества.

Кем и чем определяются нормы права в современном демократическом обществе? Теоретические модели пред-

лагают как один из способов социальной коммуникации – правовой дискурс [207, с. 47]. Для этого типа дискурса важна терпимость к разнообразию, защита разнообразия как различных идентичностей [24, с. 209].

Правовой дискурс рационализирует мнения и обеспечивает выполнения законодательных программ, легитимированных в демократическом процессе. Демократический процесс в модели делиберативной демократии должен включать в себя два уровня. Первый уровень образуется в повседневной коммуникации. Она возникает в автономных объединениях общественности, в добровольных ассоциациях негосударственного и неэкономического характера.

Повседневная коммуникация обладает мобильностью, открытостью для конкретных потребностей общества, но имеет недостаток – низкий уровень организации. Второй уровень включает в себя институты правового государства. Они компенсируют низкий уровень организации общественности, создавая четко оформленную структуру демократического правового государства

Нормы права, оформленные в ходе дискурса общественности, не вызывают у человека сомнений в их значимости, потому что они открыты критике. Субъект понимает, что он всегда через процедуру дискурса может оспорить их, аргументируя свою точку зрения. В правовом дискурсе критической проверке могут быть подвергнуты все существующие нормы и ценности. Таким образом, правовая норма ограничивает произвол индивидов, взаимодействующих между собой и ориентирующихся на собственные интересы. Обязывающий характер норм права обеспечивается рациональным обоснованием. Оно заслуживает свободного признания со стороны каждого члена правового общества и согласием всех членов общества, участвующих в их обсуждении и принятии. Следование закону в этом случае связано с тем, что человек «уважает закон».

Уважение закона основано на понимании, что закон справедлив, так как в нем учтены коллективная воля и мнение, моральные критерии справедливости. Таким образом,

легитимность норм права включает в себя моральное содержание [24, с. 203].

Современное право легитимирует правовое принуждение, так как оно есть результат «согласованной и объединенной воли всех». Легитимность правовых норм не означает их завершенность. Для современных демократических государств характерен процедурный тип легитимности как рационального согласия. Оно выражает механизм складывания всеобщих интересов: нормы господства должны быть приняты основной массой населения [96; 97].

Политическая система общества должна при этом для обеспечения своей легитимности предлагать государственные и социальные программы, выполнение которых подлежит контролю [138]. В обществе должны существовать веские аргументы общественности и власти относительно политического порядка, для того, чтобы он был признан как верный и справедливый [130, Р. 856]. Легитимность относится к области поддержания и сохранения социальной интеграции, нормативно определенной идентичности общества, служит тому, чтобы удовлетворить эти притязания. Без легитимности властные структуры не способны к продолжительному и эффективному функционированию, и, следовательно, сохранению стабильности и целостности общества [187, с. 61].

Из признания правовых норм на легитимность вытекает идея политической автономии граждан как участников демократического процесса. Индивиды, которым адресованы нормы, регулирующие социальную жизнь, выступают также и как их авторы. Поэтому в правовых системах современного типа частная и политическая автономия индивида совпадают. Таким образом, благодаря правовым механизмам, «производительная сила» коммуникации, порождающая общественную солидарность, оказывается условием социальной интеграции.

Правовые нормы должны быть рефлексивны по отношению к социальному порядку, непрерывно и каждый раз заново порождаться в политическом дискурсе общественности и власти. Важно помнить, что в дискурсе значимы только те

нормы действия, с которыми бы согласиться все те, на ком могли бы отразиться последствия принятия этих норм.

Обоснованность правовых норм должна выполнить две задачи: а) обеспечить возможность легитимации самих правовых норм; б) обеспечить фактическое взаимное признание гражданами прав друг друга. Нормы легитимны только тогда, когда они удовлетворяют критериям коммуникативной рациональности, т. е. заслуживают свободного признания со стороны каждого члена правового общества.

Для анализа условий политической коммуникации необходимо учитывать уровень легитимности власти [94, с. 12]. Об уровне легитимности позволяют судить следующие показатели:

- 1) уровень и интенсивность народной поддержки режима;
- 2) факт отсутствия социального взрыва в обществе переходного типа не может приниматься за легитимность режима;
- 3) отсутствие прямого государственного насилия в достаточно широких масштабах не является признаком легитимности.

Во втором десятилетии XXI века современное общество несет в себе социальную фрагментацию. Его плюралистическое, мультикультурное и мультиэтническое бытие обуславливает человеческую разобщенность, резко падает возможность подлинного и общего согласия по поводу целей и ценностей, норм общества.

Эта ситуация угрожает самим основам существования общества как разумного и деятельного, духовного сообщества. В социальной философии возникают вопросы, может ли общество быть разумным, в какой мере разумность присуща не только отдельному человеку, но и обществу в целом.

Что мы можем противопоставить этим явлениям и процессам? Дезинтеграции и индивидуализму может противостоять деятельность коллективного разума коммуникативного общества, его моральная ответственность за судьбу человека. Только через деятельность разума, который благодаря «критике» умеет дисциплинировать самого себя, общество сможет осуществить те преобразования социальных ус-

ловий своего существования, которые лучше всего послужат предназначению человека.

Задача обеспечения условий для эффективного проявления «общественного авторитета разума» отнюдь не из легких. Она будет состоять не просто в сохранении общественных условий для разумных публичных дискуссий, а во взаимном моральном признании друг друга, в уважении свободы другого, в моральной ответственности, в сохранении и развитии демократических практик и институтов.

Важнейшими из соглашений людей, которых мы должны упорно добиваться в ходе рациональных публичных дискурсов, являются те, которые касаются установления, поддержания и реформирования политических, экономических или общественных институтов и политики, с тем, чтобы они могли наиболее полно обеспечить справедливость для всех.

Таким образом, коммуникативное общество, нацеленное на развитие демократии, имеет моральную обязанность вовлекать людей во все расширяющийся круг изучения и обсуждения ситуации в обществе, мире, чтобы найти и построить мир смыслов и ценностей, который был бы для нас общим, стал прочной и добровольной основой для совместной жизни в условиях свободы.

Зародышем этой модели общества является общественность, ее негосударственные институты. Необходимость следования этой модели развития и организации общества вызвана закономерностями и противоречиями социального развития и его перспективами. В социальной философии и общественной практике современного общества возникает сомнение в том, может ли быть рационально детерминирован путь развития человечества?

Необходимо определиться в том, что мы понимаем под разумностью человека, общества. Не менее важным вопросом становится выяснение направленности изменения типа рациональности: к увеличению или уменьшению ответственности человека и общества за поступки и действия она ориентирована? Имеются ли в современном обществе

ценности, обеспечивающие дальнейшее развитие разумности?

Высшей формой социальной коммуникации может стать правовой дискурс, задачей которого является постановка и коллективное решение важнейших вопросов жизни общества. Важно подчеркнуть специфику политического дискурса: в нем коллективному разуму приходится законодательствовать, т. е. определять нормы и ответственность людей в коллективном обсуждении их значимости, так как интерпретацией законов, норм уже нельзя ограничиваться.

Концепция социальной коммуникации видит ответ в опыте дальнейшего развития дискурса демократии, правового государства, гражданского общества, которые составляют фундамент для появления и функционирования новой общественной силы – коммуникативного общества.

Своим основанием коммуникативное общество имеет новую мировоззренческую парадигму – коммуникативную рациональность. Функции коммуникативного общества направлены на распространение практических убеждений, последние же в правовом дискурсе аргументируются как значимые для всего общества ценности и нормы.

Перспективы развития коммуникативного общества связаны в первую очередь с процессами институционализации и легитимации «общественности», которая способна стать коммуникативной властью в процессе политической коммуникации с властью. Коммуникативная власть, по нашему мнению, должна принимать облик определенного института образования мнений и воли, который будет нести ответственность за решения.

Модель коммуникативного общества опирается на возросший потенциал общественности и ее возможности политической коммуникации и дискурса с властью, что создает условия для появления нового типа современной демократии – делиберативной демократии. Она есть политическая система, где сфера действия гражданского общества неуклонно расширяется, а сфера деятельности правового государства все более сужается «демократией участия».

В концепции политической коммуникации участники правового дискурса исходят из принципов толерантности, уважения прав политического меньшинства, дискурсивного обоснования и, таким образом, консенсуса общества относительно норм и ценностей, политической культуры. Следует подчеркнуть, что эффективность политической коммуникации во многом зависит от уровня развития политической этики в правовом государстве. Степень развития политической этики влияет, несомненно, на создание механизма общественного доверия, обеспечивает стабильное функционирование социальной системы.

Одним из важнейших измерений социальной коммуникации является именно институциональная этика. Она позволяет общественности как сообществу интерпретаторов в дискурсе, опираясь на принцип аргументированности, коллективно обосновывать общезначимую систему базовых ценностей общества и правовых норм, формулировать модели социального порядка, отвечающего этим ценностям.

В модели политической коммуникации ценности играют роль регуляторов, как коллективно обоснованные, аргументированные и нормативно обеспеченные в ходе политического дискурса общественности и власти, которые могут быть определены как политическую общественность. Общественность легитимирует себя в негосударственных институтах, опираясь на законы, на политическую культуру и высокую гражданскую активность общества. На первом этапе политической коммуникации общественность вырабатывает правовые нормы. На втором этапе правовые нормы рассматриваются органами власти на уровне парламента.

Политическая коммуникация осуществляется в процессе правового дискурса общественности и административной власти, что позволяет коммуникативному обществу стать гарантом предотвращения жесткого контроля государства и большинства над обществом и его меньшинством. Правовой дискурс сдерживает негативное влияние частных интересов и авторитарные устремления государства. Он базируется на

рациональности мышления участников дискурса, коллективной воли общественности в обосновании и применении правовых норм.

Правовой дискурс вырабатывает ответственный подход как субъекта к деятельности, так власти политическую общественность, в реализации принятых решений и легитимных норм.

Основанием легитимности норм может быть доверие общества к власти, опирающейся на законы. Поэтому необходимость существования сильного правового государства как основы коммуникативного общества есть закон, требующий постоянного обоснования легитимности власти.

В современном обществе существует многообразие ценностей и норм, интересов и целей. Коллективная воля членов общества имеет реальные возможности воздействовать на его участников, ориентируя их на такие коллективные ценности-регуляторы, как истина, справедливость, легитимность. Плюрализм в коммуникативном обществе допускает множество способов легитимации. Правовые нормы легитимны в процессе политического дискурса власти и общественности.

В политической коммуникации общественность обсуждает и коллективно вырабатывают моральное содержание нормы, соотносит их с мнением и волей участников дискурса и существующей правовой нормой, тем самым создавая условия для дальнейшего развития демократии, как непреходящей ценности общества.

Политическая коммуникация предполагают высокий уровень правовой и политической культуры, развитое гражданское общество, наличие институтов общественности, навыки диалога. Политическая культура людей рождается в обществе, имеющем опыт демократического становления и привыкшем к политической свободе. Она позволяет радикально изменить процесс легитимации в направлении поиска нового баланса между силами общественной интеграции, что позволит общественности противостоять «насилию» управления, денег и административной власти. Таким об-

разом, политическая коммуникация создает основания для эволюции демократии, которая, в свою очередь, является обязательным атрибутом в продвижении общества по пути прогресса. В этом случае мы можем констатировать состояние общества как коммуникативное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная европейская цивилизация включает общества, которые несут в себе социальную фрагментацию. Плюралистическое, противоречивое и разновекторное бытие европейского социума обуславливает человеческую разобщенность. Резко падает возможность подлинного и общего согласия по поводу целей общества. Эта ситуация угрожает самим основам существования общества как разумного и деятельного, духовного сообщества.

В социальной философии возникают вопросы, может ли общество быть разумным, в какой мере разумность присуща не только отдельному человеку, но и обществу в целом. Что мы можем противопоставить этим явлениям и процессам, что ответить на этот вопрос? Дезинтеграции и индивидуализму сможет противостоять деятельность коллективного разума коммуникативного общества, его моральная ответственность за судьбу человека.

Главным способом обеспечения солидарности является культура человеческих отношений, цивилизованный способ общения. «Стратегия выживания» современного общества связана с социальной коммуникацией и коммуникативной культурой. В основе социальной коммуникации как процесса взаимопонимания и взаимодействия находится рациональность. В прежние века в европейском мышлении существовала идеи перспективы и прогресса, связанные с доминированием научной рациональности как монологичной и монополизировавшей истину. В настоящее время мы не можем, полагаясь только на нее, строить социальные модели будущего.

Спасти человечество может его собственный разум, обновленное социальное мышление, в основе которого лежит коммуникативная (дискурсивная) рациональность. Она есть основа и условие эволюции общества в направлении коммуникативного. Переосмысление истории рациональности позволило утверждать, что она является мировоззренческой основой западноевропейской демократии. Изменение типа социальной реальности в Западной Европе влекло за собой с необходимостью и изменение его ментальной основы. В основе эволюции европейского мировоззрения лежит изменение типов рациональности.

С развитием типа общества в западной цивилизации изменялась и рациональность. Она стала фундаментом своеобразного типа европейской культуры и демократии в эпоху Модерна. На основе рациональности возникли и совершенствовались институты западной демократии. Изменение типа рациональности приводило к изменению типа демократии.

В истории развития рациональности выделяют онтологический, гносеологический и этический тип рациональности. Современные философские подходы выделяют классическую (монологическую) и коммуникативную (дискурсивную) рациональность, которая требует ее выведения из социокультурных условий жизни людей. Социокультурное понимание рациональности предполагает подход к ней как к ценности, а не как к априорной характеристике человеческого сознания. Такое понимание ставит рациональность в круг общественно принятых ценностей и предполагает их сопоставление.

Серьезные изменения в обществе, произошедшие в XX веке, требовали перехода к новой мировоззренческой парадигме. Научная рациональность сменяется коммуникативной рациональностью. Специфика коммуникативной рациональности заключается в том, она рассматривает познание как взаимодействие между знанием и пониманием, наложение различных ракурсов в совокупности интерпретаций. При этом ценность каждого человека, его понимание истины должно сохраняться.

Социальная коммуникация, опирающаяся на коммуникативную рациональность, направлена не на управление, а на взаимное понимание. В различных направлениях современной социальной философии коммуникация рассматривается как социально-культурный феномен. Сущность этого феномена заключается в том, что коммуникация как способ существования, является основой сознания, познания и совместного бытия, и предполагает, таким образом «идеальную коммуникативную общность». Существованию последней предшествует принцип «априорности коммуникации».

Каждый коммуникативный акт человека (а вне коммуникации человек не существует осознанно) еще до реального осуществления (*a priori*) уже предполагает коммуникативность. Таким образом, субъект всегда нацелен на взаимопонимание, взаимную открытость по отношению к другим субъектам («коммуникативная общность»), всегда «трансцендентально направлен» на принятие всех возможных контраргументов («контрфактическое суждение»), на равенство реального или потенциальных собеседников.

Социальная философия подходит к сущности социальной коммуникации и как к социально-политическому феномену. Такой подход, по мнению автора, является наиболее продуктивным и перспективным в контексте поиска новых рекомендаций и моделей развития общества.

Важно отметить, что в политической коммуникации субъектов и институтов общественности взаимное понимание включает в себя проблему соизмерения и соотнесения различных систем координат, соотношений истин.

В теории социальной коммуникации истина рассматривается как регулятивный принцип и как ценность. Достижение истины обеспечивает возможность консенсуса различных интересов, ценностей, устремлений людей и социальных институтов. Она определяет приоритет смысла существования человечества над частными целями, общекультурных ценностей над техническими, экономическими и политическими средствами их обеспечения, социальную ответственность науки и политики за последствия своей деятельности

перед человечеством. Тем самым она создает объективные условия для развития и совершенствования институтов демократии.

Социальная коммуникация подразумевает проблему выбора, определение критериев, арсенала средств, обеспечивающих свободу и формирующих человека как личность, способную к рационально обоснованному действию, и, прежде всего, в выборе идеала. Содержание социальной коммуникации состоит в том, что она есть процесс коллективного обсуждения, аргументации и консенсуса воли и мнений общественности.

Коллективным взаимодействием разумов основывается на понимании, которое выступает как сложное (рефлексивное, возвратное) социальное действие. Социальное действие есть смысловое действие. Оно содержит конвенциональные нормы условий и порядка их реализации. Тем самым действие становится доступным для воспроизводства и понимания разумом других людей.

Важнейшими признаками социальной коммуникации являются интерсубъективность и интенциональность. Ее задача состоит в формировании коллективного решения, которое есть синтез общезначимой истины (необходимости) и воли, интересов участников обсуждения. Общезначимая истина включает в себя морально-этические ценности, строится на принципах рациональности и свободы индивида. Способом получения истины является аргументация и обоснование. Она обеспечивает возможность согласия и взаимодействие людей в обществе. Таким образом, истина (как необходимость, значимость) выступает как регулятивный принцип и как ценность.

Согласие в процессе коммуникации субъектов, институтов общественности и власти достигается в ходе различных видов дискурса. Дискурс строится на принципах аргументации, имеет ряд условий и по-новому подходит к роли субъекта, смыслу и тематизации проблем. Итогом социальной коммуникации выступает коллективное решение, которое, по мнению автора, можно рассматривать как справедливое, так

как по правилам дискурса оно значимо для всех участников обсуждения. Таким образом, достижение истины в коммуникации связано с культурным и социальным контекстом, личным опытом и перепониманием конкретной ситуации.

Социальная коммуникация помогает обществу стремиться к совместным решениям всех проблем современности, а значит, обеспечивает основу для его демократического развития. В современном обществе кардинально изменились отношения между властью и общественностью. Общественность выступает как общность не только ассоциированная, но и способная создавать различные негосударственные институты, в основе функционирования которых находится социальная коммуникация.

Социальная коммуникация понимается как новая интегративная сила общества. В основе интегративных процессов в обществе могут лежать способности общественности к консенсусу, дискурсу, коллективному получению нормативной истины. Дискурс диалогичен и обеспечивает полилог культур, субкультур. Тем самым он позволяет сообществу интерпретаторов прийти к согласию, устранить дезинтеграционные процессы в обществе. Наличие таких способностей у общественности позволяет создать новую модель дальнейшего развития демократических процессов в современном обществе, оптимистично смотреть в будущее.

Социальная коммуникация строится на признании коммуникативной природы социального взаимодействия. Социальное взаимодействие осуществляется с помощью речи в таких формах, как коммуникативное действие (интеракция) и дискурсивное взаимодействие (дискурс). Огромное значение в процессе взаимодействия приобретает выяснение смысла и значения фактов, знаний, норм, ценностей, настроений, устремлений; культура дискурса и соблюдение правил дискурса. Необходимым условием и основой дискурса как механизма социальной коммуникации является понимание.

Оно выступает как основа их совместного постижения и интерпретации мира, а значит, и коллективного взаимодействия, коммуникации. Понимание основывается на опыте

осмысления, обсуждения, аргументации идей, интересов, целей, идеалов, норм. Чтобы обеспечить понимание между людьми в обществе, необходимо исходить из разных уровней коммуникации: межличностного и социального.

Коммуникация предполагают субъект – объектные связи и отношения, свободу, равноправие и идентичность участников дискурса. Отношения участников дискурса строятся на речевом взаимодействии, которое происходит в процессе выяснении смысла и значения текста, информации. Итогом речевого взаимодействия может быть консенсус, истинный или ложный. Обществу необходим именно истинный консенсус, поскольку он позволяет в условиях плюрализма идей и ценностей создать единую платформу согласия. Истинный консенсус есть результат обсуждения и убеждения, направленный на получение истины как общезначимой, нормативной и регулятивной ценности и нормы.

Способы и цели получения истины могут осуществляться в трех типах дискурса: прагматическом, этическом и морально-практическом. Практический разум в этих типах дискурса рассматривает реальность в аспектах целесообразного, доброго и справедливого. Итогом всех типов дискурса в гносеологическом плане является формирование истины.

Сущность истины понимается не только в формально логической правильности (рациональности), но и в возможности соответствовать критериям значимости для всех участников дискурса. Значимость истины связана с морально-практическим обоснованием и убеждением всех участвующих в дискурсе в ее ценности, уместности в данной конкретной ситуации. Наиболее эффективно эту задачу решает морально-практический тип дискурса.

В психологическом плане условием и итогом всех типов дискурса является доверие, уважение к личности другого, умение считаться с его мнением, солидарность как готовность совместно воплощать то, что явилось результатом коллективного обсуждения и воли.

Важным элементом дискурса является обоснование этики ответственности, которая строится на новом понимании

справедливости и ответственности. Теперь справедливость определяется только через аргументацию, которая включает рефлексию самих норм, когда приходится учитывать позиции меньшинства в дискурсе.

Все типы дискурса требуют соблюдения определенных условий дискуссии; роль субъекта в каждом из них различна. В связи с этим типы дискурса подразделяют на дискурсы обоснования (прагматический и этический дискурс) и дискурсы применения (морально-практический). Особенно важны в активной деятельности коммуникативного общества дискурсы применения. Именно в них возникает возможность обосновать этику, как согласованную практику социальной деятельности, и, прежде всего, политической деятельности.

Высшей формой социальной коммуникации может стать политический дискурс, задачей которого является постановка и коллективное решение важнейших вопросов жизни общества. Специфика политического дискурса определяется тем, что в нем коллективному разуму приходится законодательствовать, т. е. определять нормы и ответственность людей в коллективном обсуждении их значимости, так как интерпретацией законов, норм уже нельзя ограничиваться. Коллективная воля или этика согласия в этом типе дискурса оформляется в общезначимую истину как дискурсивную правовую норму, т. е. становится этикой ответственности.

Важнейшими задачами политической коммуникации являются установление, поддержание и реформирование политических, экономических или общественных институтов и политики, с тем, чтобы они могли наиболее полно обеспечить справедливость для всех.

Перспективы политической коммуникации связаны с процессами институционализации и легитимации «ответственности», которая способна стать коммуникативной властью. Коммуникативная власть обязательно должна принять облик определенного института образования мнений и воли, который будет принимать ответственность за решения.

Современное общество может и должно опираться на возросший потенциал общественности и ее возможности

политической коммуникации и дискурса с властью, что создает условия для появления нового типа современной демократии – делиберативной демократии. Она есть политическая система, где сфера действия гражданского общества неуклонно расширяется, а сфера деятельности государства все более сужается.

Важным элементом политической коммуникации общественности и власти является политическая этика, которая создает механизм общественного доверия, обеспечивает стабильное функционирование социальной системы. Именно общественность, институционально консолидированная, может сформировать этику, как систему базовых ценностей общества, представить социальный порядок, отвечающий этим ценностям.

Институциональная общественность, взаимодействуя с властью, может постепенно взять в свои руки и демократизировать многие функции государства. Тем самым может быть расширен круг индивидов, участвующих в демократических процессах через институционализацию общественного мнения и социальные институты, которым всегда требуется легитимация, т. е. оправдание и узаконение данного социального порядка.

Общественность легитимирует себя в негосударственных институтах, опираясь на законы, на политическую культуру и высокую гражданскую активность общества. На первом этапе политической коммуникации общественность вырабатывает правовые нормы. На втором этапе правовые нормы рассматриваются органами власти на уровне парламента.

Политическая коммуникация является процессом дискурса общественности, которая приобретает институциональный характер, и государственной власти. Она направлена на обеспечение политического консенсуса и сдерживание негативного влияния частных интересов и авторитарных устремлений государства. Дискурс вырабатывает ответственный подход как субъекта к деятельности, так власти в реализации принятых решений и легитимных норм.

Основанием легитимности норм может быть доверие общества к власти, опирающейся на законы. Поэтому необходимость существования сильного правового государства как основы коммуникативного общества есть закон, требующий постоянного обоснования легитимности власти.

В современном обществе одновременно существует многообразие ценностей и норм, интересов и целей. Коллективная воля участников коммуникации имеет реальные возможности воздействовать на его участников, ориентируя их на такие коллективные ценности-регуляторы, как истина, справедливость, легитимность.

Правовой дискурс предполагают высокий уровень правовой и политической культуры, развитое гражданское общество, наличие институтов общественности, навыки диалога. Политическая культура людей рождается в обществе, имеющем опыт демократического становления и привыкшем к политической свободе.

Она позволяет радикально изменить процесс легитимации в направлении поиска нового баланса между силами общественной интеграции. В этом случае мы можем констатировать состояние общества как коммуникативное, имеющее в своей основе механизм социальной коммуникации, обеспечивающий взаимопонимание и согласие субъекта, общественности и власти как залог успешного преодоления дезинтеграционных процессов в обществе его и дальнейшего развития.

Условием дальнейшего развития современного общества становится овладение общественностью и властью всеми формами социальной коммуникации, способами получения истины и обоснования норм и ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель К. – О. Обґрунтування етики відповідальності / Ситниченко Л. А. Першоджерела комунікативної філософії. – Київ, 1997. – С. 45–60.

2. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1991. – 445 с.

3. Апель К. – О. Проблема етичної раціональності / Ситниченко Л. А. Першоджерела комунікативної філософії. – Київ, 1997. – С. 60–67.

4. Витгенштейн Л. Лекция по этике // Историко – философский ежегодник-89. – М., 1989. – 235 с.

5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 2. – М.: Гнозис, 1994. – 206 с.

6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Избранные работы. – М., 1994. – 127 с.

7. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67–120.

8. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – 254 с.

9. Гадамер Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988. – 700 с.

10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 424 с.

11. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологии философии: Т. 1. Общее введение в чистую феноменологию. – М., 1999. – 332 с.

12. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и трансцендентальная феноменология. Введение в феноме-

нологическую философию // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.

13. Серл Дж. Избранное. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 329 с.

14. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Выпуск 17. – М., 1986. – С. 11–14.

15. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 622 с.

16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – 528 с.

17. Бубер М. Я и Ты. / Квинтэссенция. Философский альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С. 294–371.

18. Бубер М. Перспектива / Ситниченко Л. А. Першоджереела комунікативної філософії. – Київ, 1997. – С. 153–156.

19. Франк С. Ересь утопизма / Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С. 378–396.

20. Борзунова Е.А. К понятию легитимности у Ю. Хабермаса. – М.: ИНИОН, 1998. – 12 с.

21. Володина Л.В. Проблема рационализации общества в философии Ю. Хабермаса. – М.: ИНИОН, 1999. – 5 с.

22. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АCADEMIA, 1995. – 111 с.

23. Гайда А.В., Вершинин С.Е. Коммуникация и эмансипация: Критика методологических основ социальной концепции Ю. Хабермаса. – Свердловск: Изд. Уральского университета, 1988. – 157 с.

24. Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: АCADEMIA, 1995. – С. 181–205.

25. Завадский С.А. Концепция жизненного мира в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса // Анализ немарксистских концепций цивилизации. – М., 1987. – С. 31–37.

26. Ермоленко А.Н. Этика ответственности и социальное бытие человека (современная немецкая практическая философия). – Киев, 1994. – 200 с.
27. Шульц В.Л. От диалектики к диалогу: социально – философская концепция Ю. Хабермаса. – М.: ИНИОН, 1999. – 8 с.
28. Мотрошилова Н. В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: АCADEMIA, 1995. – С. 113–180.
29. Назарчук А.В. От классической критической теории к теории коммуникативного действия (Смена парадигмы в социальной теории) // Вестник Московского ун – та Сер. 7. Философия. – М., 1993. – № 4. – С. 36 – 43.
30. Gouldner O. The Two Marxisms. – N. Y., 1980. – 101 S.
31. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Социологические и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ. Серия 11 // Социология. – 1994. – № 1. – С. 125–142.
32. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
33. Хабермас Ю. Комуникативна дія і дискурс / Ситниченко Л. А. Першоджерела комуникативної філософії. – Київ, 1997. – С. 84–90.
34. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука. – 2000. – 500 с.
35. Хабермас Ю. Вовлечение другого. – СПб.: Наука, 2001. – 415 с.
36. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Т. 1. – 446 с.
37. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – 525 с.
38. Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986. – 543 с.
39. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманистических наук. – СПб., 1994. – 405 с.

40. Фуко М. Зачем изучать власть: проблема субъекта // *Философская и социологическая мысль*. – 1990. – № 9. – С. 97–100.
41. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М., 1985. – 344 с.
42. Парсонс Г. О структуре социального действия. – М.: *Акад. Проект*, 2000. – 879 с.
43. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М.: *Совершенство*, 1997. – 203 с.
44. Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: *Логос*, 1997. – 161 с.
45. Абрамова Н.Д. Невербальные мыслительные акты в «зеркале» рационального сознания // *Вопросы философии*. – 1997. – № 7. – С. 58–66.
46. Давыдов Ю.Н. «Картина мира» и типы рациональности // *Вопросы философии*. – 1989. – № 8. – С. 150–164.
47. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: *Аспект – Пресс*, 1990. – 269 с.
48. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. – М.: *Наука*, 1994. – 379 с.
49. Современная социальная теория. – Новосибирск, 1995. – 119 с.
50. Современные социологические теории общества / *РАН ИНИОН*. – М.: *ИНИОН*, 1996. – 186 с.
51. Социальная философия Франкфуртской школы. – М.: *Прогресс*, 1981. – 351 с.
52. Голик Н.В. Философия культуры Франкфуртской школы // *Научная конференция «Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура»*. Ч. 2. – СПб., 1994. – С. 75–77.
53. Кезин А.В. Плюралистические концепции науки и их несостоятельность // *Научные доклады высшей школы. Философские науки*. – М., 1983. – № 1. – С. 61–70.
54. Порус В.Н. Цена «гибкой» рациональности // *Вопросы философии*. – 1999. – № 2. – С. 84–94.

55. Фарман И.П. Модель «коммуникативной рациональности» / Типы рациональности в культуре. – М., 1992. – С. 89–107.

56. Мид Дж. Философия акта: постановка вопроса // Личность. Культура. Общество=Culture. Personality. Soc. Т. 3. – М., 2001. – № 7. – С. 87–100.

57. Федотова В.Г. Рациональность как содержание и предпосылка модернизации / Исторические типы рациональности. В 2 т.: Т 1. – М.: ИФРАН, 1995. – 348 с.

58. Гайденко П.П. Исторические типы рациональности. В 2 т.: Т. 2. – М.: ИФРАН, 1996. – 347 с.

59. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. –1990. – № 6. – С. 110–122.

60. Нугаев Р.М. Исторические типы рациональности // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С. 182–188.

61. Майнбергер Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 57–65.

62. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.

63. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии.–1992. – № 6. – С. 91–105.

64. Швырев В.С. Знание и мироотношение. / Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Роспэн, 1996. – 302 с.

65. Мид Дж. Стадии акта: постановка вопроса // Личность. Культура. Общество=Culture. Personality. Soc. Т. 3, Т. 2. –2001. – № 2. – С. 137–145.

66. Выготский Л.С. Мышление и речь / Собр. соч. Т. 2. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.

67. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль (Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Щютц А.) – М., 1996. – С. 231–221.

68. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М., 1995. – С.143–184.

69. Уиллер Г. Рефлексивные модели герменевтических процессов познания // Вопросы философии. – 1991. – № 1. – С. 101–137.
70. Аронов Р.А. Проблема смысла в контексте // Вопросы философии. – 1999. – № 6. – С. 133–137.
71. Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. – 1989. – № 4. – С. 96–104.
72. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116–157.
73. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 804 с.
74. Земляной С.Н. Герменевтика и проблема понимания / Проблемы и противоречия буржуазной философии 60–70 годов XX века. – М., 1983. – С. 230–266.
75. Зинченко В.П. Психология доверия // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 76–93.
76. Налимов В.В. Реальность нереального бессознательного. – М.: Мир идей: Акрон, 1995. – 431 с.
77. Налимов В.В. Размышления на философские темы // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 58–75.
78. Гутнер Г. Категории модальности и математическое существование // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 120–137.
79. Мамардашвили М.К. Классические и неклассические идеалы рациональности. – М.: Лабиринт, 1994. – 88 с.
80. Мамардашвили М. Эстетика мышления / Московская школа политических исследований. – М., 2000. – 412 с.
81. Берлин И. Стремление к идеалу // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 51–62.
82. Мусхешвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 79–91.
83. Мусхешвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю.А. Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 49–59.

84. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Киев: Ва-клер, 2001. – 651 с.
85. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в систе-ме культуры. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. Выпуск 6. – С. 227–243.
86. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996. – 447 с.
87. Пиаже Ж. Избранные психологические труды: Пси-хология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и пси-хология. – М.: Международная педагогическая академия. – 680 с.
88. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 378 с.
89. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. / Ф. Тённис. – СПб: Даль, 2002. – 450 с.
90. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального обще-ства как методологическая парадигма российского обще-ствоведения // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 29–41.
91. Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // Вопросы фило-софии. – 1998. – № 9. – С. 27–38.
92. Капустин Б.Г. Современность – как принуждение и как свобода // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 19–39.
93. Львов Д.С. Образ новой России – истоки формирова-ния // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 3–18.
94. Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 3–12.
95. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и кри-тицизме // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 23–28.
96. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократи-ческие режимы // Полис. – 1992. – № 1–2. – С. 217–225.
97. Лейпхарт А. Демократия в многосоставном обще-стве. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 28 с.
98. Рац М.В. К концепции открытого общества в со-временной России // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 23–34.

99. Розов Н.С. Национальная идея как императив разума // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 13–28.

100. Розов Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 3–23.

101. Розова Т.В., Барков В.Ю. Специфика становления гражданского общества в Украине. – Одесса: Юридична література, 2003. – 336 с.

102. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 112–123.

103. Гидденс Э. Последствия современности // Социологические и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ: Серия 11. Социология. – 1994. – № 2. – С. 3–13.

104. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 526 с.

105. Кантор В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 14–22.

106. Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 3–14.

107. Пантин И.К. Проблемы самоопределения России: историческое измерение // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 3–17.

108. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направление для дальнейших исследований // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 48–57.

109. Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. – М.: Academia – Центр, Медиум, 1995. – 320 с.

110. Пиаже Ж. Суждение и рассуждение ребенка. – СПб.: Союз, 1997. – 282 с.

111. Ноттурно М. Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 90–104.

112. Современные теории социологии: Энтони Гидденс: Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1995. – 155 с.

113. Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур: Классификация и сериация / Жан Пиаже. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 408 с.

114. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основные положения критической теории права и государства. – М., 1994. – 319 с.

115. Хайтун С.Д. Рынок против войны как менее эффективного средства ускорения социальной эволюции // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 3–19.

116. Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 16–24.

117. Федотова В.Г. Анархия и порядок российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 3–20.

118. Фельдман Д.М. Лидер в ситуации политического конфликта // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 39–41.

119. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – М.: ИГиП РАН, 1993. – 140 с.

120. Ярулин И.Ф. Идея гражданского общества: История и современность. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 51 с.

121. Мамут Л.С. Проблема ответственности народа // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С. 19–28.

122. Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). – М.: Наука, 1989. – 253 с.

123. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. – М., 1991. – С. 94–103.

124. Чубукова Е.И., Новиков Л.В. Концепция «универсальной прагматики» Ю. Хабермаса / Вестник ЛГУ. Серия: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. – Л., 1988. – 28 с.

125. Aragaki H. Communicative ethics and morality of discourse // Praxis intern. – Oxford, 1993. – S. 154–171.

126. Geuss R. The idea of critical theory: Habermas and the Frankfurt school. – Cambridge etc.: Cambridge univ. Press, 1981. – 100 s.

127. Stryke R. Rules, resources, legitimacy. American journal of sociology. Vol. 99. Jan. 1994. – S. 849–910.

128. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. – Cambridge / Mass / : MIT Press, 1999. – S. 34–40.

129. Habermas J. The Dialectic of Rationalization. In .: J. Habermas . Autonomy and Solidarity. Ed. P. Dewes . L. – N. Y.: Verso. 1992. – S. 109–110.

130. Habermas U. Legitimation problem in modern state // Communication and evolution of society. Beacon Press, 1979. – S. 109–140.

131. Heath J. The problem of foundationalism in Habermas's discourse ethics // Philosophy a. social criticism. – Chestnut Hill (Ma), 1995. – S. 77–100.

132. Held D. Critical theory and political transformation // Media culture a. soc. – L. etc., 1982. – Vol. 4, № 2. – S. 153–160.

133. Honneth A., Knodler – Bunte E., Widmann A. The dialectic of rationalisation: An interview with J. Habermas // Telos. – St. Louis, 1981. – № 49. – S. 5–31.

134. Ferreira J.V. The Frankfurt school of critical theory // J. of the Univ. of Bombay. – Bombay. 1982. – Vol. 125. – S. 6–23.

135. Trey G.A. The philosophical discourse of modernity: Habermas's post – modern adventure // Diacritics. – Baltimore. (N. Y.), 1989. – Vol. 19, № 2. – S. 67–79.

136. McCarthy Th. The critical theory of Jurgen Habermas. – Cambridge (Mass.); London: MIT press, 1982. – XV. – 484 s.

137. Meadwell H. The foundations of Habermas's universal pragmatics // Theory a. soc. – Amsterdam etc., 1994. Vol. 23, N 5. – S. 711–727.

138. White St. K. The recent work of Jurgen Habermas: Reason, justice a. modernity. – Cambridge etc.: Cambridge univ. Press, 1988. – 190 s.

139. Ware R. X. Habermas's evolutions // Canad. J. of philosophy. – Edmonton, 1982. – Vol. 12, N. 3. – S. 591–620.

140. Walker B. Habermas and pluralist political theory // Philosophy and social criticism. – Chestnut Hill (Ma), 1992. – S. 81–102.
141. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. – М., 1978. – С. 170–890.
142. Левин Г.Д. Свобода воли. Современный взгляд // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 71–86.
143. Василенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 23–34.
144. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Выпуск 17. – М., 1986. – С. 11–14.
145. Лиотар Ж. – Ф. Ситуация постмодерна. – М.; СПб., 1998. – 159 с.
146. Суворов О.В. Разум и феномен «Я» // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 130–137.
147. Тур М.Г. Проблема інтеграції в теорії комунікативності Ю. Габермаса. Автореферат дис. ... канд.філос. наук. – Київ, 1996. – 25 с.
148. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Политиздат, 1990. – 524 с.
149. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. – М., 1975. – 452 с.
150. Маркузе Г. Человек в индустриальном мире. – М.: Relf-book, 1999. – 340 с.
151. Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. – Новосибирск, 1997. – 296 с.
152. Арлычев А.Н. Об иррационализме как философии изменчивости // Вопросы философии. – 1998. – № 6. – С. 133–142.
153. Нугаев Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 114–122.
154. Ильин В.В. Теория познания. Общие проблемы. – М., 1994. – 163 с.
155. Соболев О. М. Постмодерн і майбутнє філософії. – Київ: Наукова думка, 1998. – 187 с.

156. Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт // Вопросы философии. – 1998. – № 11. – С. 116–130.
157. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 2002. – 605 с.
158. Поппер К. Ницета историцизма. – М., 1993. – 185 с.
159. Элен П. Философия «мы» у С.Л. Франка // Вопросы философии. – 2000. – №2. – С. 57–69.
160. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 48–59.
161. Мойсеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 349 с.
162. Хамитов Н.В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. – К. – М., 2002. – 336 с.
163. Хамітов Н. Самостність в людському бутті: досвід метаантропології. – К., 2000. – 252 с.
164. Библер В.С. Школа диалога культур: Идеи, опыт, перспективы. – Кемерово: Алеф. – 1993. – 414 с.
165. Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
166. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
167. Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 38–58.
168. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
169. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 56–66.
170. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 66–89.

171. Брушлинский А.В. Деятельностный подход и психологическая наука // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 89–96.

172. Розин В.М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 96–107.

173. Швырев В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» (попытка современной оценки) // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 107–116.

174. Habermas J. Toward a Critique of the Theory of Meaning // Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays. Polity Press, 1995. – S. 68–70.

175. Капустин Б.Г. Критика политического морализма (мораль – политика – политическая мораль) // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 33–56.

176. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.

177. Сарновська С.О. Сучасна соціальна комунікативна культура (філософсько – методологічний аналіз). Автореферат дис. ... канд. філос. наук. – Київ, 2000. – 18 с.

178. Кравченко А.Г. Менталітет як об'єкт соціально – філософського дослідження. Автореферат дис. ... канд. філос. наук. – Київ, 2001. – 19 с.

179. Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 92–109.

180. Ситниченко Л.А. Першоджерела комунікативної філософії. – Київ, 1997. – 170 с.

181. Лобковиц Н. От субстанции к рефлексии. Пути западноевропейской метафизики // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 95–105.

182. Сирота А.М. Неомарксизм: попытка реформации // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 104–119.

183. Бейнс К. Либерализм Роулса и коммунитаристская критика // Историко – философский ежегодник. – 1994. – С. 89–108.

184. Гуревич П.С. Идеал, утопия и критическая рефлексия // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 139–141.

185. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: проблемы и дискуссии последних лет // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 82–94.

186. Качоха В. Проблемы общего блага в современной демократии // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 57–64.

187. Алексеева Т.А. Личность и политика в переходный период: проблемы легитимности власти // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 58–65.

188. Семенов В.С. Забытый Маркс: о революции, социализме, человеке // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 33–46.

189. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – 218 с.

190. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – 458 с.

191. На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия. – М.: Российское философское общество, 1998. – 255 с.

192. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.

193. Зандкюлер Х.Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 35–50.

194. Либерализм в России. – М.: ИФРАН, 1996. – 463 с.

195. Будь лицом: ценности гражданского общества. – Томск, изд. Томского университета, 1997. – Т. 1. – 260 с.

196. Утехин С.В. И.М. Берлин и его идейное наследие // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 45–50.

197. Егоров И. А. Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 3–29.

198. Fish M.S. The Travails of Liberalism // Journal of Democracy. April 1996. Vol.7. – № 2. – S. 10–117.

199. Масарик Т.Г. Либерализм // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 118–131.

200. Анохин М.Г. Политические системы: адаптации, динамика, устойчивость. – М., 1996. – 305 с.
201. Галаганова С.Г., Фролова М.А. Современная западная политическая теория: основные парадигмы исследования. – М.: МГУ, 1993. – 43 с.
202. Богдановський І.В. Сучасна філософія свідомості: проблема моделювання когнітивних станів // Вісн. Філософія. Політологія / Київ. нац. ун – т. Вип. 33., 2001. – С. 4–7.
203. Гидденс Э. Сознание, я и социальное взаимодействие // Философия и общество. – 2001. – № 2. – С. 35–38.
204. Арент Х. Хайдеггеру – восемьдесят лет // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С. 126–132.
205. Лобер В.Л. Демократия: исторические корни, содержание и тенденции развития. – М.: Знание, 1992. – 62 с.
206. Костюк К.Н. Политическая мораль и политическая этика в России // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 39–42.
207. Баллестрем К.Г. Номо оесопотіміс? Образы человека в классическом либерализме // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 42–53.
208. Дорфман Я.Г., Сергеев В.М. Морфогенез и скрытая смысловая структура // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. – М., 1983. – С. 137–147.
209. Курбатов А.Ю. Стратегия делового успеха. – Ростов – на – Дону: Феникс, 1997. – 414 с.
210. Мескон М.Х., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1997. – 704 с.
211. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / Серия «Общественная мысль: исследования и публикации». – М.: Наука, 1995. – 463 с.
212. Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 340–347.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Изменение типа рациональности как необходимая основа коммуникативного общества	11
1.1. Виды и типы рациональности.	11
1.2. Коммуникативная рациональность – новый тип рациональности	30
Глава 2. Сущность социальной коммуникации, ее условия и механизмы	53
2.1. Проблема понимания как механизм социальной коммуникации	53
2.2. Коммуникативный дискурс: типы и условия дискурса	90
Глава 3. Противоречия коммуникации в современном демократическом обществе	110
3.1. Коммуникативное общество: трансформация типа общественности и демократии.....	110

3.2. Эволюция гражданского общества и правового государства – важнейшие элементы современного демократического общества	131
3.3. Правовой дискурс как основа политической коммуникации.....	137
Заключение	157
Литература	166

Для заметок

Учебное издание

Саввина Людмила Ивановна
Саввина Марина Геннадьевна
Жарких Владимир Юрьевич и др.

АРГУМЕНТАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИУМЕ
(постмодернистский подход)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *О.А. Штырова*

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.
Подписано в печать 28.03.2016. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 102.

Изд-во Приднестр. ун-та. 3300, г. Тирасполь, ул. Мира, 18